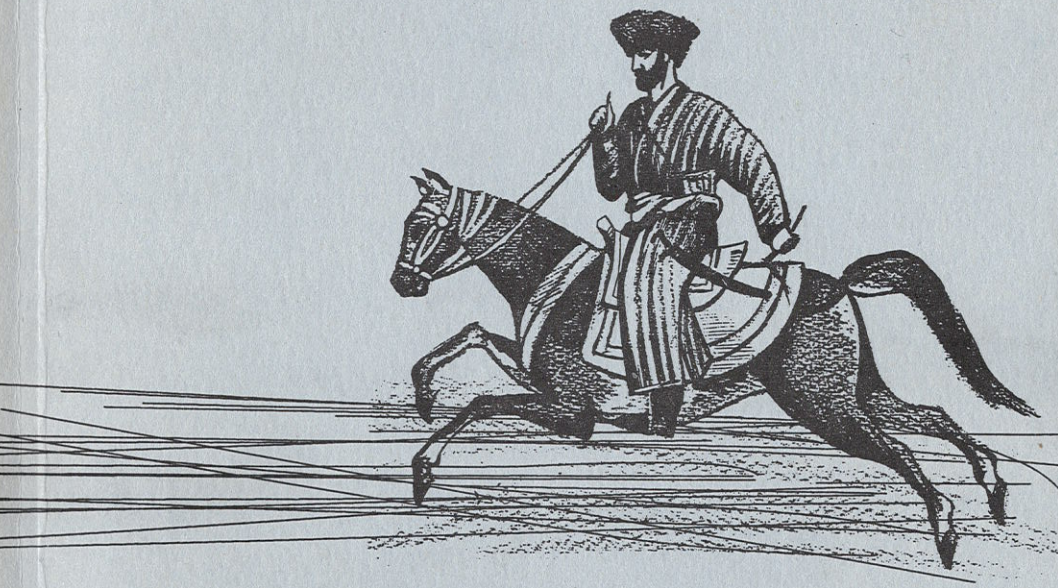
Ю.М. Ботяков

АЛАМАН

Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая половина XX века)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

Ю.М. Ботяков

АЛАМАН

Социально-экономические аспекты
института набега у туркмен
(середина XIX – первая половина XX века)

Санкт-Петербург
2002

ББК 63.5
Б-86

Книга является первым монографическим исследованием такого рода феномена древней и средневековой культуры,как аламан (набег), просуществовавшего у туркмен вплоть до первой четверти XX в.

Книга посвящена традиционной военной организации, однако охватывает широкий круг вопросов, связанных с различными сторонами культуры туркмен: хозяйственно-материальной,социальной, отчасти духовной, а также с особенностями традиционного права и этнопсихологии.

Рассчитана не только на этнографов,но и всех, интересующихся историей и военным искусством народов Средней Азии.

Ответственный редактор
д.и.н. Г.Н. Симаков

Рецензенты
к.и.н. А.В. Коновалов, к.и.н. П.И. Погорельский

К 0505000000
ISBN 5-88431-065-X

© МАЭ РАН, 2001.
© Ю.М. Ботяков, 2001.
© А.Ю. Харитонова, художественное оформление.

ВВЕДЕНИЕ

Существование туркменского этноса со времени его появления на исторической сцене и вплоть до начала XX в. протекало в сложной политической обстановке. Племена туркмен, расселившиеся на обширной территории Восточного Прикаспия и оказавшиеся в окружении Персии, Афганистана, Хивы и Бухары, являлись объектом постоянной экспансии со стороны восточных деспотий. Ситуация для туркмен осложнялась еще и тем,что территория их проживания нередко становилась объектом совместных притязаний этих государств одновременно. В таких случаях туркменам приходилось испытывать на себе разрушительное действие двойного удара. Принудительные переселения, миграции, набеги, а также временный,практикуемый из тактических соображений переход под протекторат того или иного государства становились реалиями повседневной жизни большинства туркменских племен. Затянувшаяся на долгие десятилетия борьба за политическую самостоятельность, обусловившая сложение эффективной и удивительно жизнеспособной системы ведения боевых действий, способствовала формированию общества, которое смогло противостоять ударам извне. Совершенно справедливо отмечал С.М. Абрамзон, что «этнически и политически туркмены могли сохранить себя только с помощью хорошо слаженной военной организации, для которой племенная структура являлась наиболее приспособленной формой».[1] Война становилась постоянным фактором в жизни многих поколений туркмен. И в этой борьбе туркмены далеко не всегда выступали в качестве жертвы. Пограничные с территорией туркмен области подвергались с их стороны военным набегам. Прекрасно зная военные качества туркменского народа и испытав на себе удары,наносившиеся отрядами всадников,ханы Хивы,правители Бухары и Афганистана,шахи Ирана приглашали туркмен на военную службу. В ряде случаев использование туркмен в ка-

честве воинов носило принудительный характер. До прихода русских в Туркмению у эмира бухарского туркмены — эрсары, салыры, арабачи, курома и другие — служили в качестве наемного войска в количестве до 10 тысяч человек. У ханов Хорезма на службе состояли йомуты, човдуры, гарадашлы, емрели, геклены. Число туркменских воинов в хивинском войске достигало 5 тысяч человек. В Афганистане служили эрсары, алили и другие также в количестве 5 тысяч человек. У иранских наместников в Хорасане и на Гюргене йомуты, геклены, емрели, салыры и другие туркмены составляли силу, исчисляющуюся 10 тысячами воинов. При этом туркменские воинские формирования имели свои специфические особенности. В Хиве и Иране они представляли собой постоянные небольшие вооруженные отряды, подчиненные отдельным ильханам или бекам.[2] В Хиве среди проживавших здесь местных туркмен сформировалось так называемое атлычное земледелие (от атлык — «конный»). Туркмены обязывались выставлять одного нукера в среднем от 5—6 семейств. Нукер должен был быть конным, за что получал участок земли — атлык.[3] В Бухаре и Афганистане туркменское мужское население, способное носить оружие, представляло своего рода ополчение, которое по требованию эмира бухарского или его бека обязано было прибыть с оружием в определенное место сбора и присоединиться к регулярным бухарским войскам.[4] Туркмены-текинцы, сумевшие в большей степени проводить самостоятельную политику, имели, по мнению Г.И. Карпова, в каждом крупном родовом подразделении фарражей, т.е. постоянные вооруженные отряды численностью от 20 до 1000 человек, возглавлявшиеся есаулами. В дни проведения боевых операций эти отряды пополнялись людьми из своего же рода, и тогда их численность в ряде случаев достигала 5—8 тысяч всадников.[5] Но эти отряды не являлись личными дружинами туркменских вождей (сердаров) или ханов, а были своего рода ополчениями, выставлявшимися родовыми подразделениями: «Эта военная организация не являлась постоянной и не превратилась еще в обособленную от общины и противостоящую ей силу».[6]

Несмотря на приведенные данные о традиционной военно-политической организации туркмен в исторических источниках «в целом сведений довольно мало. Обычно каждая небольшая

племенная группа выставляла отряд всадников, входивший в состав племенного ополчения, которым руководили авторитетные в народе предводители (сердары, батыры)... При условии выборности предводителей и отсутствии четкой военной организации туркменское войско, несмотря на прекрасные боевые качества каждого воина в отдельности, нередко терпело от врагов поражение».[7]

Сложность, возникающая при изучении военной организации туркмен, в немалой степени связана с тем обстоятельством, что она, представляя с общинно-племенной организацией единое целое, была лишена четких контуров, растворяясь в последней. Характерно, что, говоря об общественной организации кочевников, Г.Е. Марков выделяет понятие «агрегатное состояние». И если в «относительно мирные эпохи агрегатное состояние было общинно-кочевым, а политическая организация весьма аморфной, то в условиях войн и переселений наступало военно-кочевое агрегатное состояние с более четкой военной и политической организацией общества».[8]

Автор полагает, что плодотворное исследование военной организации туркмен возможно лишь при специальном изучении одного из ее центральных институтов, а именно института аламана (набега). Термин «аламан» появляется достаточно поздно. Во всяком случае, мы не встречаем его в словаре древнетюркских наречий. В словаре Махмуда Кашгарского термин «аламан» в туркменском языке трактуется как «чернь», «отряд наездников», «толпа народа», а также в значении «составление партии для разбоя и грабежа».[9] Именно так раскрывается этот термин и в современном туркмено-русском словаре.[10]

Ареал распространения термина «аламан» достаточно широк. В киргизском языке среди многочисленных значений этого слова приводятся, в частности, следующие: «беспорядочный набег», «толпа», «масса», «военная добыча».[11] В узбекско-русском словаре термин «аламан» (оломон) означает «толпа»; словосочетание «оломон пайга» — «массовые скачки».[12] У казахов также «аламан-байге» называли скачки, совершаемые на самую дальнюю дистанцию.[13]

С упоминанием о набегах туркмен мы сталкиваемся уже начиная с того момента, когда в начале XI в. их предки огузы в количестве 4 тысяч семейств перешли Джейхун и расселились

в Хорасане.[14] Они заняли районы Серахса,Абиверда и Феравы. Уже через два года коренное население этих мест отправило Махмуду Газневи жалобу на насилия и грабежи туркмен.[15] Хрупкий мир между оседлым земледельческим населением и кочевниками был нарушен, что привело к эскалации набегов со стороны туркмен. Центральные власти разбили туркмен в районе Феравы: это привело к их уходу в сторону Балхан и Дихистана. Часть же туркмен переселилась в Иран в сторону Кермана. Этот небольшой отряд, в течение нескольких лет совершая набеги и грабежи,доходил не только до Месопотамии, Курдистана, но и до Армении.[16] Дальнейшее продвижение туркмен на территорию Хорасана в 1035 г. состояло не в желании его завоевать, а в стремлении получить от газневидского правительства пограничные со степью земли. Кроме того «при объяснении причин этого движения мы не должны забывать и стремления патриархально-феодальной знати к грабежам, на что она постоянно толкала своих воинов и чего никогда не упускала делать, была бы для этого подходящая обстановка».[17]

Века, прошедшие со времени борьбы предков туркмен с газневидами, не прервали традицию проведения набега. До времени проникновения русских в Среднюю Азию сведения по этнографии туркмен носят весьма фрагментарный характер, в полной мере это относится и к сведениям о набегах. Тем не менее,материалы,которые были собраны в этот период,говорят о непресекающейся традиции аламанов. Так, Ф. Ефремов, в середине XVIII в. оказавшийся в качестве пленника в Средней Азии, о туркменах сообщает следующее: «От Чарджуя вниз по реке Аму-Дарье живут кочевые туркмяне, коих два рода первые называются тяка, вторые салдур... Они любят жить во всегдашнем воровстве, ловят персиян и продают в Бухарию, Хиву и во все тамошние места».[18] В исторической поэме Абду-с-Саттар-казы («Книге рассказов о битвах текинцев») повествуется о событиях начала XIX в. О набегах говорится следующее: «А текинский народ был весьма своевольным, необеспеченным, воровским, как у кого корм для коней истощится, соберут войско в поход на страну Насир-ед-дин-шах , отправятся со словами “возьму или умру!”, нападут на какое-нибудь укрепленное поселение, некоторое время

посражаются,красноголовых побьют,порежут,женщин и детвору уведут да продадут в Хиву и Бухару».[19]

В конце XIX в. с момента вхождения Туркмении в состав Российского государства появляются многочисленные письменные свидетельства, касающиеся вопросов истории и этнографии туркмен. Путевые заметки и докладные записки офицеров и чиновников, непосредственных участников и наблюдателей событий,протекавших на территории Туркмении в середине—конце XIX в., включают в себя, как правило, и описания аламана. Сообщения эти в большинстве случаев не содержат детального анализа аламана как явления социального. Авторы ограничивались обычно лишь описанием наиболее ярких его черт.

Одно из первых описаний аламана у йомутов принадлежит К. Боде, рассматривающему аламаны как войну, которую туркмены вели с персами. Этот автор отмечает ряд интересных деталей в тактике проведения набега, сообщает о положении гулов — рабов,захваченных в ходе аламана.[20] И.Ф. Бларамберг, говоря о гекленах, также приводит ряд ценных замечаний о численности аламана, его организации, описывает морские набеги,которые совершались со стороны Астрабадского залива. В качестве типичного примера, практикуемого туркменами, он отмечает захват пленных с последующей их передачей за выкуп.[21]

К числу наиболее интересных материалов о туркменах относятся сведения А. Вамбери,под видом паломника сумевшего проникнуть на территорию туркмен, ранее не посещавшуюся европейцами. А. Вамбери придерживался той точки зрения, что аламан является главным и характерным родом деятельности для всех туркменских племен. Исследователь также рассматривал аламан в контексте священной войны джихад суннитов против неверных шиитов.[22] Подобными сведениями об аламане отличается работа безымянного автора «Туркмены йомудского племени», в которой, в частности, описывается передвижение туркменского отряда через горы в Иран, организация сбора сведений непосредственно перед нападением и ряд других подобных сведений.[23] Конец XIX в. пополнил сведения о набегах туркмен новыми материалами.[24] Среди работ 70—80-х годов XIX в. выделяется фундаментальный труд Н.И. Гродекова «Война в Туркмении»,

посвященный подробному рассмотрению завоевания Закаспийской области. Немалое место в этой работе уделено аламану. Н.И. Гродеков отмечает разницу между набегами крупными, организованными на родовом совете, и мелкими, которые зачастую проводились вопреки воле старейшин. Здесь же автор рассматривает побудительные причины аламана, выделяя в качестве основных стремление к легкой наживе, приобретению репутации воина и в дальнейшем вождя. Аламан рассматривается Н.И. Гродековым также в связи с вопросом о присоединении туркменами земельных территорий и о владении ими по праву завоевателя.[25]

К концу XIX—началу XX в. сведения об аламанах продолжают пополняться.[26] Хотя,как правило,основная информация об аламане не претерпевает изменений, сведения в большинстве случаев дублируют друг друга. Из целого ряда работ, содержащих лишь краткие упоминания об интересующей нас теме,можно выделить статью Н. Йомудского — представителя местной среды и большого знатока быта туркмен. Н. Йомудский рассматривает аламан как особый институт, сложившийся у туркмен в течение исторически длительного времени, а Иран — в качестве своеобразной «житницы»,откуда туркмены посредством аламанов добывали все для себя необходимое.[27]

Уже при первом знакомстве такое социальное явление, как аламан,представляется далеко не однородным. Становится ясным, что набеги, санкционированные хивинским ханом или направляемые сердаром,влияние которого выходило далеко за рамки племени,отличались от аламана во главе с батыром (богатырь,смельчак — здесь в значении предводителя небольшого отряда), слава которого не распространялась дальше родного оба (селения). Различались и сами задачи, стоявшие перед аламаном. Спектр проблем, разрешаемых с помощью набега, был достаточно широк. А.Н. Самойлович считал,что вместе со стремлением к славе и добыче мщение на почве кровной мести являлось одной из побудительных причин проведения набега.[28] В увеличении калыма в период после вхождения Туркмении в Россию А. Ломакин видел доказательство того,что аламаны ставили перед собой цель захвата наложниц малоимущими туркменами,неспособными выплатить требуемый калым.[29]

Неоднородный характер аламанов отразился и на их оценках в литературе. Часть авторов склонялась к той точке зрения, что набег не приносил туркменам практически никаких экономических выгод. Инженер П.М. Лессар считал,что аламан не мог составить серьезное подспорье в жизни текинцев и сарыков. Причину этого он видел в следующих, весьма конкретных обстоятельствах: «Кто из лучших сердаров в Мерве не испытывал превратностей судьбы — попадет в плен или сам,или его сын,или брат,увезут кого-либо из дома разбойники других племен... надо выкупать,а с богатого человека и выкуп берут большой».[30]

Но также существовала противоположная точка зрения, согласно которой «при несовершенстве земледелия и скотоводства,при скудости продуктов,добываемых этим путем,аламаны служили главным средством к жизни, имея за собой в виде подспорья хозяйство».[31]

Первой научной публикацией, где предметом изучения становится аламан, можно рассматривать статью Г.И. Карпова «Аламаны». Главной заслугой этого автора можно считать то, что он обобщил накопленный материал. Большое место в статье занимает описание тактики проведения набега. Коротко касаясь истории туркменского народа, Г.И. Карпов выделяет отдельные периоды, когда произошла определенная переориентация в проведении набегов. Так, согласно его точке зрения, борьба духовенства шиитов Ирана и сунитов Бухары,Хорезма и Афганистана привела к обнародованию указа (фетва), согласно которому шииты могли быть продаваемы в неволю наравне с неверными. Это вызвало усиление набегов туркмен на иранские поселения и сокращение аламанов в сторону Бухары, Афганистана и Хорезма. В качестве одной из основных причин проведения набегов у туркмен Г.И. Карпов называет безводие пустыни,что вынуждало их к захвату новых территорий.[32] Описанию аламана отводится значительное место в диссертации А.С. Морозовой «Рабство у туркмен и узбеков Хивинского ханства в XIX веке». Автор отмечает,что аламан был притягательной сферой деятельности практически для всех слоев туркменского общества.[33] Основным источником рабства у туркмен «являлись вооруженные набеги-аламаны».[34]

Если в подавляющем большинстве работ, вышедших до 1917 г.,преобладала точка зрения,согласно которой туркменский аламан рассматривался как основное и одновременно самое любимое занятие всего взрослого мужского населения, то

в работах советских этнографов возобладал диаметрально противоположный взгляд на проблему. В советское время весьма отчетливо стала проявляться тенденция сузить социальную базу аламана, свести ее исключительно к «патриархально-феодальной верхушке». Характеристику аламана, дающую достаточно объективную картину бытования этого социального явления, которую мы встречаем в работе Е.Л. Штейнберга, можно считать исключением. Так, этот автор, в частности, отмечал, что аламан являлся одним из основных источников пополнения продовольственных ресурсов кочевых туркмен, главным образом хлебных запасов.[35]

Не вызывает сомнения,что игнорирование аламана,его роли в развитии туркменской общины проводилось по соображениям политической конъюнктуры. Тенденция эта сохранялась, хотя еще в 1948 г. Н. Халфин совершенно справедливо отмечал своим оппонентам следующее: «Несомненно, аламаны имели место на определенной стадии развития туркменского народа, как и (под иным названием) у других народов... В аламанах... видеть "фантастические измышления" и посягательства на честь туркменского народа по меньшей мере наивно».[36] Статья академика ТССР А.А. Рослякова «Аламаны»,[37] построенная на материалах хроник хивинского историографа Агехи, наиболее фундаментально представляет это направление. В результате своих исследований автор приходит к следующей оценке социальной базы аламанов. Организатором их, по мнению А.А. Рослякова, выступает исключительно родо-племенная верхушка. Число лиц,заинтересованных в проведении набега,— узкий круг наиболее приближенных ко двору хивинского хана военных вождей — сердаров, опирающихся на отряды нукеров. Львиная доля добычи,поступавшей в ходе проведения набега, распределялась между ханом и вождями военных отрядов, т.е. аламан представляется явлением, практически не распространенным среди широких слоев населения.[38] В дальнейшем подобная точка зрения просто тиражировалась. Здесь можно привести характеристику аламана, которую дает этому институту каракалпакский этнограф С. Камалов: «После присоединения к России правобрежные каракалпаки стали жить спокойней. Их границы охранялись русскими войсками от "аламанов" — туркменских феодалов».[39]

Имела место тенденция, когда аламан как явление просто замалчивался в литературе. Так, в 1954 г. вышла фундаментальная работа «Очерки истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», содержащая богатый фактический материал, где были использованы многочисленные и часто малоизвестные источники, освещающие вопросы этногенеза и этнической истории туркмен. При этом в качестве упрека авторам этой работы было предъявлено то, что они «несколько перегрузили работу второстепенными фактами политической и военной истории».[40] Учитывая это замечание, тем более странным кажется тот факт,что институту аламана в этой работе не нашлось места.

Существовала и иная тенденция, проявляющаяся в стремлении «обелить» аламан. Согласно точке зрения А.И. Акатовой, приход текинцев в Ахальский оазис следует рассматривать как отвоевание земель «от иранских захватчиков».[41] И конкретно об аламане сказано следующее: «Этой справедливой борьбе туркмены дали название аламан (отвоюю)».[42]

В серьезном исследовании Ю.Э. Брегеля «Хорезмские туркмены в XIX в.» теме аламана автор уделяет весьма незначительное место. Аламан им рассматривается как один из инструментов эксплуатации родовой верхушкой рядовых общинников. К этому вопросу Брегель приходит в силу того обстоятельства, что доля сердара при разделе добычи значительно превышала долю простого участника набега. Ю.Э. Брегель подвергает критике статью А.А. Рослякова. Главное замечание сводится к тому, что последний исходит в своем исследовании из неверного предположения: определить по хроникам Агехи общую сумму добычи аламанов хорезмских туркмен хотя бы за год и распространить сделанные им отсюда выводы и на южных туркмен.[43]

О.М. Гвилава в своей статье «Аламаны как социальное явление» подвергает критическому анализу точки зрения авторов,которые до него обращались к проблеме туркменского аламана, отмечая, что многие исследователи делали вывод, основываясь на материалах, которые в корне отличались друг от друга исторически и регионально. С его позиции, нельзя относить аламан к чистому грабежу или конкретной форме освободительной войны, сложившейся в туркменской среде. Подход к проблеме в каждом конкретном случае и в каждый

исторический период должен быть строго индивидуальным. Так, в частности, Гвилава приводит пример, когда в ответ на приказ Иранского шаха Астрабадскому губернатору наложить штраф на туркмен за отказ выплатить крупную сумму, туркмены провели аламан. В данном случае мы имеем дело с освободительной войной — аламан был ответом властям на притеснения, так как у туркмен не существовало иных форм политической борьбы.[44] Чистый же аламан, считает автор, — это грабеж на караванных тропах. О.М. Гвилава дает в своей работе описание аламана в целом, приводя серию конкретных деталей, касающихся его организации и проведения.

Можно констатировать, что тема, связанная с изучением аламана у туркмен, до сих пор оставалась вне всестороннего научного анализа и не нашла адекватного отражения в литературе. Разработка ее до настоящего времени не проводилась достаточно глубоко, хотя отдельные аспекты этой темы были в центре внимания этнографов и историков. Длительность существования аламана, его массовость позволяют ставить вопрос о том, что этот институт не мог не стать одним из важнейших факторов в процессе социального развития туркменского общества.

Предлагаемая работа не может претендовать на исчерпывающее исследование по данной проблематике. Мы ограничиваем рассмотрение аламана сферой социально-экономических аспектов этого института. Непосредственная цель данной работы — вскрыть социальные процессы, протекавшие в туркменском обществе середины XIX—первой четверти XX в., непосредственно связанные с институтом аламана. В предлагаемой работе предпринята попытка выявления тех внутренних связей, которые соединяли аламан как институт с глубинными процессами, протекавшими в туркменском обществе. При этом влияние на них аламана могло носить различный характер. В одних случаях он становился катализатором, ускоряющим процесс, в других, напротив, выступал в роли консервативного фактора, тормозящего дальнейшее развитие. В целом, подобный подход позволит отойти от старой схемы, когда аламан рассматривался вне конкретных социальных явлений, что не могло не привести к сужению круга проблем, связанных с этим институтом. Фактически аламан в сфере социально-экономической сводился, в лучшем случае,

к проблемам эксплуатации внутри туркменской общины (несправедливый раздел добычи между сердаром и его соратниками) и эксплуатации инородной части общества (проблема невольников). Иначе говоря, мы имеем возможность получить ответ на вопросы, конкретно какие слои общества были задействованы в этом процессе и насколько широка была социальная база аламана.

Еще при первом знакомстве научной общественности с аламаном выявился тот круг основных побудительных причин, который приводил в действие механизм организации и проведения аламана. Важнейшие из них — стремление к материальным ценностям, славе и месть. Соответственно в первой главе нами будет рассмотрен аламан в контексте экономических проблем. Вторая глава посвящена проблемам, в большей степени связанным с существованием молодежных возрастных формирований. В третьей главе предметом исследования станут вопросы, касающиеся взаимодействия аламана и института мести у туркмен. В последней, четвертой главе мы дадим характеристику аламана в свете традиционного военного искусства этого народа.

Основным источником для написания предлагаемой работы стал полевой этнографический материал автора, полученный им в ходе пяти экспедиционных сезонов с 1982 по 1989 гг. Информация собиралась среди наиболее крупных туркменских племен (йомуты, теке, сарыки, эрсары и емрели). Наиболее полно материал представлен по йомутам, как проживающим на севере в Куня-Ургенчском и Тахтинском районах, так и на западе — в Гасан-Кулийском, Кизил-Арватском и Казанджикском районах Туркмении.

Вторым по значимости кругом источников являются архивные материалы, хранящиеся в Центральном Государственном Архиве Туркмении и Центральном военно-историческом Архиве, а также находящиеся в Центральной научной библиотеке Туркмении. В частности, именно здесь хранятся рукописные материалы Г. Карпова, в большинстве своем представляющие полевой этнографический материал самого автора и его многочисленных корреспондентов на местах.

В третью группу входят сведения научных публикаций и газетных статей, опубликованных в Ашхабаде до 1917 г.

Кроме того использован фольклорный материал, главным образом героический эпос «Гер-оглы», занимающий центральное место среди всех сказаний туркмен и представляющий прекрасный материал на интересующую нас тему. Определенное место в источниковой базе работы принадлежит экспонатам МАЭ РАН и РЭМ.

В работе в ряде случаев для сопоставления привлекается материал по отдельным народам Африки. Это сделано в силу следующих обстоятельств: во-первых, речь идет о кочевых обществах, находящихся на одном уровне социально-экономического развития с туркменским этносом и имеющих сравнимую с ним традиционно-политическую культуру. Во-вторых,отдаленность регионов позволяет полностью исключить возможность взаимовлияния и говорить о том, что процессы, протекавшие в туркменском обществе,имели не узколокальное значение, а входили в общий круг проблем развития кочевого мира.

Наконец, следует оговорить те сюжеты, которые остались за рамками работы. Автор сознательно не касался таких тем, как воспитание воина, воинский этикет, и некоторых других, которые могут стать дальнейшим этапом работы в данном или ином направлении.

[1] *Абрамзон С.М.* Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // ТИЭ. 1951. Т.14: Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. С.142.

[2] *Карпов Г.И.* К истории туркменских национальных формирований РККА. Ашхабад,1944. С.3 (Рукопись).

[3] *Бреггель Ю.Э.* Хорезмские туркмены в XIX веке. М.,1961. С.122.

[4] *Карпов Г.И.* Указ. соч. С.3.

[5] Там же. С.3.

[6] *Бреггель Ю.Э.* Указ. соч. С.149.

[7] *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М.,1976. С.223—224.

[8] *Марков Г.Е.* Социальная структура и общественная организация древних и среднеазиатских кочевников // Скифо-сарматское культурно-историческое единство. Кемерово,1980. С.28.

[9] *Махмуд Кошгарий.* Туркий сузлар девони. (Девону луготит турк). Тошкент,1960. Т.I. С.98.

[10] Туркменско-русский словарь. М.,1968. С.39.

[11] Киргизско-русский словарь. М.,1965. С.45.

[12] Узбекско-русский словарь. М.,1959. С.303.

[13] Устное сообщение Г.Н. Симакова.

[14] *Бартольд В.В.* Очерки истории туркменского народа // Сб. Туркмения. Л.,1929. Т.1. С.23—24.

[15] Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.;Л., 1939. Т.1. С.230.

[16] Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад,1954. С.97.

[17] Там же. С.101.

[18] *Ефремов Ф.* Девятилетнее странствие. М.,1952. С.24.

[19] *Самойлович А.Н.* Абду-с-Саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Пг.,1914. С.92.

[20] *Боде К.* О туркменских поколениях Ямудах и Гокланах // Записки РГО. СПб.,1847. Кн.2. С.224.

[21] *Бларамберг И.Ф.* Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана // Записки РГО. СПб.,1850. Кн.4.

[22] *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. М.,1868. С.192,282.

[23] Туркмены йомудского племени // Военный сборник. СПб.,1872. Т.83. № 1. С.86.

[24] Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. СПб., 1873. С.59—60; *Куропаткин А.* Туркмения и туркмены // Военный сборник. СПб.,1879. № 9,10. С.314; *Попович-Липовац И.Ю.* Ахал-текинцы // Русский вестник. 1882. № 3; *Карелин Г.С.* Обозрение восточных берегов Каспийского моря в отношениях статистическом, топографическом и физическом // Записки РГО. СПб.,1883. Т.10. С.361—474.

[25] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. СПб.,1883. С.49,56,72.

[26] *Маслов А.Н.* Россия и Средняя Азия // Исторический вестник. 1885. № 5; *Васильев П.С.* Ахал-текинский оазис, его прошлое и настоящее (историко-географические очерки Закаспийской области). СПб.,1888; *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. СПб.,1902; *Ильенко И.* Закаспийская область. М.,1902; *Андреев А.П.* Туркменский аламан // Исторический вестник. СПб., 1902. № 7; *Алиханов-Аварский М.* Закаспийские воспоминания 1881—1885 // Вестник Европы. (СПб.). 1904. № 9; *Логофет Д.Н.* На границах Средней Азии. СПб.,1909.

[27] *Хан-Йомудский Н.* Астрабад и Гюргенская степь // Средняя Азия. СПб., 1910; *Йомудский Карашхан оглы.* Бытовые особенности туркмен Туркменской ССР,а равно кавказских и зарубежных туркмен,их племенное и родовое деление // Известия Среднеазиатского комитета по охране памятников старины и искусства. Ташкент,1928. Вып.3.

[28] *Самойлович А.Н.* Указ. соч. С.95.

[29] *Ломакин А.* Обычное право у туркмен. Ашхабад,1897. С.5.

[30] *Лессар П.М.* Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах // Изв. РГО. (СПб.). 1884. Т.20. С.70.

[31] *Васильев И.С.* Указ. соч. С.8.

[32] *Карпов Г.И.* Аламаны // Туркменоведение. 1931. № 6. С.29.

[33] Цит. по: *Бреггель Ю.Э.* Хорезмские туркмены в XIX в. М.,1961. С.156.

[34] *Морозова А.С.* К вопросу о рабстве у туркмен в XIX в. // КСИЭ. 1949. Вып.6. С.68.

[35] *Штейнберг Е.Л.* Очерки истории Туркмении. М.;Л.,1934. С.22.

[36] *Халфин Н.* Россия и Туркмения в XIX в. Сб. документов (рецензия) // Вопросы истории. 1948. № 10. С.157.

[37] *Росляков А.А.* Аламаны // СЭ. 1955. № 2. С.51.

[38] Там же. С.51.

[39] *Камалов С.* Каракалпаки в XVIII в.—60-х годах XIX в. Автореферат. Нукус,1969.С.47.

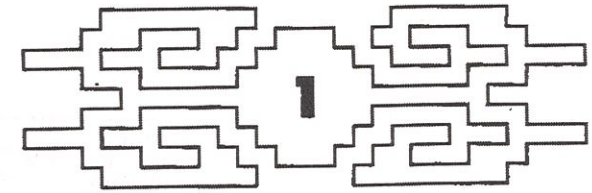
[40] Очерки из истории туркменского народа... С.2.

[41] *Акатова А.И.* Туркменские племена накануне их присоединения к Российской империи // Известия Туркменского филиала АН СССР. 1950. № 6. С.5.

[42] *Акатова А.И.* Указ. соч. С.23.

[43] *Брегель Ю.Э.* Указ. соч. С.156.

[44] *Гвилава О.М.* Аламаны как социальное явление // Новая и новейшая история стран Ближнего Востока. Тбилиси,1983.

АЛАМАН И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРКМЕНИИ

По мнению ряда исследователей, рассматривавших проблему набега у туркмен, причина массового его проявления заключалась в экономической нестабильности хозяйства этого народа.[1] Н.И. Гродеков, автор труда «Война в Туркмении», писал: «Не подлежит сомнению, что голая и сухая Туркмения не способна прокормить своего населения, как бы не были скромны желания и привычки его» (рис.1).[2]

Подобная оценка не изменилась и к началу XX в. «Персия,— отмечал знаток туркменского быта Н. Йомудский, — была житницей туркмен, откуда они с помощью аламанов добывали все необходимое, включая сюда и рабов».[3] Характеристика аламана как эффективного источника жизнеобеспечения продолжала сохраняться и в более позднее время. Е.Л. Штейнберг, в частности, отмечал: «Скудость кормовых ресурсов в песках, безводье и т.д. — все эти обстоятельства сильно снижали продукцию скотоводческих хозяйств... Отсюда стремление туркмен к аламанству».[4]

Г.И. Карпов, говоря о захвате туркменами хивинских и афганских поселений, а также о вооруженных столкновениях между отдельными туркменскими племенами, подчеркивал, что причиной тому были тяжелые экономические условия, сложившиеся в результате проживания их в безводных пустынях.[5]

В. Кениг, автор одного из самых обстоятельных трудов о социальной организации и экономике ахальских текинцев, писал, что в те периоды, когда текинские скотоводы оставались отрезанными от Хивинского региона, аламан становился для них источником необходимых средств существования.[6]

Рис.1. Этнографическая карта Туркмении конца XIX в.

Голод, согласно сообщениям наших информантов, являлся важнейшей причиной проведения многих аламанов.[7] В туркменской среде сложилась поговорка,с достаточной полнотой объясняющая причину набега: «Чем идти к скаредным баям,не лучше ли обратиться к милосердным горам?» (Хребет Копет-Даг отделял Туркмению от Ирана. — *Ю.Б.*).[8]

В самом характере института аламана проступает синкретическая нерасчлененность военной и экономической сфер. У йомутов Атрека часть оседлого населения объединялась в «небольшие земледельческие группы по 30—50 домов, называвшихся “аламанами”».[9] Согласно полевым материалам, у йомутов Хорезма и западных йомутов в XIX—начале XX в. аламаном называли группу людей, объединенную для осуществления крупных общественных работ, главным образом при прокладке оросительных каналов или для их очистки.[10]

При рассмотрении набега как явления социально-экономического обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Аламан по ряду кардинальных признаков, в том числе структурным особенностям, принципам формирования и распределения добычи стоит в одном ряду с охотничьими и промысловыми артелями. Формирование артелей проводилось на принципах, сугубо добровольных, когда руководитель готовящегося предприятия заранее объявлял о своем желании пойти в аламан,на охóту и т.д. Вот какое описание приводит К. Абаза о комплектовании отряда для совершения набега: «Прослышит какой-нибудь из “батырей”,что вблизи проходит торговый караван или же задумает сделать более дальнюю прогулку,в Хиву, например, не то на персидскую границу, и выставляет у своей кибитки (юрта,гара ой. — *Ю.Б.*) длинную пику с навешенной тряпкой. Тогда всякий желающий принять участие в набеге втыкает рядом и свою пику; когда набирается достаточное число охотников, объявляется место сбора, а также время выступления... Туркмены очень дорожили теми из батырей, которые прославились удалью набегов; эти вожаки хорошо знали пустыню, расположение колодцев».[11] И.С. Васильев со ссылкой на Фурье отмечал,что к острию копья,воткнутого перед юртой, привязывали горящую паклю, а «по аулам разъезжали глашатаи,громко возвещающие о предстоящем аламане».[12]

При этом в зависимости от популярности сердара собирался более или менее многочисленный отряд. Желающий

повести аламан объявлял о своем намерении пойти в набег через глашатая, назначая место и время сбора.[13]

У сарыков, населяющих Пендинский оазис, джарчи (глашатай), созывая на аламан, ездил по всему району и выкрикивал следующие слова: «Аламан чылга, аламан чылга, гитжек». После этого призыва объявлялись маршрут, место сбора и т.п.[14]

Ч. Язлыев дает следующее описание сбора каравана у сарыков, отправляющегося на добычу соли: «Жители каждого аула организовывали по соглашению караван — временные объединения на принципах артели. Члены артели-каравана собирались в назначенный день вместе, иногда около дома предполагаемого предводителя со своими верблюдами, продовольствием. Затем избирали проводника (кервенбаши). В каждом ауле было несколько признанных проводников и они всегда избирались на эту должность».[15] Широко оповещалось о выходе каравана, снаряжаемого за хлебом, в Тенджене. Из окрестных селений к кервен-баши шли все желающие принять участие в поездке.[16] По сообщению информантов йомутов-джафарбаев, еще до недавнего времени сохранялся обычай, когда объявления о месте сбора колхозников передавались во всеуслышание через джарчи. Призыв звучал следующим образом: «Аламаны бригадира такого-то собираются там-то».[17]

У туркмен-емрели при организации большой загонной охоты жителей заранее извещали о предстоящем и назначалось место сбора, где и собирались желающие принять в ней участие.[18]

При формировании аламана его ядро, как правило, составляли жители одного или нескольких соседних оба. Ими оказывались чаще всего представители близких родовых групп (тире, уру).[19] В то же время характерной особенностью аламана являлось как раз то, что в его рядах могли оказаться представители различных родовых групп, в том числе тех, которые часто находились между собой в натянутых политических отношениях. Так, йомуты, джафарбаи и атабаи постоянно объединялись для совершения аламана в Иран.[20] Йомуты из тире окуз ходили в аламан с машрыками и емрели.[21] Часто в состав аламана входили иноплеменники, обычно из числа лиц, по тем или по тем или иным причинам покинувших пределы своей родовой территории.[22]

Племенная пестрота аламана возрастала прямо пропорционально масштабности его проведения. Например, при походах сарыков в Афганистан в их отряды часто вливались проживающие по соседству аймаки и берберы и даже текинцы Мерва.[23]

Когда туркмены-геклены ходили в аламан в местность Джаргелан (Иран), их маршрут шел вдоль Атрека, где к отряду присоединялись йомуты.[24]

Принцип родовой принадлежности как стабилизирующий фактор отчетливо проявлялся при формировании промысловых артелей. Например, команда (елдаш) рыболовецкой артели у джафарбаев, как правило, состояла из родственников.[25] Проведение промысловых работ не требовало большого числа людей, необходимое количество которых пополнялось за счет жителей одного оба, населенного, как уже отмечалось, в своем большинстве представителями родственных тире. Но, также как и в аламане, в состав артели могли входить выходцы из различных родовых групп. Так, когда жители оба Чалоюк решили прорыть оросительный канал, они объявили о создании аламана для прорытия оросительного канала. Участником его мог стать любой человек, вне зависимости от своей родовой принадлежности.[26]

Руководителями временных объединений (сердари в аламанах, кервенбаши в торговых и промысловых караванах, аксакалы в морских рыболовецких и мергены в охотничьих артелях) становились наиболее авторитетные и опытные в своем роде деятельности люди. Возглавив аламан, сердар, до его возвращения в оба, пользовался практически неограниченным правом распоряжаться собравшимися под его начало участниками набега.[27] Власть сердара, столь значительная в аламане, сводилась на нет после того, как набег завершался.[28]

После прохождения маршрута караваном или возвращения с охоты все обязательства, принимаемые участниками этих временных объединений по отношению к своему руководителю, сразу же теряли силу — союз распадался, а кервенбаши или мерген теряли власть.[29]

Сарыки образовывали земледельческие артели — техи — сроком на один год. При формировании теха старались, чтобы в нем был опытный земледелец — салар. Урожай делили поровну между всеми членами. Салар был единоличным руководителем,

но за свое руководство ничего не получал. Даже в тех случаях, когда возникали разногласия, тех продолжал существовать до конца земледельческого цикла.[30] Распределение добычи (олджа) — та сфера, где типологическое сходство аламана и промысловых артелей проявляется с наибольшей отчетливостью. До конца XIX—начала XX в. у туркмен продолжало сохраняться представление об обязательном, равном распределении олджи между участниками аламана, включая в этот круг и самого сердара. По многочисленным заявлениям наших информантов — красноводских и ташаузских йомутов, добыча, захваченная в аламане, делилась поровну между всеми, кто принял участие в набеге.[31] При этом величина доли (болек) не зависела от того конкретного вклада, который внес в общий фонд тот или иной участник операции.

В этой связи представляет интерес следующее сообщение, полученное нами у геклен. Один из жителей оба Геркез, испытывая нужду, отправил в аламан своего 13-летнего сына. Опасаясь, что в случае ранения сын не сможет удержаться в седле, отец привязал его ноги за щиколотки под животом у лошади.[32] Таким образом этот подросток уже изначально был лишен возможности вести активные действия по захвату добычи. Важен был сам факт участия в аламане. При разделе добычи он получил свою гарантированную долю от общей олджи.

Добыча рассматривалась как нечто целое, являющееся общей собственностью всей группы. Насколько жестко проводился принцип равного распределения добычи, может иллюстрировать следующий сюжет. Во время нападения атабаев на оба, в котором также проживали их соплеменники (скорее всего, это нападение было проведено в качестве акта возмездия — тема другой главы), среди прочей добычи было захвачено двое детей, которые среди аламанщиков узнали своего деда по материнской линии. Когда отряд вернулся назад, детей увидела их бабка, которая и помогла им бежать. По совету женщины, дети намеренно пошли в противоположную от дома сторону, что и позволило им сбить со следа погоню и благополучно вернуться домой. Здесь важно отметить, что дети (как часть добычи) не принадлежали их родным и не могли быть возвращены безвозмездно. Безусловно, дед смог бы взять своих внуков, но уже лишь в качестве причитающейся ему доли.[33]

Говоря о распределении добычи, следует остановиться на положении сердара. Е.Л. Штейнберг давал следующую характеристику раздела добычи у туркмен: «Львиная доля добычи и пленных давала возможность рядовым вождям и сердарям сплотить в своих руках некоторый избыток материальных ценностей».[34]

Аналогичной точки зрения придерживался также Г.И. Карпов, считавший, что сердар получал 2—3 пая,[35] т.е. в два и даже в три раза больше, чем рядовой член аламана.

Согласно нашим полевым материалам, у текинцев Теджена сердар получал болек, равный долям остальных членов отряда.[36] Таким же образом распределялась добыча в аламанах сарыков и геклен.[37] Принцип равного распределения добычи между сердаром и его соратниками отмечен и в литературе.[38]

В то же время наши информанты — западные йомуты — отмечали, что сердар мог получить в два раза больше, чем рядовой участник набега. Однако при этом подчеркивалось, что получение двойного пая сердаром не было жестко закрепленным правилом.[39] Добыча могла распределиться и следующим образом: все, в том числе и сердар, получали равное количество, а затем каждый участник из своей доли выделял некоторую часть предводителю в знак уважения к его заслугам.[40] Согласно полученной нами информации, у западных и северных йомутов предводитель аламана получал долю, лишь незначительно превышающую долю любого другого участника набега. При этом подчеркивалось, что руководство в аламане — это следствие не расчета, а призвания, особого склада характера.[41] Еще в период гражданской войны принцип равного распределения продолжал сохраняться. П.Ф. Преображенский, говоря об Оч-Мамеде — военном лидере йомутов подразделения салак — отмечал, что захваченных верблюдов и баранов этот предводитель раздал своим соратникам. «Дележ добычи среди своих дружинников,— пишет Преображенский,— вводит нас в такую область, где туркменское "джигитство" соприкасается с древнегерманским co-mitatus».[42]

В Туркмении, где аламаны представляли главным образом временное объединение независимых общинников, сердар мог удержать своих соратников в орбите собственного влияния практически единственным средством: формируя благоприятное о себе общественное мнение. Сердар не мог преступить

этические нормы, принятые в среде участников аламана. Стремившийся взять себе большую часть от общей добычи сердар начинал терять авторитет среди своих соплеменников, и как следствие этого рано или поздно заканчивал свою «политическую карьеру».[43] Так, один из известных сердарей Ахала Тыкма-сердар, имевший обыкновение забирать себе значительную часть олджи, создал сильную оппозицию (рис.2). Напротив, один из лидеров текинцев Курбан-Мурад-ишан снискал «особенную славу, как мудрый, гостеприимный и справедливый при дележе добычи на аламанах».[44] Косвенным доказательством того, что доход сердара от набега не позволял ему достичь значительного материального достатка, может служить то обстоятельство, что «после присоединения Закаспия к России значение предводителей очень скоро сошло на нет, и только отдельные их представители сохранили влияние благодаря богатству или связям с русской администрацией. Зато исключительно усилилось влияние байской прослойки».[45]

У йомутов и емрели иногда людей, особо отличившихся в набеге, награждали дополнительным паем.[46] Сложность его получения демонстрирует расхожая туркменская поговорка: «Что ты так стараешься, думаешь две доли дадут?»[47] Человек, получивший двойной пай, должен был проявить незаурядное мужество. Согласно рассказу нашего информанта, один из туркменских аламанов, возвращавшийся из набега, был остановлен тигром, засевшим в горном ущелье. Сердар предложил две доли тому из своих соратников, кто освободит проход, убив зверя.

Лишь после того, как им было предложено три доли, один из всадников дал согласие и освободил проход. Тем не менее, как подчеркнул рассказчик, сердар не смог выполнить свое обещание, и вознаграждение составило лишь две доли от общей добычи.[48]

У йомутов награда «за особую доблесть» так и называлась батыр-пай.[49] При этом награда не всегда являлась дополнительной долей от общей добычи. По словам одного из наших информантов, в период напряженных йомуто-казахских отношений за проявленную смелость товарищи наградили его батыр-паем: каждый отдал ему небольшое количество патронов, что для него, человека несостоятельного, было существенным подспорьем.[50]

Рис. 2. Тыкма-сердар, один из руководителей обороны текинцев при Геок-Тепе.

Принцип равного распределения отчетливо проявлялся в охотничье-промысловых артелях и иных временных хозяйственных объединениях. Водой арыка, вырытого аламаном, который организовали жители оба Чалоюк, были наделены все, кто принимал в этом непосредственное участие. Родовая принадлежность человека не повлияла на получение им доли воды и земли, а также на величину пая. Воду получили не только джафарбаи, живущие в районе Чалоюка, но и атабаи и отдельные представители других племен, по различным причинам оказавшиеся на этой территории.[51]

Во время проведения коллективной охоты у йомутов добыча считалась общей. При этом не имело значения, сколько животных было добыто тем или иным охотником. Во время дележа доли у всех были равными.[52] В случаях, когда охотник брал с собой помощника — гошчи (гош — лагерь), в обязанность которого входило разделывать и засаливать туши, добыча между ними также делилась поровну.[53] Аналогичный принцип распределения добычи характерен и для других туркменских племен. Так, например, у геклен охотничья добыча (ав) делилась поровну между охотниками (авчи) и старшим — мергеном. Мерген делил тушу животного на установленные части и предлагал их брать своим товарищам по артели. Сам мерген брал мясо в последнюю очередь. По словам информанта, лучшей наградой для мергена было удовлетворение товарищей разделом добычи.[54]

Ч. Язлыев писал, что у сарыков после охоты «шкуры лис, волков, шакалов продавались на базаре, а полученные деньги делились поровну между всеми членами артели».[55] При этом мерген не получал ничего дополнительно за руководство.[56]

Распределение доходов в рыболовецкой артели на Каспийском побережье было основано на «туркменчилике». Владелец нанимает 5—6 бедняков-матросов и работает с ними на «долях». Все доходы делятся между участниками в работе таким образом: каждый матрос получает по одной доле, две доли дается хозяину и одна доля идет на котел».[57] Согласно другим сведениям, две доли хозяин лодки получал в том случае, если он на своей лодке являлся лоцманом, т.е. выполнял ответственную часть работы по лову.[58] У сарыков все члены каравана, снаряжаемого за солью, «работали вместе, коллективно, т.к. по условию объединения все они

являлись товарищами — равноправными членами временного объединения».[59]

У туркмен существовала практика дальнейшего перераспределения военной добычи и добычи промысловых артелей. У йомутов-джафарбайцев, сарыков, эрсары, теке, по имеющимся у нас полевым материалам, существовал обычай, согласно которому аламанщики, возвращающиеся с добычей, одаривали всех встретившихся им соплеменников. Приход аламана ожидался жителями, о его приближении мальчишки оповещали криками «аламанщики идут».[60] При одаривании встречающих, как правило, старались дать тем, кто наиболее остро в этом нуждался.

Типологические параллели этому обычаю можно найти также в культуре других кочевых народов. В частности, когда бедуины возвращались с набега, их встречали женщины с криками «ел хазіат», что означало требование раздела добычи.[61] У соседей туркмен казахов «по возвращении с набега... был обычай одарять всех родичей частью добычи. И если, например, джигиту удалось сорвать карманные часы, он, не долго думая, взламывал их и раздавал всем по колесику»[62]

Аналогичным образом делился своей добычей с людьми, встречающимися ему по дороге к дому, охотник. При этом интерес представляет форма приветствия, принятая при встрече охотника и прохожего. «Ав али!» (приветствие охотнику) — «Душман баглы» — ответ охотника при удачной охоте (буквально «враг завязан»).[63] Один из наших информантов, в прошлом охотник, привел случай из собственной практики, когда он, возвращаясь с охоты, встретил около тридцати человек, шедших на сельхозработы. Вся его добыча была роздана, после чего, не дойдя до дома, он был вынужден снова продолжить охоту.[64]

По возвращении каравана с грузом соли его участники — сарыки «оставляли в некоторых местах соль. По объяснению информантов, это делалось для того, чтобы проезжающие путешественники имели возможность найти соль на любой стоянке».[65] Представление о равном распределении добычи отразилось и в одном из многочисленных рассказов о Кемине, легендарном поэте туркмен: «Как-то один купец, удачно торговавший в Хиве, подарил Кемине верблюда с грузом товаров. Кемине пригнал его к кибитке и крикнул: “Эй, народ,

подходи, бери кому что надо!" Сбежались люди и поделили между собой все, что было в тюке. Тогда поэт сказал жене: "Возьми и ты свой пай!"».[66] Представляется, что участие населения в перераспределении добычи есть обычай, который относится к общему кругу явлений, связанных с борьбой за существование, который в наиболее выраженной форме сохранялся у народов, проживающих в экстремальных природных условиях. Л.А. Файнберг, говоря о хозяйстве эскимосов, отмечал: «Нет хороших и плохих охотников, есть просто удачливые и неудачливые (показательно, что у туркмен удача во время набега объяснялась прежде всего счастьем (багт) и лишь во вторую очередь храбростью. — *Ю.Б.*)[67] А раз так, плодами добычи должны пользоваться все, кто пошел на охоту, и, более того, все, кто живет в одном стойбище... те... кто непосредственно не участвовали в охоте, трогали моржа своими гарпунами, и этот символический жест давал им право на участие в разделе добычи... Свою долю в добыче получали и те, кто по старости, болезни... не участвовал в охоте. Достаточно было выйти навстречу возвращавшимся охотникам и бросить в мертвое животное гарпун, чтобы получить свою долю мяса».[68]

* * *

В дальнейшем в данной главе будет рассмотрен аламан как временное формирование, участники которого объединялись на экономической основе (в отличие от набегов, которыми занимались профессионально, когда набег становился образом жизни).

Следует оговориться, что любой из туркменских аламанов снаряжался ради захвата добычи. Но в определенных случаях захват олджи помимо чисто прагматической нес в себе и иные цели, которые могли оттеснить вопросы выгоды на второй план. На практике тип чисто «экономического» аламана вряд ли встречался, чаще всего любой набег представлял собой союз людей, объединенных различными установками. В нашу задачу входит попытаться выделить аламан, в котором экономическая направленность проявляется в наибольшей степени.

А.С. Морозова следующим образом характеризовала практику проведения аламанов у туркмен: «В обществе с примитивной техникой, низким уровнем производительных

сил, систематические грабежи принимают своеобразную форму обмена, перераспределявшую накопленные ценности из одних рук в другие и дававшую средства существования части населения».[69] Примером аламана, где сущность обмена проступает наиболее рельефно, может служить набег, описание которого было получено нами среди западных йомутов. Аламан был совершен в начале нашего века из района Атрека йомутами-ак-атабаями. Набег явился результатом сильной засухи, значительно усугубившей положение проживающих в этом районе туркмен. Решение о его проведении было принято советом старейшин (маслахат), который и определил в качестве объекта нападения Буджнур, куда, по словам информанта, традиционно ходили в набег йомуты Атрека.[70] Как правило, в набег старались ходить в отдаленные районы, не нападая на своих ближайших соседей, о чем, в частности, свидетельствует следующее сообщение: «Емрелинские аксакалы приехали за угнанными верблюдами и обратились к текинским аксакалам... Ваш Адан Сердар угнал у наших нескольких верблюдов, не откажите в содействии вернуть нам верблюдов, а то между соседями такие дела не хороши».[71]

При проведении набега его участники старались избежать кровопролития среди местного населения. Так, в частности, чабанов захваченных в ходе набега отар, не убили, а только связали. Отару по прибытии на место не поделили, а, сохраняя в одном месте, стали ожидать, когда хозяева скота вступят в переговоры о его возвращении. Через некоторое время потерпевшая сторона через посредников — представителей соседних селений — начала переговоры с нападавшими о возвращении своего скота. В результате отара была возвращена владельцам за полцены ее реальной стоимости.[72] Таким образом было достигнуто компромиссное решение: хозяева скота вернули его назад с наименьшими для себя убытками, похитители получили необходимые средства существования. Подтверждение существования подобного «равноправного» дележа скота между аламанщиками и его хозяевами нами было получено у йомутов-атабаев, проживающих в районе Мадау.[73]

Перераспределение скота через аламан могло принимать различные формы. По сообщению туркмена-геклена Полтаева Сары, проживающего в оба Геркез Кара-Калинского района, в начале века йомуты дуеджи из Шарлоука отогнали

стадо овец у деда нашего информанта. Нападение, во время которого пастухи были связаны, было проведено ночью. Похищено было две отары овец. Погоню возглавил Муса-ахун, пользовавшийся в данной местности большим авторитетом. Группа преследователей, возглавляемая этим человеком,настигла аламанщиков. Мусе-ахуну благодаря своему авторитету удалось убедить похитителей вернуть скот. Но при этом Бегенч, руководитель набега, оговорил для себя и своих товарищей компенсацию — по пять овец с каждой отары за то, что им пришлось три дня выпасать скот и следить за ним.[74]

Часто при возвращении скота хозяин «не замечал» нехватку нескольких голов, если между ним и аламанщиками был достигнут договор о возвращении имущества.[75] Как правило, при переговорах о возвращении похищенного считалось «дурным тоном» требовать большой выкуп от хозяина. Точно так же старались идти навстречу условиям, предъявляемым похитителями.[76]

Попытаемся теперь выявить те слои туркменского общества, представители которых наиболее активно участвовали в проведении аламана рассматриваемого типа.

Многие авторы, в том числе и современные, при оценке аламана выдвигают на первое место в качестве участников набегов осевших, перешедших к земледелию туркмен. «Кочевники,— писал Н.И. Гродеков,— живут богаче оседлых, но вместе с тем менее воинственны, чем оседлые, и аламанами почти не занимаются. В войне с нами они принимали самое ничтожное участие,и потому потери их были невелики. Аламанство как ремесло составляло до последнего времени одно из главных средств к существованию оседлых жителей».[77]

Подобные сведения по данному вопросу содержатся в работе Лессара, который ставил акцент на том, что кочевники, как богатая часть населения, были заинтересованы в спокойствии края, боясь лишиться своего имущества — скота.[78]

Среди современных работ следует отметить, в первую очередь, монографию Г.Е. Маркова «Кочевники Азии», в которой автор пишет следующее: «По сообщениям письменных источников и стариков информаторов, набегами занимались главным образом туркмены земледельцы,поэтому число рабов у скотоводов было не велико...».[79]

Эту точку зрения разделял В. Кениг, считавший, что скотоводы, живущие в зоне песков, были удалены от центра аламанной деятельности, сосредоточенной в районе Хорасано-Ахальского пограничья.[80]

Не все исследователи,обращавшиеся к изучению этнографии туркмен,единодушны в подобной оценке участия земледельцев (чомур) и скотоводов (чарва) в аламане. «Племя джафарбайцев, — отмечает один из авторов 1920-х годов, — как более оседлое, занимающееся земледелием и торговлей, менее воинственно. Племя атабайцев более воинственное, занимается исключительно скотоводством и набегами на соседние персидские селения».[81]

С туркменами-кочевниками связывал Е.Л. Штейнберг систематические набеги на их оседлых соседей.[82] Н.И. Гродеков, отмечавший особую причастность чомур к аламану, говоря о сарыках, тем не менее писал, что богатство этого племени, состоящее из больших стад овец и верблюдов, не мешает сарыкам заниматься набегами.[83]

А. Маслов при описании Мервского оазиса,где земледелие являлось ведущей хозяйственной отраслью и где аламаны особенно были часты, сравнивая местных текинцев с сарыками-скотоводами,так же, как и Гродеков,не может поделить между этими племенами пальму первенства в проведении набегов.[84]

Именно в оседании туркмен на земле, приобщении их к земледельческой культуре видели ханские власти разрешение вопроса с набегами на Шураханском участке Аму-Дарьинского отдела, проводимыми кочевыми туркменами. Определенная агрессия в характере кочевых обществ была обусловлена спецификой хозяйства скотоводческих народов, характерными особенностями их образа жизни.[85]

Рассмотрим аргументацию тех авторов, которые считают, что представители чомур являлись наиболее активными участниками аламана. Н.И. Гродеков отмечал, что кочевники не принимали участия в военных действиях в период присоединения Ахальского оазиса. Но отказ от участия в открытых столкновениях с регулярным воинским подразделением не означает отсутствия практики аламана у кочевников. Напротив, кочевники, как известно, отличались тактикой, в основе которой лежал принцип организации нападений на коммуникации врага в сочетании с отходом

в глубь своей территории.[86] Туркмены-скотоводы имели возможность отклониться от соприкосновения с русским отрядом, отойдя в пески, район колодцев. Для туркмен чомур ситуация складывалась иным образом, так как маршрут военной экспедиции пролегал по территории непосредственного обитания оседлых групп населения.

Мнение П.М. Лессара о том, что скотоводы не занимались аламанами из-за опасения поставить свои стада под удар ответного набега, также не является бесспорным. Ведь захват скота и был одной из основных задач при проведении аламана, и независимо от факта причастности скотовода к набегу он не мог быть гарантирован от угона скота.

Следует также иметь в виду, что процент скотоводов в общей численности населения был относительно невелик, и соответственно количество аламанов, совершаемых чарва, уступало по сумме общему числу набегов, проводимых чомур. Кроме того, именно скотоводы были основными участниками аламанов, совершаемых на караваны, перевозившие хлеб.[87]

* * *

Для того, чтобы разобраться в противоречивых оценках аламана у различных авторов, необходимо рассмотреть ту социально-экономическую ситуацию, которая сложилась в Туркмении к середине XIX в. Изучение хозяйственного развития туркменских племен должно привести к выявлению тех слоев общества, представители которых являются потенциально наиболее вероятными участниками набега.

Нами будет рассмотрен один из важных этапов социально-экономического развития туркменского общества — процесс оседания кочевых групп туркменских племен. Задача в рамках этой проблемы ограничивается рассмотрением интересующего нас института аламана.

Как известно, при занятии скотоводством в аридной зоне кочевые и полукочевые народы сталкивались со значительными трудностями. Экологические условия Туркмении создавали дополнительные сложности, которые позволяют выделить туркменскую модель на общем фоне скотоводов степного пояса.

З.Г. Фрейкин, обращаясь к описанию физико-географических условий, в которых развивалось скотоводческое хозяйство туркмен середины XIX в., отмечал: «Своеобразие

пустынной растительности показывает, что в Кара-Кумах скот находит подножный корм, хотя продуктивность по сезонам не одинакова... наряду с пастбищами, пригодными под выпас круглый год, в Кара-Кумах имеются большие площади, где выпас возможен лишь в определенный сезон».[88] Кормовая база, в целом удовлетворяющая потребностям развития скотоводства в Туркмении, ставила перед туркменами-чарва серьезные проблемы. Отражением этих проблем являются статьи, вышедшие в 30-х годах XX в., авторы которых пытались оценить кормовые ресурсы Кара-Кумов.[89]

При оценке пастбищных территорий положение с кормами расценивалось как острый хронический недостаток. Решить эту проблему, по мнению специалистов-животноводов, можно было лишь путем силосования всех ранее не употребляемых на корм скота видов растений. Предлагалось, в частности, силосовать огромные запасы тростника, зарослей дикой ежевики, рогозы и т.п., которые иначе не могли быть использованы.[90] Кормовая проблема, таким образом, не могла быть решена в условиях традиционного ведения хозяйства, характеризовавшегося экстенсивными формами развития.

Пустынные районы, не имеющие больших кормовых резервов, отличались и другой особенностью. Постоянным явлением было обарханивание пастбищ, причем переход от песчаной степи к барханам, по мнению авторов еще конца прошлого века, «был делом человеческих рук и требовал всего несколько лет».[91] Обарханивание пастбищных площадей в результате человеческой деятельности наносило сильный удар по кормовым резервам скотоводов, количество выведенных из хозяйственного оборота полезных площадей исчислялось десятками и сотнями тысяч гектаров.[92] При этом вся совокупная пастбищная площадь туркменских степей не отличалась значительными объемами и не превышала 25—50% всей территории Туркмении.[93]

Картина не будет полной, если не учесть политических условий, на фоне которых протекала жизнь туркменских племен. Недостаток водных источников и пастбищных угодий был причиной частых и серьезных конфликтов между отдельными племенными группами.[94] Нестабильная политическая ситуация, в свою очередь, приводила к еще более резкому ограничению возможностей выпаса скота.

Но, пожалуй, главной причиной, обусловливающей узкую кормовую базу туркменского скотоводства,является недостаток воды в условиях туркменской пустыни. Колодцы,используемые скотоводами, относились к различным типам, в частности в центральных Кара-Кумах наиболее распространенным являлся чирле,т.е. наливной колодец,который рыли на такырах до уровня соленой воды, так что собирающаяся в нем дождевая вода не смешивалась с соленой.[95] Подобные колодцы,удовлетворяющие потребность скотоводов в воде весной и осенью, в летнее время высыхали, что приводило к резкому уменьшению радиуса кочевания.[96] Подобный временный характер большинства водных источников также ограничивал пастбищную территорию скотоводов,делал неустойчивым их экономическое положение.

Все перечисленные особенности ведения скотоводства в условиях Туркмении обусловили численный состав поголовья скота у туркмен чарва. Еще путешественники, посетившие Мангышлак в XVIII в.,сообщали: «В данное время скотоводство в плохом состоянии, кроме лошадей держат верблюдов, баранов, коз, но не в большом количестве».[97]

В этой же связи можно отметить, что в одном из пунктов временного положения об управлении Закаспийским краем указывалось: «Кочующие в пределах Закаспийского военного отдела ордынцы вносят в государственную казну кибиточную подать: киргизы Мангышлакского приставства адаевцы и другие — по три рубля с кибитки в год; туркмены этого приставства по 1 рублю 50 копеек с кибитки».[98] При обложении налогом кочевников Мангышлака положение туркменских скотоводов расценивалось как более тяжелое, по сравнению с казахами, — «льготы даны им вследствие их бедности и потому еще, что они не участвовали в бывшем в 1870 году восстании адаевцев».[99]

В качестве характерной особенности туркменской модели скотоводства исследователи подчеркивали следующую ее особенность — небольшое количество скота во владении чарва (рис.3). Так, П.М. Лессар, говоря о текинцах, писал: «У него “700 баранов” сказали мне про одного посетителя, желая пояснить, какой это богатый человек».[100] Вамбери, сравнивая поголовье стад у туркменских и казахских скотоводов, давал их соотношение 1:50 или 1:100 соответственно у туркмен и

Рис. 3. Текинский аул в Кара-Кумах.

казахов. Один зажиточный казах,по мнению этого автора,имел столько скота, сколько целый туркменский род.[101] Советские организации на местах в 20—30-х годах расценивали хозяйство туркменского скотовода как байское,когда поголовье достигало 500—600 единиц.[102] Количество самостоятельно ведущих свое хозяйство скотоводов не превышало 62%.[103] Но по-настоящему экономически стабильным из всего числа хозяйств оставался лишь узкий слой богатых скотоводов.

Скотоводческое хозяйство в условиях Туркмении представляло крайне зыбкую систему,бесперебойное функционирование которой было возможно только при благоприятных климатических условиях, которые отсутствовали в данной зоне. Многочисленные свидетельства показывают, что скотоводы несли значительные убытки в годы, отмеченные морозными зимами. Для иллюстрации можно привести следующие примеры. Страшный падеж скота на Мангышлаке произошел в 1911 г., когда было потеряно 80% овец.[104] Подобный высокий процент падежа скота не являлся исключением,повторяясь раз в десять лет. В течение 40 лет, с 1890 по 1929 г., скотоводы-туркмены испытали шесть наиболее тяжелых зим, обескровивших их стада. Так, в 1890—1891 годах количество павшего мелкого рогатого скота составило 893 800 голов.[105] В зиму 1899 г. Красноводский уезд потерял свыше 70% поголовья скота.[106] Не все тяжелые в климатическом отношении годы отмечались таким уроном скота, но все они без исключения наносили ощутимый удар по скотоводам,унося в среднем 40% поголовья совокупного количества стада.[107]

Даже для скотоводов, перенесших зиму без значительных потерь, положение оставалось опасным. Эти хозяйства уже не имели необходимого резервного числа скота, и, если в последующем во время окота молодняк погибал, скотовод зачастую разорялся.[108] Лишь незначительная часть богатых скотоводов была застрахована от экономической катастрофы, имея несколько резервных стад овец, отдававшихся на выпас несостоятельным соплеменникам,которые,даже если у них пал скот,должны были возместить потери. У остальных скотоводов процент разоряющихся был очень высок.[109]

Скотовод, лишившись средств к существованию, имел возможность наняться пасти чужой скот,тем самым утрачивая свою экономическую независимость,однако он не покидал слоя

чарва. Но сфера скотоводства не предоставляла емкий рынок рабочих рук. Во-первых, и эта особенность характерна для всех скотоводческих обществ,сам труд чабана является трудом высококвалифицированным, и не каждый мог справиться с этой работой.[110] Во-вторых, совокупное стадо Туркмении было относительно невелико и не требовало для своего обслуживания большого числа рабочих рук. Таким образом, земледелие являлось для туркмен практически единственной отраслью,где могли сосредоточиваться разорившиеся скотоводы.

По данным современных исследователей, на конец XIX—начало XX в. в Туркмении скотоводством занималась 1/3 всего населения.[111] Н.И. Гродеков определял число оседлых (т.е. занимающихся земледелием) в 18 000 домов и 3 300 домов отводил на долю кочевых туркмен.[112] Подобную точку зрения разделял также Маслов.[113]

Скотоводство преобладало только в хозяйствах Красноводского и Мангышлакского уездов Закаспийской области, в первом оно составляло 49% совокупного дохода и 93% — во втором. В Мервском уезде лишь 6% от населения было занято в скотоводстве, Тедженском — около 10%, в Ашхабадском — 24%.[114] Все же население Закаспийской области, по данным отчета графа Палена, распределялось следующим образом: занимающиеся земледелием составляли 69.26% всего населения, скотоводством — 16.67% и прочими видами деятельности — 14.07%.[115] Основная масса туркменского населения, таким образом, была сосредоточена в земледельческом секторе хозяйства (рис. 4).

Согласно материалам ревизии г. Палена, из всей площади земель Закаспийской области, исчислявшейся в 55 407 100 десятин, обрабатывалось лишь 150 000, что составляло примерно 0.27% от всей территории, принадлежащей к тому времени местному населению.[116] При этом нельзя сказать, что это минимальное количество обрабатываемых площадей компенсировалось плодородием почв. Так, в частности, в Прикопетдагской зоне почвы предгорной полосы представляют светлые сероземы, не отличающиеся высокой продуктивностью.[117]

Ведение земледельческого хозяйства в оазисах сталкивалось с двумя основными проблемами. Первая заключалась в том, что большинство обрабатываемых почв, которые искус-

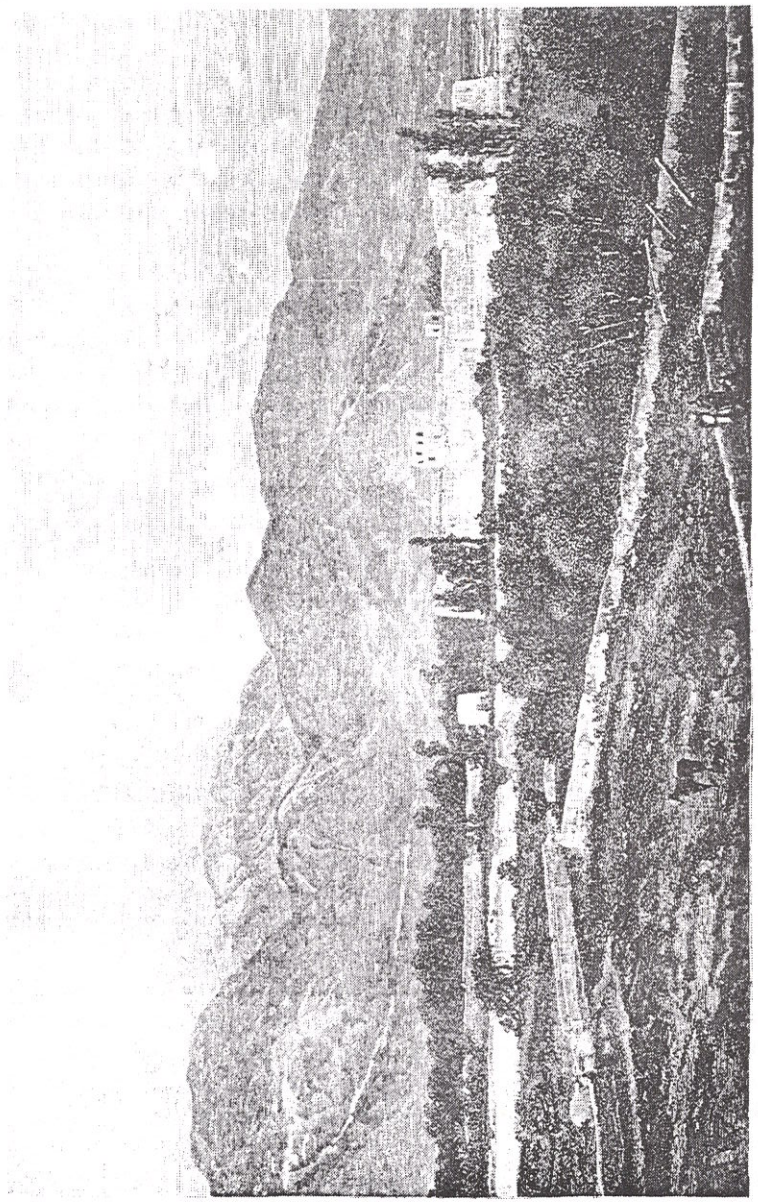

Рис. 4. Селение Багир в Ахал-Текинском оазисе.

ственно орошались, подвергалось вторичному засолению, что и снижало урожайность культурных растений. Оазисы Мургаба и Теджена на 50—60% состояли из пустующих засоленных и заболоченных площадей. До конца 20-х годов засоленные почвы забрасывались, земледелие было переложным.[118]

Вторая особенность заключалась в нехватке воды для орошения земли. Год на год количество воды весной было различным, и в оазисах старались сеять растения, не требующие большого количества влаги, такие, например, как кунжут. Технические же культуры, и в первую очередь хлопок, не могли широко культивироваться в зоне оазисов, не обеспеченных в достаточной мере водой. Но и культивируемые туркменами растения не могли удовлетворить потребностей населения в зерне.

Вот замечания П.М. Лессара о земледелии в Мерве, где слой чомур был особенно значительным: «Вообще хлеб (пшеница, ячмень), производимый в оазисе, достает только для местного употребления, а иногда не хватает его и приходится привозить его или из Персии или из Тедженского оазиса».[119] Н.И. Гродеков писал о йомутах следующее: «Джафарбаи засевают ежегодно пшеницы до 23 000 пудов и рису до 1200 пудов. В хорошие годы хлеб родится сам 20, в плохие сам 5. Хлеба не достает не только для кочевников, но и для оседлых».[120] Текинцам Ахала хлеб доставляли представители племени ата, которые, по сообщениям Боде, покупали его на Гюргене.[121] О низком уровне земледелия говорит уже тот факт, что у туркмен Ахала, например, не в каждом хозяйстве имелись основные земледельческие орудия и, в частности, азал (пахотное орудие).[122] Для туркмен Иолотанского оазиса, как и для многих других, значимость земледелия повысилась лишь с момента вхождения Туркмении в состав России.[123]

В целом, говоря о земледелии в Туркмении, надо особо подчеркнуть то, что эта отрасль не была товарной, оставаясь на низком уровне своего развития. Земледелие, так же как и скотоводство, не могло быть занятием стабильным, гарантирующим прочный источник дохода. Тем не менее, при всех тех сложностях, которые в равной степени сопровождали ведение хозяйства в этих двух сферах экономики, местное население отдавало явное предпочтение скотоводству. П.М. Лессар, в частности, отмечал: «Относительно богатства

оазиса (Мервского. — *Ю.Б.*) можно сказать, что главные виды его представляют: скотоводство и хлебопашество, хотя в значительно меньшей степени».[124]

Аналогичное мнение имел начальник Закаспийской области: «Несмотря на развитие земледелия, в общей экономической жизни края оно все же уступает скотоводству. Даже восточные уезды, где скотоводство играет как бы подчиненную роль по отношению к земледелию, в сущности являются скотоводческими, ибо развитие земледелия и здесь отнюдь не приостановило развития скотоводства. Бережливое население по-прежнему весь свой достаток обращает в скот и именно в скоте сохраняет свой огромный запасный капитал на несколько миллионов рублей».[125]

Именно скотоводство, в отличие от земледелия, предоставляло реальные возможности для создания и накопления обособленной собственности.

Пастбищное содержание скота, например, обходилось очень дешево, так как скот круглый год оставался на подножном корму. Значительные затраты требовались только на устройства колодцев.[126] Кроме того, несмотря на то, что скотоводство представляло собой сложный вид хозяйственной деятельности, оно, тем не менее, не требовало больших трудовых затрат.[127]

Не следует также забывать о том, что в мировоззрении туркмен сохранялось представление о престижности скотоводства. «Земледелие испокон веков,— писал Е.Л. Штейнберг,— и до недавних времен считалось у туркмен занятием презренным, низким, недостойным "истинного мужчины". Кочевые племена привыкли смотреть на себя, как на аристократию, как на рыцарство, а на оседлых крестьян, как на чернь».[128] Аналогичное высказывание принадлежит П.М. Лессару: «Сарык же еще до сих пор гордится тем, что его крепость — это седло и ружье... во всем оазисе нет ни одного укрепления, ни одной самой простой постройки».[129]

В целом, говоря о развитии земледелия в Туркмении, можно согласиться с замечанием П.М. Лессара, которым он охарактеризовал положение и общее настроение туркмен-чомур, замечание, которое, как мы попытались выше представить, основывается на достаточно серьезных основаниях: «Если кто разбогатеет, то никогда не станет затрачивать деньги на

увеличение посевов и земледельческие работы, а всегда на обзаведение стадами».[130]

Продолжим рассмотрение взаимосвязи двух основных отраслей хозяйства туркмен, обращая, главным образом, внимание на социальный аспект вопроса. Еще авторы XIX в., обращавшиеся к туркменскому материалу, соотносили экономически сильный слой общества со сктоводами, а экономически слабый — с земледельцами. «Вследствие большого развития у них скотоводства, — отмечал П.М. Лессар, — живут сарыки весьма богато».[131] А.Н. Маслов, говоря о сарыках, обращал внимание на то, что «пендинцы наиболее кочевое племя... иол-отанцы гораздо беднее и стад у них мало».[132] Этот же автор, отмечая бедность салоров, подчеркивает, что основным занятием племени являлось земледелие.[133]

Не только для авторов работ XIX—начала XX в. была очевидна взаимосвязь между занятием скотоводством и высоким уровнем жизни. Современные исследователи, по-прежнему, выделяют социальный аспект в качестве основного при характеристике слоев чарва и чомур.[134]

В. Кениг впервые поднял вопрос о пересмотре традиционно сложившегося мнения о скотоводах как о слое зажиточном и о земледельцах как о гораздо менее обеспеченном слое туркменского общества. По мнению немецкого исследователя, до оседания, т.е. в период конца XIX—начала XX в. основу хозяйства текинцев составляло скотоводство, а земледельческий сектор экономики развивался в крайне незначительных масштабах. Для этого периода характерна ситуация, когда в одной и той же семье отдельные ее члены занимались скотоводством, а другие земледелием в зоне оазиса. Изменение произошло к середине XIX в., когда в Ахале сложились две самостоятельные хозяйственно-социальные системы в рамках одного племенного единства, а именно: 1) земледелие в сочетании с содержанием скота в оазисе и 2) кочевое скотоводство в песках. Эти две системы, находясь в различных физико-географических условиях, функционировали обособленно одна от другой. Автор при этом подчеркивает, что в рамках каждой из систем общество было социально стратифицировано.[135]

При несомненных достоинствах этого построения вызывает возражение резкое противопоставление немецким этнографом

двух социально-экономических систем, сложившихся в Ахальском оазисе. Отметим несколько моментов,позволяющих усомниться в возможности экономической изолированности скотоводов, в способности их существовать без прочной опоры на оазис.

В записке военному министру от главнокомандующего Кавказской армией особо оговаривалось: «Состоя из узкой полосы земли — удобной для поселения он (Ахальский оазис. — *Ю.Б.*) есть исключительное средство для существования текинцев, удаление оттуда равносильно гибели, как их самих, так и многочисленных стад им принадлежащих... текинцам, для которых зимовками служит текинский оазис, оттуда им нет никакой возможности навсегда удалиться».[136] Этнографы неоднократно отмечали, что использование территории оазиса в качестве дополнительных пастбищных площадей являлось обычным приемом туркменских чарва.[137]

Одной из главных причин, обусловливавших тесную взаимосвязь скотоводческой системы с земледельческой, являлось то, что, как уже отмечалось выше, в хозяйствах баев не могли быть задействованы все скотоводы, утратившие свою экономическую самостоятельность. В. Кениг исчисляет количество скотоводов, не обладавших хозяйственной автономией 37%. К этому числу следует отнести 20% населения, которое могло сохранять ее лишь отчасти.[138]

Возможность для чомур и чарва менять свой социально-экономический статус закреплялась и нормами обычного права. «Скотоводы пустынных областей к северу от Ахала, — отмечает А. Оразов, — так же, как и оседлые земледельцы, имели право на надел земли и воды по санашику и мюльковые участки».[139] У Кенига имеется следующее замечание относительно распределения воды у чомур: «Когда чомур покидал селение, его доля воды переходила в пользование общества, когда он возвращался, то вступал во владение этой доли воды.[140]

Обычное право таким образом предоставляло земледельцу возможность стать скотоводом, точно так же, как и скотоводу, при неблагоприятно сложившихся для него обстоятельствах вернуться в свою земледельческую общину. Эта возможность стать скотоводом у чомур была реальной, так как у туркменских племен до конца XIX в. пастбищные земли, источники воды

находились в общественном пользовании. Сарыки, например, сооружали и владели колодцами до конца XIX в. главным образом коллективно.[141] Подобная ситуация была характерна и для текинцев Мерва,[142] Ахала,[143] йомутов.[144] А. Ломакин писал, что вырывшие колодцы на общественной земле не имели права сдавать их в пользование иным лицам, «равно, как сдавать для пастьбы скота и др. надобностей участки общественной земли, прилежащие колодцу».[145]

Как уже отмечалось выше, по мнению В. Кенига, процесс перехода туркмен теке из статуса чомур в чарва был характерен только для середины XIX в., до образования двух социально-экономических систем. Тем не менее, процесс этот продолжался до и после присоединения Туркмении к России, а также фиксировался вплоть до установления советской власти в Средней Азии.[146]

Соглашаясь с фактом формирования в середине XIX в. двух направлений в хозяйственном развитии туркмен, надо подчеркнуть, что социальная и экономическая жизнь отдельных семей не могла быть ограничена жесткими рамками той или иной системы. Противоречия в оценках, которые давались чомур и чарва в связи с их участием в аламане, на наш взгляд, объясняются следующими обстоятельствами. Слой чомур еще не представлял собой сложившегося социального организма. Показательно в этом отношении то, что у чомур не было прочной связи между величиной участка земли и долей воды с количеством скота, находящегося во владении. Земледелец, который по величине своего участка мог рассматриваться как бай, имел подчас скота меньше, чем средний и мелкий земледелец. У мелких и средних дехкан значительно колебалась величина стада.[147] Факт этот является доказательством тому, что в слой чомур входили представители различной хозяйственной ориентации, а именно: чомур с уже закрепившимися традициями земледелия и те, кто с накоплением необходимого поголовья скота оставлял земледельческий сектор хозяйства. В качестве предварительного вывода отметим следующее:

Представляется более правомерным рассматривать большую активность в организации аламана среди тех чомур, образ жизни которых был еще не отделим от скотоводческого уклада, и в жизни которых традиции земледелия не нашли еще достаточно большого места. В качестве иллюстрации вышесказанному,

приведем некоторые замечания, касающиеся изменений в хозяйственной ориентации у отдельных туркменских племен. Салыры, в прошлом скотоводческое племя, с полной утратой своего скота обратились к земледелию. С переходом всего племени к оседлости аламан окончательно исчез из военной практики салыров.[148]

Капитан Гиршфельд при описании Хорезмского оазиса дает следующую характеристику проживающих здесь племен: «Имрели, Кара-Дашлы и Тюячи принадлежат к числу наиболее мирных туркмен; все они давно осели на землю и занимаются земледелием».[149] А. Вамбери, отмечавший прочные традиции земледелия у геклен, подчеркивал, что это племя являлось «самым мирным» из всех туркменских племен.[150] Собственно чомур, окончательно утвердившийся в положении земледельца, не представлял собой потенциального участника аламана.

[1] *Васильев П.С.* Ахал-Текинский оазис, его прошлое и настоящее (историко-географические очерки Закаспийской области). СПб., 1888. С.8; Туркмены йомутского племени // Военный сборник. СПб., 1872. Т.83. № 1. С.87.

[2] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. СПб., 1883. С.51.

[3] *Хан-Йомудский Н.* Астрабад и Гюргенская степь // Средняя Азия. 1910. VIII. С.100.

[4] *Штейнберг Е.Л.* Очерки истории Туркмении. М.;Л., 1934. С.13.

[5] *Карпов Г.И.* Аламаны // Туркменоведение. 1931. № 6. С.29.

[6] *Konig W.* Die Achal-Teke. Berlin, 1962. S.59.

[7] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1573, л.35,37.

[8] Там же, л.27.

[9] Очерки из истории Туркменского народа в XVIII—XIX вв. Ашхабад, 1954. С.308.

[10] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1342; ф.К.1, оп.2, д.1573, л.11.

[11] *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. СПб., 1902. С.263.

[12] *Васильев П.С.* Указ. соч. С.19.

[13] Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. СПб., 1873. С.59—60.

[14] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.15,17.

[15] *Язлыев Ч.* История и хозяйственное развитие населения Среднего Мургаба. Ашхабад, 1985. С.100.

[16] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.49.

[17] Там же, д.1573, л.19.

[18] Там же, д.1641, л.42.

[19] Там же, д.1341, л.18.

[20] Там же, д.1517, л.9.

[21] Там же, д.1641, л.24.

[22] Там же, л.8.

[23] Там же, д.1517, л.13,16.

[24] Там же, д.1573, л.67.

[25] Там же, л.8.

[26] Там же, л.23.

[27] Наши соседи в Средней Азии... С.59—60; *Огородников П.* На пути в Персию и прикаспийские провинции. СПб., 1878. С.184; *Маслов А.Н.* Россия в Средней Азии // Исторический вестник. 1885. № 5. С.394; *Андреев А.П.* Туркменский аламан // Исторический вестник. (СПб.). 1902. № 7. С.121; *Логофет Д.Н.* На границах Средней Азии. Персидская граница. СПб., 1909. С.105.

[28] *Карпов Г.И.* Аламаны // Туркменоведение. 1931. № 6. С.28; Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1342, л.40; д.1517, л.8.

[29] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1573, л.72.

[30] *Язлыев Ч.* Указ. соч. С.73.

[31] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1341, л.6,22; д.1573, л.5,6,9; д.1342, л.38.

[32] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1573, л.5.

[33] Там же, л.4.

[34] *Штейнберг Е.Л.* Указ. соч. С.20.

[35] *Карпов Г.И.* Указ. соч. С.28.

[36] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.8.

[37] Там же, д.1573, л.67.

[38] *Васильев И.С.* Ахал-Текинский оазис. СПб., 1888. С.19.

[39] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1341, л.1.

[40] Там же, л.6.

[41] Там же, д.1573, л.11.

[42] *Преображенский П.Ф.* Разложение родового строя и феодализационный процесс у туркмен-йомутов // Этнография. М.;Л., 1930. С.24.

[43] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1341, л.8.

[44] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. С.195,201.

[45] *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М., 1976. С.232.

[46] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1573, л.19; д.1342, л.62.

[47] Там же, д.1341, л.1.

[48] Там же, л.1.

[49] Там же, л.4.

[50] Там же, л.8.

[51] Там же, д.1573, л.23.

[52] Там же, л.34.

[53] Там же, л.36.

[54] Там же, л.72.

[55] *Язлыев Ч.* Указ. соч. С.103.

[56] Там же.

[57] *Максимович Ф.К.* О туркменах-моряках // Туркменоведение. 1930. № 6—7. С.15.

[58] Рыболовство в Юго-Восточном побережье Каспийского моря // Закаспийское обозрение. 1900. № 243. С.2.

[59] *Язлыев Ч.* Указ. соч. С.101—102.

[60] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1573, л.12; д.1517, л.8,18.

[61] *С.П.В.* (подпись под статьей). Бедуины // Закаспийское обозрение. 1897. № 39. С.2.

[62] *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. СПб.,1902. С.58.

[63] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.72.

[64] Там же,л.35.

[65] *Язлыев Ч.* Указ. соч. С.102.

[66] Туркменский юмор. Ашхабад,1968. С.35.

[67] *Безбаев С.М.* Гони Бек // Туркменоведение. 1927. № 1. С.25.

[68] *Файнберг Л.А.* Первобытные отношения эскимосов Гренландии // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С.173.

[69] *Морозова А.С.* Тезисы к защите диссертации на тему «Рабство у туркмен и узбеков Хивинского ханства в XIX в.». С.2.

[70] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.30.

[71] *Карпов Г.И.* Рассказы стариков текинцев об истории своего племени. Ашхабад,1939. С.7 (рукопись).

[72] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.30.

[73] Там же,л.38.

[74] Там же,л.64.

[75] Там же,л.21.

[76] Там же.

[77] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. С.49.

[78] *Лессар П.М.* Пески Кара-Кумов // Известия РГО. 1884. Т.20. С.131.

[79] *Марков Г.Е.* Указ. соч. С.233.

[80] *Konig W.* Op. cit. S.95.

[81] *Сенджаби М.* Туркмены в Персии // Туркменоведение. 1928. № 7—8. С.95.

[82] *Штейнберг Е.Л.* Указ. соч. С.15.

[83] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. С.46.

[84] *Маслов А.Н.* Указ. соч. С.376.

[85] Аму-Дарьинский отдел // Туркестанские ведомости. 1876. № 10. С.37.

[86] *Хазанов А.М.* 1) Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. М., 1873. С.11; 2) Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С.65.

[87] *Штейнберг Е.Л.* Указ. соч. С.22.

[88] *Фрейкин З.Г.* Туркменская ССР. М.,1957. С.65.

[89] *Николаев В.Н.* Пастбища Заунгузских Кара-Кумов // Труды Туркменсккого НИИ животноводства и ветеринарии. Ашхабад,1960. Т.2; *Березин Л.* Кара-Кумская проблема // Туркменоведение. 1931. № 1—2. С.23—24.

[90] *Браславский П.* Кормовая проблема в Туркмении // Туркменоведение. 1930. № 6—7. С.13.

[91] Пески и флора в Закаспийской области // Закаспийское обозрение. 1896. № 1. С.2.

[92] *Кондаков В.Ф.* К истории животноводства Туркменистана (1914—1945) // Труды Туркменского НИИ животноводства и ветеринарии. Ашхабад,1960. Т.2,с.13.

[93] *Konig W.* Oi. cit. S.15.

[94] *Карпов Г.И.* Аламаны... С.29.

[95] *Фрейкин З.Г.* Указ. соч. С.49.

[96] *Язлыев Ч.* Указ. соч.; *Konig W.* Op. cit. S.47.

[97] *Александров В.* Поездка капитана В. Копытовского на Мангышлак в 1745 г. // Закаспийское обозрение. 1899. № 15. С.2.

[98] Временное положение об управлении Закаспийским краем // Россия и Туркмения в XIX веке. Ашхабад,1946. С.97.

[99] ЦГВИА (Центральный гос. военно-исторический архив), ф.400, оп.1,д.371,л.3.

[100] *Лессар П.М.* Через Персию в Мерв // Новое время. 1883. № 2750. С.2.

[101] *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М.,1867. С.406.

[102] *Konig W.* Op. cit. S.86.

[103] Ibid. S.87.

[104] Помощь голодающим кочевникам Мангышлака // Закаспийское обозрение. 1911. № 122. С.1.

[105] *Браславский П.* Указ. соч. С.12.

[106] *Максимович Ф.К.* Социально-экономический строй туркмен Закаспийской области накануне присоединения к России. Ашхабад,1960. С.32.

[107] *Konig W.* Op. cit. S.52.

[108] *Хуммиев Б.* Организация скотоводческого хозяйства туркмен в конце XIX—начале XX в. // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX—начала XX в. Ашхабад,1982. С.77.

[109] *Фрейкин З.Г.* Указ. соч. С.232.

[110] *Язлыев Ч.* Указ. соч. С.43.

[111] *Оразов А.* Этнографические очерки хозяйства туркмен Ахала в XIX—н. XX в. Ашхабад,1985. С.16.

[112] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. С.48.

[113] *Маслов А.Н.* Указ. соч. С.391.

[114] *Пален К.К.* Отчет по ревизии Туркестанского края // Материалы к характеристике народного хозяйства. СПб.,1911. Ч.1,отд.2. С.213.

[115] Там же. С.98.

[116] Там же.

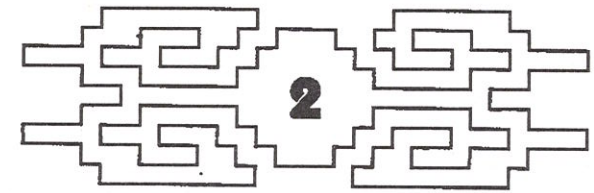
[117] *Фрейкин З.Г.* Указ. соч. С.56.

[118] Там же.

[119] *Лессар П.М.* Мерв и его окрестности // Россия и Туркмения в XIX в. Ашхабад,1946. С.228.

[120] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. С.28.

[121] *Боде К.* Очерки туркменской земли // Отечественные записки. 1856. № 7—9. С.66.
[122] *Оразов А.* Указ. соч. С.83.
[123] *Язлыев Ч.* Указ. соч. С.58.
[124] *Лессар П.М.* Мерв и его окрестности... С.228.
[125] Из отчета начальника Закаспийской области за 1899 г. // Россия и Туркмения в XIX веке. Ашхабад,1946. С.314.
[126] *Фрейкин З.Г.* Указ. соч. С.231.
[127] *Хазанов А.М.* Характерные черты... С.6.
[128] *Штейнберг Е.Л.* Указ. соч. С.15.
[129] *Лессар П.М.* Юго-Западная Туркмения // Известия РГО. (СПб.). 1885. Т.21. С.45.
[130] *Лессар П.М.* Пески Кара-Кумов... 1884. С.130—131.
[131] *Лессар П.М.* Юго-Западная Туркмения... С.45.
[132] *Маслов А.Н.* Указ. соч. С.400.
[133] *Лессар П.М.* Юго-Западная Туркмения... С.54.
[134] *Оразов А.* Указ. соч. С.80; *Нурмухамедов К.* Промысловое хозяйство туркмен в конце XIX—начале XX в. // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX—начала XX в. Ашхабад,1982. С.120.
[135] *Konig W.* Op. cit. S.41—43.
[136] Копия с записки главнокомандующего Кавказской армией // Россия и Туркмения в XIX веке. Ашхабад,1946. С.102.
[137] *Язлыев Ч.* Указ. соч. С.34; *Оразов А.* Указ. соч. С.81.
[138] *Konig W.* Op. cit. S.86.
[139] *Оразов А.* Указ. соч. С.80.
[140] *Konig W.* Op. cit. S.129.
[141] *Язлыев Ч.* Указ. соч. С.45.
[142] *Костин Г.* Из жизни кочевий Мервского округа // Туркменоведение. 1928. № 2. С.52.
[143] *Дурдыев М.Б.* Общественные институты у туркмен Ахала в конце XIX—начале XX в. Автореф. канд. дис. М.,1970. С.7.
[144] *Йомудский С.Н.* О пережитках родового быта скотоводов Западной Туркмении в XIX в. // СЭ. 1962. № 4. С,48.
[145] *Ломакин А.* Обычное право туркмен. Ашхабад,1897.
[146] *Оразов А.* Указ. соч. С.102.
[147] *Konig W.* Op. cit. S.108.
[148] *Маслов А.Н.* Указ. соч. С.401.
[149] Капитан *Гиршфельд*, генерал *Галкин*. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент,1902. Ч.2. С.68.
[150] *Вамбери А.* Путешествие... С.266.

МОЛОДЕЖНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ АЛАМАНА

В этой главе будут рассмотрены сюжеты, связанные с функционированием молодежных формирований в рамках института аламана. К изучению среднеазиатских половозрастных структур исследователи обращались неоднократно.[1] Но материал по туркменам привлекался чаще всего лишь в качестве сопоставительного. Половозрастная организация туркмен будет рассмотрена нами в объеме, необходимом для понимания принципов формирования, организации и функционирования традиционной военной организации этого народа.

В дальнейшем будет использоваться терминология, предложенная В.А. Поповым: «1) возрастная степень — культурно-нормативная стадия жизненного цикла; 2) возрастной класс — институционализированная возрастная степень (или подразделение одной степени или объединение нескольких степеней); 3) возрастная группа — корпоративная группа совместно инициированных индивидов (т.е. обладающих одним социальным возрастом), которая, двигаясь по возрастным степеням, регулярно переходит из одного возрастного класса в другой, меняя свой статус и социальные роли».[2]

В целом, согласно традиционным представлениям туркмен, жизненный цикл человека делится на четыре основные степени: детство, юность, зрелость, старость. В свою очередь, внутри этих степеней можно выделить более дробные подразделения, наличие которых позволяет предполагать существование в прошлом системы возрастных классов: чага — 1—6 лет; оглан — 7—12; етгинджек — 12—18; джагыл — 18—24; игит — 25—40; орта яш — 40—60; годжа — свыше 60 лет.[3]

Из степени чагалык (детство), заканчивающейся в 6—7 лет, можно выделить ее начальный этап —младенчество. Ребенок считался младенцем (бэбек) до той поры, пока не начинал ходить, т.е. примерно до 1—1.5 лет. К этому времени приурочивается до настоящего времени широко распространенный среди народов Средней Азии обряд сострижения волос и неразрывно с ним связанное праздничное угощение родственников и соседей — сач-той. Сач-той можно считать точкой отсчета, началом цикла посвятительных обрядов, оформляющих прохождение человеком возрастных классов, принимая во внимание тот факт, что празднование выходит за рамки чисто семейного торжества и что для народов Средней Азии наличие (отсутствие) волос на голове, усов, бороды являлись атрибутами того или иного возрастного класса.[4]

Начиная с 6 лет ребенка мужского пола называли оглан, с этого времени мальчик вступал в переходный от детства к юности этап, что, однако, не оформлялось обрядом, закрепляющим его новое биосоциальное состояние (рис. 5). Во всяком случае, нам не удалось установить бытования подобного обряда в прошлом и настоящем.

Четкие границы возрастных классов проявляются лишь по достижении огланом 12-летнего возраста и связаны с обрядом обрезания (сунет). Пройдя его, мальчик-оглан попадал в класс етгинджеков. К.Л. Задыхина, говоря об обрезании у узбеков дельты Аму-Дарьи, отмечала, что у них так же, как и у таджиков, белуджей, джемшидов, османских турок, процедуре этого обряда подвергалась одновременно сразу целая группа мальчиков, что позволило ей говорить о «пережитках былого обязательного ритуала посвящения над всеми лицами, достигшими известного возраста».[5] Этот обряд и у туркмен сохранял еще в недалеком прошлом черты группового посвящения. Старики информанты помнят, когда сунет совершался сразу над несколькими мальчиками в возрасте от 7 до 12 лет. Как правило, это были сыновья родственников по мужской линии или ближайших соседей.[6] По мнению информантов, основная причина группового обрезания состояла в том, чтобы дать возможность мальчикам поддержать друг друга во время этого испытания. В дальнейшем между одновременно прошедшими обряд складывались особо тесные

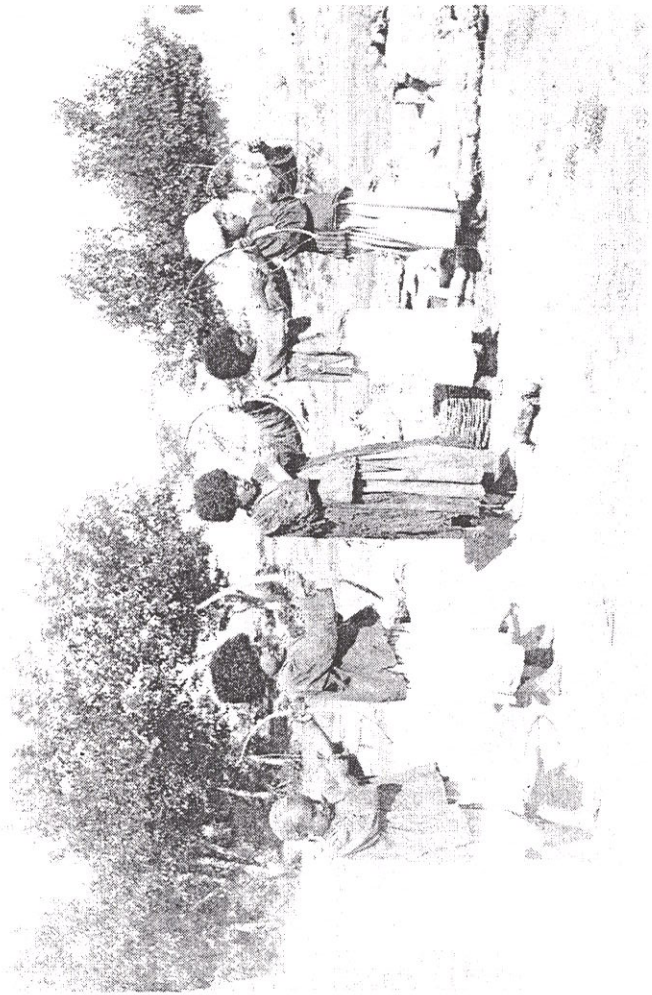

Рис. 5. Текинские дети. Ахал-текинский оазис. Конец XIX в.

товарищеские отношения, что проявлялось, в частности, в оказании поддержки и взаимопомощи. Юноши называли друг друга суннетдеги или яшытдаш. Осознание ими особых корпоративных отношений сказывалось и в их подчеркнуто уважительном отношении к мастеру (уста), проводившему обрезание. При обращении мастера называли сунет-ата. Оказание в случае необходимости помощи сунетчи считалось обязанностью для этой группы молодых людей.[7]

Но сунет являлся лишь первым этапом обряда, знаменующего переход оглана в етгинджеки. Вторым его этапом был праздник первого сажания на коня. Это торжество устраивалось обычно после того,как пройдет время,необходимое для заживления раны после обрезания. А. Володин оставил описание этого праздника, проводившегося у ставропольских туркмен в конце XIX—начале XX в.: «На 8—10 году для туркменского мальчика устраивают так называемую атаминдрю (ат — конь. — *Ю.Б.*), т.е. сажание на лошадь, что является периодом, знаменующим собой наступление отрочества. Для мальчика приобретают лошадь со всем снаряжением, шьют новую одежду, украшая ее галунами и монетами. После угощения гостей отец мальчика приводит лошадь и сажает на нее сына. Мальчик объезжает весь аул и приветствует хозяев кибиток».[8]

В Тахта-Базарском районе Марыйской области нами зафиксировано аналогичное описание этого обряда у туркмен-сарыков. Праздник первого сажания на коня, по сообщению информанта, мог проводиться и во время свадьбы (гелин-той) одного из родственников. При стечении большого числа народа мальчика (или нескольких мальчиков-сверстников) в праздничном шелковом халате красного цвета (гармызы дон) сажали на коня. На поясе мальчика висел гульбенд пичак, т.е. нож с гульбендом — пластиной из цветного металла, находящейся у пяты ножа. Отсутствие гульбенда делает, по представлениям туркмен, мясо зарезанного этим ножом животного нечистым (харам).[9] Центральным событием праздника являлось произнесение муллой напутственной молитвы (ак пата). Основной мотив напутствия информант передал в следующих выражениях: «Твой сын на коне, пусть не упадет с коня, пусть будет воином, батыром. Пусть он стоит за свой народ, будет его защитником».[10] После того, как

произносилась ак пата, отец, держа коня в поводу, обвозил сына вокруг присутствующих.

У йомутов Тахтинского района Ташаузской области и эрсаринцев Кара-Бекауля этот обряд также хорошо сохранился в памяти представителей старшего поколения. У йомутов он назывался ата чыкды и проводился тогда, когда мальчику исполнялось 3 или 5 лет. Обычно этот обряд проводился в тех семьях, в которых длительное время не рождались мальчики. Утром мать и отец наряжали сына в праздничный наряд — гармызы дон, гара тельпек (папаха из овчины черного цвета), ак койнек (белая рубаха). Дед сажал внука на коня и,держа его под уздцы, обводил вокруг дома. Дед же давал пату,в которой желал мальчику долгой жизни,а также быть преданным отцу, матери,родному селению и вырасти иигитом.[11] Наш информант-эрсаринец сообщил,что в 1926 г. в возрасте 7 лет ему сделали обрезание. Незадолго перед сунетом,его сажали на коня. Здесь уже руководил проведением обряда дайи — дядя мальчика со стороны матери. (Именно дайи является центральной фигурой также во время проведения сач тоя.) Дайи обвел лошадь с сидящим на ней племянником вокруг дома. Собравшиеся люди дарили с пожеланием счастья и долголетия платки, деньги, которые мальчик складывал в хурджум.[12]

С завершением обрядов,оформлявших переход в возрастной класс етгинджеков, существенно менялся правовой статус подростка. Прежде всего, он приобретал ряд существенных прав, в том числе право принимать участие в похоронах, право совместной трапезы с мужчинами, право резать скот, носить и пользоваться оружием.[13] Изменение происходят и во внешнем облике етгинджеков. Их праздничным головным убором становится ак-тельпек (папаха белого цвета). Известно, что туркмены относились к тельпеку как непременному атрибуту мужчины и воина, его потеря позорила человека.[14] И наоборот, возведение в правах человека низшего сословия сопровождалось разрешением для него ношения ножа и тельпека.[15] У геклен ак-тельпеки надевали во время проведения аламана.[16]

У туркмен до настоящего времени сохраняется воспоминание о следующем обряде,проводившемся во время свадьбы. В период,когда к ней шла непосредственная подготовка,яшули (старики) собирали группу етгинджеков,достигших 16—18 лет,

которым предстояло пройти следующее испытание. Каждый етгинджек должен был выкопать в земле очаг, носивший название газма оджаг (от газмак — «копать»). В дальнейшем эти очаги использовались для приготовления свадебной пищи. Конструкция очага представляла собой круглую яму диаметром в полметра,имевшую небольшое узкое продолжение, предназначенное для тяги воздуха. Это на первый взгляд несложное сооружение требовало для его изготовления известного мастерства и навыков. После окончания работы яшули проверяли, насколько успешно каждый испытуемый справился со своей задачей. Етгинджеки, очаги которых признавались хорошими, становились джагылами и получали право жениться. Для тех, кто не смог успешно пройти испытание, следующая возможность стать джагылом предоставлялась лишь с организацией следующей свадьбы. При этом юноша оставался в прежнем возрастном классе и становился объектом насмешек со стороны своих сверстниц.[17] Таким образом,возрастной класс джагылов составляли юноши, получившие право жениться,но остававшиеся еще холостыми.

Наибольшее затруднение у информантов вызвало точное определение временных рамок возрастных классов джагыл и иигит. В ряде случаев эти категории рассматривались как аналогичные понятия, характеризующие молодого человека в возрасте старше 18 лет.[18] Преобладало,однако,мнение,согласно которому единственным точным критерием достижения человеком статуса иигит, была его женитьба.[19]

В конце XIX—начале XX в. обычное явление в Туркмении — ранние браки,когда жениху могло было быть лишь 12—13 лет.[20] А это,согласно возрастной периодизации туркмен, возраст, соответствующий классам огланов и етгинджеков. В то же время нередкими были случаи, когда молодые люди, достигшие брачного возраста,не имели возможности жениться из-за высокого калыма.[21] Таким образом, система возрастных категорий к концу XIX в. не соответствовала реальному положению дел, и биологический возраст уже не служил критерием для достижения соответствующего социального статуса (вопросы соотношения социального и биологического возрастов подробно разработаны К.П. Калиновской[22]).

Если нижняя граница возрастного класса иигитов связана с проведением свадебного ритуала,то верхней четкой границы

не существует. Здесь наиболее надежным критерием является появление в семье иигита первого и тем более второго ребенка. Наиболее четко это положение прослеживается в отношении женщин, у которых их статус в семье резко меняется с появлением ребенка,особенно мальчика.[23]

Период жизни человека с 12 до 40 лет делился, таким образом, на три этапа. Границы возрастных классов етгинджеков, джагылов и иигитов четко фиксируются проведением соответствующих обрядов посвящения.

Временные рамки класса орта яш охватывают значительный период жизни с 40 до 60 лет, который, тем не менее, не сопровождается обрядовым оформлением. Последний возрастной класс стариков (годжа) включал в себя людей, достигших 60-летнего возраста. В работе А. Джикиева, посвященной населению юго-восточного побережья Каспия, приводится описание празднества, которое, видимо, следует рассматривать как заключительный этап в общем ряду обрядов посвящения: «Как и у других туркменских племен, старики побережья,достигшие 63-летнего возраста (возраст,в котором умер пророк Мухаммед), отмечали эту дату, называемую местными туркменами «ак аш» (угощение в честь старости). Отмечалась она по-старому, в зависимости от материального благосостояния юбиляра. Более зажиточные отмечали ак аш три года подряд, начиная с 61-го года своей жизни; в намеченный день резали баранов, устраивали обильное угощение. Старики старше этого возраста пользовались особым уважением населения».[24] Согласно полученной нами у эрсаринцев информации, праздник этот носил название Пехамбер-той. Виновнику торжества преподносился праздничный халат гармызы дон, но само празднество должно было проводиться на год раньше, так как, по поверью, человека, отмечавшего свое 63-летие, ждет скорая смерть. Особое же внимание вызывают следующие две детали: во-первых, считалось,что на поминках человека,перешагнувшего 63-летний рубеж, разрешалось готовить жареную пищу, и, во-вторых, считалось, что нельзя долго плакать по этому человеку.[25] Возможно,мы имеем дело с рудиментными признаками выхода из системы возрастных классов, сохраняющимися в этом обряде, имеющем в настоящее время чисто мусульманскую оболочку.

Нам остается перейти к рассмотрению тех функций, исполнение которых выделяло категории етгинджек, джагыл и иигит из общего ряда возрастных классов.

Как уже отмечалось, с прохождением обряда обрезания етгинджек получал право носить оружие и часто уже имел собственного коня. В содержании паты, которая давалась муллой во время проведения праздника первого сажания на коня, отчетливо проводится мысль, что отныне функция, которая будет определять место етгинджека в общине, — военная функция.

По многочисленным сообщениям наших информантов, начиная с 12-летнего возраста етгинджек мог стать участником аламана. Известно, что Тыкма-сердар, один из главных военных вождей ахальских текинцев в период завоевания Туркмении, уже с 13 лет начал ходить в аламаны.[26] При этом информанты подчеркивали, что ранний возраст не являлся помехой для такого опасного предприятия, как набег. В качестве аргумента указывалось на то, что в прошлом физическое здоровье и морально-психологические качества характера 12-летнего воина практически не отличались от подобных свойств 20-летнего современного человека,[27] т.е. вне зависимости от реального положения дел сама установка местного населения на возможность участия 12-летнего подростка в военных действиях не оставляет сомнений. О физической подготовке, волевых качествах етгинджеков говорит уже тот факт, что в традиционных скачках, которые проводились на дистанцию: «от 60 до 70 верст и больше... скачут всегда мальчики лет 12—14».[28]

Еще не обращаясь к конкретному материалу, можно заранее предположить, что роль етгинджеков, отводимая им в традиционной военной системе туркмен, должна была сводиться к этапу ученичества, что в целом было характерно для кочевых народов: «Приучаясь к стрелянию из лука с детства, они часто в 12 и 13 лет выезжали в походы и употреблялись для действий малой войны».[29] На основе имеющихся в нашем распоряжении литературных источников, к сожалению весьма ограниченных, а также собственных полевых материалов можно проследить, как осуществлялось включение етгинджека в военную жизнь общины. Само участие в аламане носило ограниченный характер. Можно еще раз вспомнить приводимый ранее случай,

когда один из жителей оба Геркез отправил своего 13-летнего сына в аламан, привязав его ноги за щиколотки под животом лошади, т.е. изначально предполагалось, что роль его сына будет пассивной. Задача етгинджеков сводилась главным образом к созданию в походе необходимого минимума удобств своим старшим товарищам. Етгинджек должен был готовить пищу, если поход был длительным, выполнять роль коновода, оказывать другие мелкие услуги участникам аламана. У геклен такой участник аламана, основная обязанность которого сводилась к кипячению воды для чая, назывался хызматкер.[30] У сарыков, проживающих в районе афгано-туркменского пограничья, существовала практика выставления ночных постов (гараул) вокруг территории оба. При этом дежурство вместе со взрослыми несли 12-, 13-летние подростки. Они должны были разводить костры, следить за лошадьми и задавать им корм. В дневное время етгинджеки могли самостоятельно нести дежурство, укрывшись в специально для этой цели оборудованных местах — гызлончек, которые представляли собой чаще всего завалы из травы и тростника.[31] В связи с вопросом о функциях етгинджеков в аламане представляет интерес описание одной из атак, предпринятых текинцами на осаждавших Геок-Тепе русских: «За передовыми бойцами идет команда вроде наших санитаров... Сзади же всех крадутся аламанщики, или грабители. В аламанщики берут мальчишек лет 14—15-ти, грабят они ловко: в несколько минут успеют обшарить всю траншею: подберут оружие, разденут донага убитых».[32]

Приобщение етгинджеков к военному делу проходило не только в составе аламанов или караулах, под опекой представителей старших возрастных классов. У туркмен существовала своеобразная форма набега, участниками которого, как правило, была молодежь 12—14-летнего возраста. Уже с 12 лет среди молодежи начинали проводиться совместные, обычно вечерние собрания неженатой молодежи — дингене.[33] При этом каждый участник дингене должен был принести с собой определенное количество продуктов, из которых в процессе проведения вечера приготавливалась пища для совместной трапезы. По сообщениям наших информантов-сарыков, нередкими были случаи, когда участники дингене для этой цели похищали у местного населения молодого барана

или курицу.[34] Аналогичное явление имело место и у туркмен мурчели, проживающих в Ахальском оазисе. При этом кражи совершались главным образом на территории оба, в котором проживали участники дингене. Подобные действия, как это совершенно очевидно явствует из ответов стариков, не рассматривались жителями как грубое нарушение общинных норм жизни. Хотя, если «набег» заканчивался неудачно для похитителя, его ждало наказание.[35]

О распространенности этого явления свидетельствует и фольклорный материал. В эпосе Гер-Оглы первые годы жизни главного героя представлены следующим образом: «Идет на базар и во все, что ни понравится, запускает лапу: "Есть виноград? Есть халва?" Уйдет в поле и ест... И дыни с бахчи таскал он, не разбирая — зрелые, не зрелые, и кур крал. В общем, издевался над людьми, зангар».[36]

Вышесказанное позволяет нам обратиться к одному из видов туркменского набега — калтаману (одновременно и название его участника). В целом за этим набегом в литературе и устной традиции закрепилась ярко выраженная негативная характеристика.[37] Не рассматривая здесь подробно данный набег, что станет основной задачей следующей главы, отметим лишь некоторые его признаки, которые можно считать определяющими. Калтаман, как правило, совершался без оружия, пешком, что естественным образом ограничивало радиус его действия. Участника калтамана могла удовлетворить практически любая добыча. Весь этот набор признаков, присущих калтаману, дает все основания полагать, что одним из наиболее вероятных его участников могла быть мужская молодежь, делающая первые шаги на военном поприще. Действительно, М. Алиханов-Аварский в своих воспоминаниях, описывая разговор с одним из текинских сердарей, приводит следующие важные для нас слова туркмена: «В детстве, как и все у нас, я был отчаянным калтаманом».[38] По сообщению наших информантов-йомутов, в большинстве случаев калтаманом занимались молодые люди 15—16-летнего возраста, при этом подчеркивалось, что в этом случае такие набеги рассматривались в качестве своеобразной подготовительной стадии к походам.[39]

Итак, возрастные группы етгинджеков приобретали военный опыт не только в аламанах под опекой старших,

но также и в самостоятельных вылазках. Калтаман в этом конкретном контексте можно рассматривать в качестве своеобразного тренажера для молодежи (подростков) в системе военной подготовки туркмен. Етгинджеки представляли собой в военном отношении своего рода подготовительное подразделение, основная задача которого сводилась к процессу постепенного подключения мужской молодежи к проведению боевых действий.

В литературе XIX—начала XX в. имеются упоминания о том, что активное участие в аламанах молодые люди начинают принимать с 17—20 лет.[40] По сообщениям наших информантов сарыков и текинцев, джагылы составляли наиболее активную часть аламана, а также именно они являлись главной силой при обороне оба во время нападения противника (при этом, как уже ранее отмечалось, состав аламана часто представлял пестрое в возрастном отношении единство, где возраст участников мог колебаться от 14 до 60 лет).[41]

Особая роль при формировании племенного ополчения ак-ойли (белый дом) отводилась неженатой молодежи у йомутов.[42] В Мурче система оборонительных сооружений представляла собой крепость с располагавшимися между ней и предгорьями Копет-дага тремя караульными башнями (дин), удаленными одна от другой в пределах видимости. В башнях постоянно находился небольшой караул в составе 2—3 человек из числа молодых людей в возрасте от 20 до 30 лет.[43] Показательно, что в годы гражданской войны один из лидеров басмаческого движения Ходжа-Кули, обращаясь к населению Теджена, совершенно конкретно представлял себе тех, кому адресуется его воззвание: «Юноши не должны грабить своих мусульман, а грабить тех, кто учит новому учению».[44]

Активное участие джагылов в военных операциях в немалой степени было связано с тем обстоятельством, что по народным представлениям война являлась той сферой деятельности, где должен был проявить свои качества молодой туркмен перед вступлением в брак. А. Вамбери оставил следующую характеристику традиционных представлений о роли молодого человека в общине: «Все в воспитании молодого туркмена подготавливает в нем подобное настроение — лошади, оружие, битвы и грабежи занимают его молодое воображение; даже сам честный Хандаш при мне с укором

рассказывал сыну, что такой-то похитил двух молодых персов, при чем он заметил мне, указывая на сына, что из него не выйдет настоящего мужчины».[45]

По сообщению наших информантов йомутов, в оба было принято считать, что молодые люди, здоровые и сильные, должны участвовать в аламане. В противном случае такой человек мог получить оскорбительное прозвище ар намсыз, бинамыз (бесстыдный), что ставило его в положение изгоя в общине.[46] Насколько обвинение в отсутствии мужества много значило в положении джагыла, показывает описание сцены коллективной охоты середины прошлого века у йомутов Хивы. Получив обвинение в трусости, молодой человек одной рукой схватил кабана за ухо, ударом другой раздробил кабану голову рукояткой пистолета. Когда на охотников бросился раненый тигр, он с удивительным хладнокровием отклонился в сторону и выстрелом в упор убил животное.[47]

Подобные испытания на охоте или набег являлись для джагыла последним и наиболее ответственным этапом обряда посвящения. Поэтому, с нашей точки зрения, совсем не случайно у туркмен зафиксирован набег, совершавшийся во время свадьбы.[48] Согласно полевым материалам А.В. Курбанова, у игдыров, проживающих в Ставропольском крае, на свадьбах известны случаи, когда кто-либо из присутствующих звал собравшихся гостей в набег, при этом на коней садились все желающие. В набег, санкционированный стариками, как правило, ходили за Маныч к калмыкам.[49] На свадьбе, как уже отмечалось ранее, часто проходил обряд первого сажания на коня, и ритуальное сооружение етгинджеками очагов. Согласно легенде, поводом для завоевания текинцами Ахала послужили следующие события: «Вся молодежь Ахала (населенного до текинцев туркменами других племен. — *Ю.Б.*) в полном вооружении приглашена на свадьбу, причем предполагается после свадьбы произвести большой набег на туркмен» (т.е. на текинцев. — *Ю.Б.*).[50]

Немаловажной причиной, обусловливавшей участие молодежи в набегах, являлась также та, что это был наиболее быстрый путь накопления необходимого для калыма количества скота и иных ценностей. При этом скот, добытый таким образом, пополнял общее семейное стадо и рассматривался как часть собиравшегося калыма.[51]

Здесь следует отметить следующее: с приобретением статуса женатого человека, круг обязанностей иигита существенно менялся. Участие в военных действиях для него уже не являлось основной задачей. Но процесс этот протекал постепенно. Образ жизни иигитов, еще не упрочивших своего нового семейного положения в общине, не претерпевал значительных изменений. Этому способствовала в немалой степени политическая обстановка, в которой протекала жизнь большинства туркменских племен, вынужденных практически постоянно бороться за сохранение своей и захват чужой территории. В XIX—начале XX в. участие иигитов в военной практике огромно. Мужчины этого возрастного класса составляли наиболее боеспособную часть туркменского общества, сочетая в себе такие качества, как физическая зрелость и опыт в ведении боевых действий. По многочисленным заявлениям информантов, именно иигиты составляли костяк аламана, оставаясь опорой сердара, гарантом успешного проведения операции.[52] В дальнейшем нами будут рассмотрены сюжеты, где главным действующим лицом станут группы джагылов и бездетных иигитов, образ жизни которых в общине еще значительно не изменился.

Туркмены совершали как крупные, так и бесчисленные мелкие аламаны. И если первые обсуждались на племенных советах, куда входили почетные представители от каждого тире, проживающего в окрестных оба, то последние могли осуществлять и без ведома стрейшин.[53] Хивинский придворный историограф XIX в., оставивший в своих хрониках описания не только крупномасштабных военных походов, но и многочисленных набегов, сообщает, в частности, о 18 конных ахальских теке, которые «явились внезапно с целью воровства в Хорезм, захватили 22 человека в плен, взяли много верблюдов и пустились в бегство».[54] У него же находим следующее замечание: «Восемь человек сарыков аламанщиков прискакали верхами и угнали углубившихся в пески 12 человек сборщиков дров из-под Хивы с множеством верблюдов».[55] В архиве хивинского ханства содержится также письмо на имя правителя, в котором сообщается о набеге 10 всадников из племени човдуров и уводе ими лошадей и рогатого скота.[56] Набеги в Астрабадскую провинцию Ирана йомуты часто совершали мелкими партиями по три, пять человек.[57] П.М. Лессар оставил

следующую характеристику проведения набегов в Мервском оазисе: «...каждое отдельное племя предпочитает отправлять небольшие шайки по 4—5 человек, которые подбираются к окрестностям сарыкских поселений, уводят оттуда женщин и детей и угоняют скот; в Мерве близ деревень выставляются сторожевые посты».[58] Подобная ситуация была характерна и для гекленов, которые страдали «от мелких партий аламанщиков мелких племен».[59] По описанию К.К. Абаза,тактика аламанщиков выглядела таким образом: «Горе пастухам, которые, бывало, забредут на соседние пастбища. Разбойники, спрятавшись где-нибудь за бугорками или в оврагах, отрежут путь к отступлению и гонят стада вместе с людьми».[60] В сообщении полковника генерального штаба Мельницкого отмечалось следующее: «Геклены и йомуты часто переходили персидскую границу для мелкого воровства, преимущественно лошадей и скота... набеги производятся мелкими партиями,почти никогда не превышающими численность 10 человек».[61]

Таким образом, аламан, рассмотренный выше, — это небольшой по численности отряд, совершающий нападение на границе родо-племенной территории. Возможности такого аламана были ограничены его численностью. Такой отряд мог совершать скрытные нападения, не вступая в серьезные столкновения с противником. Но,выстраиваясь в непрерывную цепь набегов,подобные аламаны могли нанести ощутимый урон соседнему племени и поэтому являлись весьма эффективным средством ведения военных действий.

Ведение «малой» войны было наиболее доступно джагылам и некоторой части иигитов,так как не предполагало серьезного столкновения с противником. Явление это было характерно для тактики многих народов. Так, еще Маврикий — римский автор, живший в 582—602 гг. н.э., сообщает следующее об антах и славянах: «Так как юноши их очень искусно владеют оружием и при удобном случае подкрадываются и внезапно нападают,то неприятель,предпринявший поход против них,не может особенно много вредить им».[62]

Проведение подобных военных акций молодежью было обусловлено также тем обстоятельством, что это требовало практически постоянного нахождения на линии племенной границы, а именно на джагылах лежала обязанность по выпасу скота; это предполагало,что с 17—18 лет молодому человеку

уже могли доверить самостоятельный выпас скота. Часто чабан и чулук (подпасок), выпасающие стадо, координировали свои действия с 2—3 соседними чабанами и чулуками.[63] Подобный союз мог стать и своеобразным формированием для оказания отпора врагу,а также и организации ответного нападения.

Следует помнить,что жизнь чабана протекала в обстановке полной опасностей, и, по словам одного из наших информантов, характер человека подвергался серьезной закалке в процессе частых столкновений,возникавших при выпасе скота.[64] О риске, сопровождавшем работу пастухов, упоминается и в протоколах Закаспийского кружка любителей археологии: «По сообщению одного члена кружка,такие башни в прежние времена устраивались пастухами на случай нападения аламанщиков: пастухи забирались в башню и отстреливались».[65] По сообщению информантов,не редки были случаи,когда молодые чабаны проникали на чужую территорию с целью похищения скота,что часто рассматривалось как проявление молодечества. Так,один из знакомых нашего информанта,вспоминая молодость,говорил ему,что «мясо ворованного барана вкуснее». Будучи чабаном,он однажды был едва не убит устроившим засаду соседом,когда в очередной раз пытался похитить у него скот.[66] По сообщению информанта-йомута тире окуз,— в аламан ходили в качестве развлечения — месчелик.[67]

В результате подобной военной практики возникала ситуация, когда правила, установленные адатом, нарушались, и набег уже нельзя было рассматривать иначе, как грабеж (калтаман). По сообщениям информантов-йомутов, граница между атабаями и джафарбаями часто нарушалась отрядами калтаманов,проникающих на чужую территорию с целью угона скота. При этом отмечалось,что очень часто виновниками этих набегов оказывались холостые молодые люди в возрасте до 25—30 лет.[68]

В литературе уделено достаточно много места описанию взаимных нападений друг на друга мервских текинцев и сарыков,[69] текинцев Ахала и западных йомутов,[70] текинцев Мерва и эрсары,[71] текинцев и йомутов на нохурли.[72] Такие отношения подчас складывались и на уровне родовых групп. Туркмены-текинцы и другие племена иногда производили набеги на своих соплеменников.[73]

Непрерывные набеги должны были нередко создавать ситуацию, чреватую возникновением крупных межродовых, или шире, межплеменных конфликтов, ослаблявших туркменское общество и затруднявших объединение военных сил для отпора агрессии извне. Тем не менее, несмотря на существующие разногласия (например, традиционно натянутые отношения между йомутами и гекленами), консолидация племен в период угрозы внешней экспансии проходила достаточно быстро. Так, «примерно в 1865—1870 гг. гоклены получили уведомление о предпринимаемом походе на Кара-Кала... было решено просить помощи у текинцев йомутов», которая и была получена».[74]

Обострения политической ситуации в немалой степени удалось избегать в силу особого положения, которое занимали в общине мужские молодежные группы. Г.П. Снесарев, говоря в целом о среднеазиатских мужских корпоративных объединениях, отмечал, в частности, очень важный для нас факт противопоставления этих групп всему обществу.[75] У туркмен нохурлы молодые мужчины собиравшиеся на свою очередную встречу, могли обязать любого члена общины отдать барана для их вечерней трапезы. В случае неповиновения посланные «ханом» дингенне «нукеры» связывали сопротивлявшемуся руки и ноги и силой уводили хозяина из дома. Чтобы заставить такого человека выполнить требование хана, к нему могли применять некоторые методы физического воздействия, например держать в холодное время года на улице до тех пор, пока он не отступит от своего решения.[76] Здесь же уместно вспомнить уже упоминавшийся пример с лояльным отношением населения к похищениям молодыми сарыками, мурчелинцами овец и кур для приготовления совместных трапез. Об известной самостоятельности слоя мужской молодежи внутри родового коллектива говорит и следующая зарисовка И.Ф. Бларамберга: «Ссоры, особенно среди молодых неженатых туркмен, оканчиваются почти всегда несколькими ударами кинжала. Однажды на наших глазах молодой человек, едва достигший 15 лет, нанес глубокие раны другому в голову и шею: стоявшие тут же йомуты равнодушно смотрели на происходящее».[77] «Неучастие», некая отстраненность окружающих объясняются в данном случае нежеланием вмешиваться во внутренние дела молодежи. Пример открытого неподчинения старейшинам мы находим в описании событий, предшествовавших последнему

штурму Геок-Тепе, когда собравшийся маслахат решал вопрос о заключении мира с русскими. Возле юрты, в которой проходило совещание, собралась толпа молодежи: «Заслышав, что речь идет о покорности, она ворвалась с обнаженными шашками в кибитку и застращала старейшин».[78]

Община не пыталась пресечь подобное вольное поведение мужской молодежи не потому, что не способна была с ним справиться. Родоплеменной коллектив, являясь гарантом существования каждого отдельного своего члена, располагал действенными средствами поддержания стабильности внутриобщинной жизни. То особое положение, которое занимали молодежные группы, было напрямую связано с их военной функцией. Наряду с родовыми или общинными связями в этих группах возникали свои связи — узкокорпоративные, наличие которых обособляло мужскую молодежь от основной массы общинников. Сама задача охраны родоплеменной территории порождала определенную специфику — относительную оторванность военных отрядов от общины. Приведем ставшую классической характеристику ак-ойли, данную С.П. Толстовым. Термином «ак-ойли» обозначалась выделившаяся из молодых людей данного племени группа, игравшая особую роль в межплеменных войнах. Ай-ойли поселялись на значительном расстоянии от аулов своего племени, вдоль полосы, отделявшей территорию данного племени от территории соседей, и несли функции пограничной заставы, в обязанности которой входило наблюдение за соседями и извещение племени о приближающейся военной опасности. В случае нападения ак-ойли являлись передовым заслоном, принимавшим на себя первые удары неприятеля, пока все племя не приводилось в боевую готовность. Ак-ойли не имели хозяйства, содержались на счет всего рода или племени.[79] Наш полевой материал позволяет внести в описание ак-ойли некоторые новые детали. В период обострения внутриплеменных отношений в районе Гюргена (20-е годы XX в.) на стыке территории атабаев и джафарбаев были выставлены ак-ойли. Согласно сообщениям наших информантов, участники ак-ойли значительно отошли от своих прямых функций защиты племенной территории. Именно они составили ядро военных отрядов, длительное время принимавших участие в походах на территорию северного

Ирана, которые значительно осложняли общую политическую ситуацию в этой стране.[80]

Согласно информации, полученной нами в Кара-Бекауле у эрсаринцев, молодые люди, достигшие 18 лет, проходили обучение военному делу под руководством сердара (рис. 6). В начальный период обучения молодой человек с утра уходил из дома и возвращался к ночи, весь день проводя в компании своих сверстников. Молодые люди совершенствовали навыки владения оружием и управления конем в совместных упражнениях за чертой территории селения в районе песков. В дальнейшем юноша мог совсем уйти из дома родителей и поселиться вместе с другими сверстниками в юрте, стоявшей в непосредственной близости от дома сердара. Покидая дом родителей, юноша часто покидал и само селение, так как влияние сердара, как правило, распространялось не на одно, а сразу на несколько соседних оба, поэтому желающие попасть в отряд собирались в селение, где проживал их руководитель. Юрты, в которых жили воины сердара (как правило, 7—8 человек в каждой), располагались так же, как и все дома в селении, в ряд, вдоль арыка. Юрты, в которых жили старшие по возрасту, опытные воины стояли в непосредственной близости от юрты предводителя, в то время как юрты молодых сосредоточивались по краям. Отряд жил автономной жизнью, добывая себе пропитание охотой и совершая набеги на Афганистан и Узбекистан, а также проходящие торговые караваны. Молодые неженатые люди (салахи) нередко появлялись в отряде с целью добыть невесту, в чем находили помощь и поддержку сердара и его людей. В дальнейшем, когда салах обзаводился женой, он обращался к сердару с просьбой разрешить оставить отряд, после чего и возвращался в родное оба. Информанты подчеркивали, что, имея поддержку сердара, опиравшегося на сплоченную, вооруженную группу единомышленников, похититель невесты мог не опасаться серьезных для себя последствий со стороны родных невесты и быстро устанавливал с ними контакты.[81] Группа сердара с его джигитами («конный» — здесь в значении «воина»), несомненно, обладала определенной самостоятельностью, выходя за рамки установленных адатом норм поведения.

Определенная изолированность молодежи от общины, связанная со спецификой исполнения военной функции,

Рис. 6. Текинский всадник в Мерве. К задней луке седла прикреплена скатанная попона (РЭМ, № 40-35).

требовавшей более жестких корпоративных связей, позволяла родовому коллективу отстраняться от ответственности за действия молодежных военных отрядов. Здесь представляет интерес текст письма мервских старшин к своим одноплеменникам из Ахала: «Вы сообщаете, что наши мервцы грабят Ахал, конечно, мы этим поступком наших недовольны. Вам хорошо известно, что мервцы состоят из громадного населения, и мы об этих злодеяниях наших не знаем, и что подобная вещь, если повторится, то постараемся ограбленное отнять у них и доставить потерпевшим хозяевам. Братья наши Ахальцы, предупреждаем вас, что подобная вещь, если повторится, если наши мервцы будут у Вас с целью грабежа в Ахале, то можете их убивать, лошадей и оружие их взять себе, за кровь мы не будем требовать... Ваши посланные кетхуды сами лично видели, что наши аламанщики без ведома всех нас исчезают на аламаны ночью».[82]

По сообщению, полученному нами среди хорезмских йомутов, между Джунаид-ханом и Ягши-гельды существовала вражда, которая в периоды обострения, длившиеся до нескольких месяцев, выливалась в боевые действия с осадой крепостей и проведением внезапных налетов. Информант подчеркивал, что местное население при этом не страдало, воины с той и другой стороны не причиняли им никакого материального ущерба.[83]

Особый интерес представляет следующее описание набега, полученное нами от информанта-йомута. В набеге, о котором пойдет речь, участвовали 16—18-летние холостые юноши-атабайцы. Ими было решено совершить нападение на джафарбайцев. При выборе маршрута главным аргументом являлось то обстоятельство, что оба джафарбайцев было недалеко, и набег не требовал серьезной специальной подготовки, как то: знание маршрута, проведения разведки, подготовка лошадей к походу и т.п. При этом не принималось во внимание, что набег мог нарушить дипломатические отношения между джафарбаями и атабаями, родственными между собой группами. Организация набега проходила в тайне: старейшин, глав семейств в известность не ставили. В то же время население оба было в курсе готовящегося набега. Вопрос о снаряжении решался следующим образом. Большинство молодых людей не имело своего коня. Информант привел три конкретных случая

приобретения коня для набега. В первом случае коня увели со двора человека, который его имел. Хозяин коня догадывался по ряду признаков о готовящемся, но не предпринимал дополнительных мер по охране коня. В дальнейшем за свою «беспечность» он получил часть добычи. Два других участника набега договорились обменяться — каждый из них должен был незаметно увести коня со двора своего товарища. Третий попросил у своего отца оружие, якобы необходимое ему для охраны стада, но не просил дать коня, так как знал, что отец ему его не даст. Поэтому сын явочным порядком взял коня и попросил мать подготовить отца после ухода отряда. Таким образом отец не мешал сыну и мог не опасаться упреков со стороны старейшин, что помогал ему участвовать в набеге, не санкционированном маслахатом.

В итоге экипировка участников набега прошла формально без ведома старшего поколения и без официального согласия старейшин. Община осталась в стороне от ответственности за его проведение. И в дальнейшем, когда делегация потерпевшей стороны приехала в оба нападавших, старейшины говорили, что набег был совершен неженатой молодежью. Конфликт окончательно был исчерпан тем, что захваченный скот был возвращен потерпевшей стороне. Естественно, незаконные набеги, без санкции старейшин совершались не только неженатой молодежью. Однако и в этих случаях нередко вину за их проведение перекладывали, как отмечал информант, «на "беспутную" молодежь».[84]

Подобным положением молодежи в общине, видимо, можно объяснить и факты, аналогичные следующей характеристике ситуации, сложившейся в Туркмении к концу XVIII—началу XIX в.: «Неоднократные просьбы туркмен о принятии их в подданство России не мешали им делать набеги на русские торговые караваны, причем они, не довольствуясь одними товарами, забирали в плен людей, которых потом продавали на рынках Хивы, Бухары и Коканда».[85]

Типологические параллели подобного положения молодежных групп можно найти в историческом прошлом кочевников, что подкрепляет нашу позицию в данном вопросе. Скифы, войско которых составляли отряды молодых воинов,[86] отстранялись от ответственности за совершаемые ими набеги. Босфорцы, обвиняющие скифов, получают следующий ответ:

«Относительно разбойников, которых вы обвиняете в том, что они делают набеги на вашу страну, скифы отвечают, что они не высылаются по общему решению, но каждый из них занимается грабежом на свой страх и риск ради прибыли: если кто-нибудь из них попадется, то ты сам властен наказать его».[87]

* * *

Положение джагылов в общине в немалой степени было обусловлено и тем обстоятельством, что неженатая молодежь являлась одним из неравноправных слоев туркменского общества. Ведущей формой собственности у туркмен практически до присоединения к России оставался санашик — общинное землевладение, которое сосуществовало с мюльком, т.е. собственностью обособленной. А. Ломакин, издавший обычное право туркмен, о санашике сообщает следующее: «В большинстве таких аулов (где главенствовала санашиковая форма землеводопользования. — *Ю.Б.*) каждый женатый туркмен имеет право получить известную долю поливной воды арыка».[88] В настоящее время среди специалистов, занимающихся проблемами общины, под санашиком понимается форма земле- и водопользования, при которой правом на надел земли и воды (су) пользовались все мужчины, способные с оружием в руках защищать общество от нападения врагов и кроме того участвовать в строительстве ирригационных сооружений и поддержании их на должном уровне.[89] Как это видно, между двумя представленными определениями санашика существует значительное отличие. В первом варианте отстраненными от права владения землей и водой остаются неженатые члены общины. Это так называемое право никах-су,[90] в современной литературе рассматривается уже в качестве формы дальнейшего развития санашика. Так, Г.Е. Марков, в частности, пишет, что в начале, когда население оазиса было невелико, вода делилась поровну между всеми, с увеличением населения вводится никах. Вода дается теперь только женатым.[91] В. Кениг также говорит о том, что еще до присоединения к России произошло значительное изменение в форме водопользования, и водой стали наделяться только женатые мужчины, а не все, способные ее защищать и работать на ней.[92]

В свете этих замечаний никах-су можно было бы рассматривать, как стадиально более позднее явление, чем санашик,

своеобразным этапом в процессе разрушения общинного землеводопользования. Но вопрос будет освещен не полно, если при рассмотрении линии развития общинного землепользования ограничиться рамками перешедших к оседлости групп населения без учета предшествующего этапа их существования. У туркмен-скотоводов правом владения скотом — основным богатством — обладал лишь глава домохозяйства — женатый член общины. К. Боде приводит данные о том, что молодые, прожив в доме отца год и отделившись от него, т.е. получив «свою часть лошадей, верблюдов, стада баранов», еще в течение шести месяцев продолжали находиться под присмотром отца.[93] Еще в 20-х годах XX в. единственным владельцем стада являлся глава семьи, члены которой, по сообщениям наблюдателей, не могли иметь своего мнения по любому вопросу.[94] Положение молодежи в общине отражает и широко распространенная среди туркмен поговорка: «Лучше быть собакой, чем молодым у туркмен».

В основе обычного права по отношению к неженатой молодежи уже изначально был заложен принцип ограничения прав, в том числе экономических. Лишь при благоприятных условиях, т.е. при наличии большого запаса земли и воды, неженатые молодые люди имели возможность получить свою долю, что совсем не говорит о том, что уже первоначально джагылы рассматриваются как равноправные члены общества при распределении общественного фонда.

Положение молодежи в общине как неравноправного слоя нашло отражение и в терминологии. «Как известно, — отмечает В.А. Попов, — использование терминов, обозначающих детей, юношей, девушек и неинициированных для номинации лиц низкого социального положения (рабов, зависимых, подчиненных) представляло универсальное явление в истории социального развития».[95] У геклен нами была получена любопытная в этой связи информация, согласно которой типичной формой ответа на вопрос о количестве детей в семье была фраза: «Дорт гырнагым бар, уч гулум бар» («У меня четверо рабынь, т.е. дочерей, и три раба, т.е. сына»).[96] Вероятно, перед нами отголоски явления, которое можно проследить на материале некоторых народов Восточной и Экваториальной Африки, у которых «неинициированные юноши временно как бы относятся к категории лично зависимых или рабов. Наконец,

может быть и то и другое, если галла брали в плен юношей с целью увеличить численность своих боевых отрядов, как это делали зулу или ньямвези, и затем инициировали их вместе со своими».[97]

Имея в виду особое экономическое положение молодежи в общине и исполнение ею военной функции, можно иначе подойти к вопросу о заселении туркменами оазисов в XIX в. XIX век — это время постоянного передвижения туркменских племен по территории Закаспия. Отдельные родовые группы и племенные подразделения, вытесняемые или сами вытесняя других, расселялись на новых местах обитания, удаленных порой на многие сотни километров от ранее занимаемых ими земель.

Наиболее крупномасштабным, растянувшимся на столетие, было расселение племени теке в Ахальском оазисе в XVIII—XIX вв. Завоевание Ахала в 30-х годах XIX в. не завершило продвижения текинцев, оно продолжалось на территории Атека (Абиверда).[98] В орбиту этого процесса были втянуты многие туркменские племена. Заняв Атекский оазис, текинцы пробовали захватить в 1849 г. Тедженский, а в 1855 г. Серахский оазисы. Это были неудачные, окончившиеся поражением попытки. В 1855 г. текинцы вытеснили сарыков из Мервского оазиса.[99] Сарыки через Иолотанский оазис, Чарджоу переселились в Пендинский оазис, вытеснив, в свою очередь, из Пенджа и Маручака салыров. В дальнейшем часть сарыков переселилась в Иолотань.[100]

Причину столь бурного процесса расселения туркмен, на наш взгляд, следует искать в той «форме развития социальных организмов», которую, с точки зрения Н.М. Гиренко, «можно определить термином "пульсация"».[101] Говоря об африканских обществах, он пишет: «Экономический эффект, достигнутый благодаря введению железных рабочих частей оружия и земледельческих орудий, произошел давно. Он повысил возможности эксплуатации земли, но не привел к переходу от экстенсивного к интенсивному земледелию (т.к. основные средства производства не восстанавливались вложением труда, оно продолжало оставаться переложным, подсечно-огневым)... уровень развития производительных сил допускал только один вариант саморазвития — количественный рост социального организма, который вел к распаду аналогичных социальных организмов...

Развитие этого процесса — постоянное возникновение и отмежевание новых и новых племен, уход отдельных общностей на относительно новые территории».[102] Нам представляется, что экономическое и социальное развитие туркменского общества развивалось по аналогичной схеме.

Описанию экстенсивного способа ведения хозяйства у туркмен было уже уделено достаточно места в первой главе. Здесь лишь приведем замечание Н.И. Гродекова о том, что у ахальских текинцев с развитием земледелия, которое повлекло уменьшение воды, возникала необходимость искать новые земли, годные для населения. При этом Н.И. Гродеков подчеркивает, что теснота в Ахале становится невыносимой.[103]

В имеющихся источниках процесс заселения оазисов с достаточной полнотой освещен лишь в его завершающей стадии, когда право никах-су стало постоянной практикой, в силу того что имевшийся фонд был почти полностью исчерпан. Именно в этих условиях проходило освоение последнего из этого ряда оазисов — Тедженского. По данным Р. Бабаджанова, безземельные жители Ахала и Мерва, а ими являлись главным образом холостые, приезжали весной в Тедженский оазис сеять хлеб, а осенью его убирать. При этом занятие земледелием было сопряжено с риском столкнуться с аламанщиками. Полуоседлые аулы располагались в зарослях тугаев и песках.[104] Так складывалась ситуация в оазисе к моменту присоединения Туркмении к России. Имеющийся в нашем распоряжении архивный материал позволяет дополнить картину заселения Тедженского оазиса в последующий период. В письме, направленном жителями оазиса на имя начальника Закаспийской области, содержится жалоба на прибывших из Мерва «салах-дехкан (временно пришедшие земледельцы без семейств)», которые «намерены отнять у нас нашу канаву и производить посевы, несмотря на то, что тедженцы не согласны на таковые действия их, предводителем этих дехкан есть Мерген-Бурказ».[105] Текст ответного письма начальника Закаспийской области тедженскому аксакалу (административная должность. — *Ю.Б.*) дает возможность дополнить характеристику этих «холостых дехкан»: «Свободную воду, сколько ее окажется, тедженцы должны предоставить только благонадежным пришельцам из Мерва, отдавая преимущество семейным».[106] Инженер П.М. Лессар, составивший

докладную записку о положении дел в Теджене, также оценивает салах-дехкан, пришедших в оазис для посевов, как «беспокойный элемент населения» и придерживается той точки зрения,что «прекращение таких перекочевок очень желательно для водворения порядка в крае».[107]

С нашей точки зрения, этот последний, тедженский период заселения, где передовым отрядом были группы неженатой молодежи, в равной степени был характерен и для всего периода расселения туркмен. При благоприятных условиях,т.е. при наличии большого запаса земли и воды,они распределялись среди всех дееспособных мужчин общины (санаҷик). Наступал момент,когда ранее приобретенной земли становилось мало и ее начинали распределять только среди женатых членов общины (никах-су). Со временем вся земля или вода становились полностью распределенными и возникала необходимость в новых миграциях, которые осуществлялись в своей массе молодежью, ограниченной в правах на землю (воду). При разделе новой территории никах-су снова не применялся на практике до появления очередного земельного кризиса. После его наступления новое поколение молодежи было вынуждено покидать прежнюю территорию.

Интересно в данной связи описание исторически более раннего переселения сарыков в Иолотанский оазис. Сведения эти, к сожалению, весьма ограничены и их можно свести к следующей информации. Через некоторое время, после утверждения сарыков в Пендинском оазисе, беднейшая часть населения переселилась в Иолотань. При этом, по сообщению информанта Ч. Язлыева, «переселением из Пенде в Иолотанский оазис руководил 20-летний энергичный Сары Овездурды оглы».[108] Последнее обстоятельство позволяет с большой степенью вероятности предполагать, что отряды переселенцев должны были в первую очередь состоять из сверстников хана, в лице которых он не мог не иметь свою основную опору. Согласно полученной нами информации о внутренней жизни ак-ойли, состав его участников был в своем подавляющем большинстве однороден в возрастном отношении. Не составляла исключение и фигура вождя. По словам информанта, если бы хан был старым, у него были бы иные интересы, чем у остальных воинов.[109] Тем не менее, было бы ошибкой считать, что переселенцы в подавляющем

большинстве состояли из джагылов. Определенный процент составляли лица, не имеющие возможности накопить калым и жениться. Таким образом пребывание в социальном статусе молодежи могло длиться достаточно продолжительное время.

Но слой «молодежи» был расширен не только за счет этой категории лиц. Возрастной принцип был заложен в основу взаимоотношений различных групп туркменского общества. Под возрастным принципом Н.М. Гиренко понимает «такой способ оформления отношений индивидов и групп, при котором в качестве критерия выступает различие во времени пребывания (функционирования) в обществе в целом, в отдельном социальном институте или его подразделении».[110]

Характерной особенностью туркменского общества было сложившееся между отдельными группами, проживавшими на одной территории, отношения кончи — отношения синьоритета между группой первопоселенцев-завоевателей и группой населения, пришедшей позднее.[111] При этом в слой неполноправных входили также представители тех же родовых групп,что и старожилы. Вновь прибывшие,покидавшие родные места вследствие пересыхания водных артерий (ручьи,кяризы) или других причин, не получали воду в местах своего нового проживания, хотя, как отмечалось, старожилы и новоселы могли находиться в отношениях родства друг с другом. В подобном неравноправном положении находились и отдельные родовые группы. По сообщениям наших информантов, тире бехельке и гаравы, входящие в состав крупного племенного подразделения йомутов джафарбай, оторвались от основного массива и присоединились к атабаям, другому племенному формированию йомутов. Эта группа заняла выделенную для них атабаями территорию. При этом место их нового расселения было наиболее приближено к племенной территории, граничащих с атабаями геклен. Информанты-атабаи сообщали о том,что тире гаравы и бехельке отличались особой склонностью к участию в аламанах. О тире бехельке возникает слава, как о неуживчивом, конфликтном соседе, что на бытовом уровне проявилось, в частности, в возникновении ряда поговорок. Одна из них имеет оформление в виде диалога: «Есть ли у вас бехельке? — Есть. — Значит,у вас есть и ссоры».[112]

В процессе дальнейшего проживания на территории атабаев у бехельке наметилась тенденция к сближению с годжуками

(тире, входящее в подразделение джафарбай), с которыми у атабаев сложились напряженные отношения. Опасаясь возможного союза бехельке с годжуками,атабаи пытались пресечь дальнейшее развитие этих отношений. В случае своего отказа подчиниться этим требованиям бехельке могли лишиться занимаемой ими территории.[113] Таким образом тире бехельке занимало подчиненное положение новичка с дальнейшим выдвижением этой группы на роль военного заслона, т.е. ту самую роль, которую традиционно выполняла мужская молодежь в общине.

В условиях Туркмении XIX в., когда пригодные для существования земли были заняты, их вторичное освоение могло проходить в большинстве случаев лишь в форме военного захвата. В настоящее время существует две основные точки зрения относительно процесса заселения Ахала текинцами. Согласно точке зрения Таирова, это был поэтапный, запланированный и организованный завоевательный поход.[114] В настоящее время эта версия Таирова имеет своих сторонников. Так, А. Джикиев по данному вопросу сообщает следующее: «Заселяя южный Туркменистан, племенные группы из обоих подразделений текинцев занимали земли вперемежку: одно поселение отамышей, другое — тохтамышей и т.д. Такой порядок расселения помог избежать ненужных разногласий».[115] А. Оразов также говорит о том, что первоначально все имеющиеся источники и земли были разделены по жребию между двумя этими крупнейшими племенными подразделениями текинцев.[116]

В. Кениг стоял на противоположных позициях — группы, принимавшие участие в завоевании новых мест обитания, состояли, смотря по обстоятельствам, из представителей различных родовых групп, которые взяли природные богатства и поделили их между собой. Характерной чертой становится дислокация тире, представители которых расселились по многочисленным территориальным подразделениям. В Кизил-Арвате заселились, например, представители Бек, Векиль, Бахши и Сычмаз. В Кеши поселилось первоначально 84 семьи теке из тире амаша (уру Бек) и из уру Векиль, которые соединились в новое подразделение.[117]

На наш взгляд,точка зрения В. Кенига позволяет получить более точное представление о таком сложном процессе,

как расселение. Именно в такой форме и мог протекать процесс пульсации, выплескивавший из общины избыточное население.

Уже тот факт, что расселявшиеся на новых местах поселенцы являлись представителями различных тире,позволяет предполагать, что захват этот мог протекать в форме аламана. Действительно,аламан — универсальный вид набега, применявшийся в военной практике туркмен, мог стать единственно возможным инструментом, с помощью которого осуществился процесс расселения. Нами уже упоминался аламан — общественные работы, связанный с прокладкой и очисткой арыка. Возможно, в этих работах нашел отражение последний этап завоевания — раздел между всеми участниками основной добычи — воды источника,а также и непосредственно первые ирригационные работы в составе бывших соратников. В. Кениг совершенно определенно говорит о том, что воду захватывали как добычу при аламане.[118]

По сообщению нашего информанта — йомута из Куня-Ургенча,— первыми обитателями оба Сакарлык были сакары, что явствует из самого названия селения. В начале века жившие по соседству йомуты тире коули и бада захватили эту территорию Для этой цели был создан специальный военный отряд, в состав которого вошли главным образом молодые люди. От каждого тире в отряд было выделено по 10 всадников. В последующем участникам захвата были предоставлены определенные льготы при наделении водой и землей.[119]

Рецидивы подобных аламанов возникали и в более позднее время. П.Ф. Преображенский сообщает следующее и о йомутах Ташауза: «На месте кишлака Ак-Кум сидели прежде казахи и кара-калпаки... За этим скрывается тот простой факт, что во время гражданской войны йомуты... учинили избиение старого населения и уселись на место последнего. Несколько более мирный характер носит рассказ об основании кишлака Куташок. Этот кишлак основан около 10 лет тому назад. Кара огузы и куташоки сидели на плохой земле и послали ходоков на место их современного жительства. Впрочем следует отнестись с некоторым сомнением к мирному характеру этого повествования... Вряд ли им не пришлось столкнуться со старинными жителями облюбованной ими территории».[120]

Прямые параллели туркменскому аламану,совершавшемуся ради захвата территории,мы находим в традиционной военной организации народов Африки, где примечательной чертой было то, что отряд «представлял собой организм, достаточно независимый, отъединенный от мирной жизни сородичей и соплеменников. Воины отряда охраняли от набегов соседей свои стада,сами время от времени совершали набеги для угона скота... Приняв во внимание эту полуавтономность воинского отряда,нам проще будет понять,почему так легко оседали галла в Эфиопии... между набегом и "миграцией" нет глубокого принципиального различия. И то и другое осуществлялось в конце концов одними же силами».[121]

Единственно возможной формой существования разрозненных групп, в том числе военных отрядов, отрывавшихся от племенного массива, могла быть родоплеменная организация, структура которой у кочевников «характеризуется аморфностью и гибкостью, способностью к быстрой перестройке в зависимости от конкретной ситуации,инкорпорации иноплеменных групп с их последующей генеалогической ассимиляцией».[122] Туркменское общество не составляло исключения. Воинские отряды становились ядром вновь формировавшихся родовых подразделений, что находило соответствующее оформление в родовом древе.[123] По словам П.Ф. Преображенского,примером наиболее часто встречавшегося у йомутов варианта ответа на вопрос о возникновении родовой группы может служить следующее высказывание о его основателе: «Кор был храбрый джигит».[124] Еще в начале XX в. в период гражданской войны при жизни одного из лидеров басмаческих группировок в районе Ташауза Ягши-гельды хана «появилась тенденция выделять особое "тире" Ягши-гельды,что нашло свое отражение в литературе,касающейся родового состава йомутов».[125]

Г.И. Карпов приводит следующее описание одного из этапов истории племени дюеджи: «Во время похода Чингисхана и Чингизидов в составе их войск среди тюркских племен было племя, которому поручено было наблюдение за стадами верблюдов и выпас их во время остановок. В то же время это племя и получило название "Дюеджи", т.е. смотрящие за верблюдами и отвечающие за них. Позже это племя очутилось на Балханских горах,около Джебела и вошло в состав йомутского племени».[126] Можно предполагать, что

здесь мы имеем дело с процессом оформления пестрого по своему составу воинского контингента в племенную группу.

В одном из собранных Г.И. Карповым преданий этап переселения текинцев на Мангышлак освещен следующим образом: до своего переселения текинцы проживали в местности Дарган-ата, находившейся в пределах владений Бухарского эмира. Предводитель текинцев, легендарный Кеймир-Кор убил эмира,что неминуемо повлекло за собой уход туркмен на новое место обитания. «Кеймир-Кор взял с собой всех более или менее дельных туркмен и отправился в сторону Мангышлака. Безобидных же (безвинных) оставил тут в Даргана, в надежде, что пока бухарцы не тронут».[127] В дальнейшем, согласно рассказам стариков туркмен, в процессе переселения «так же, как в Даргана, оставались слабые, будучи не в состоянии следовать за передовыми текинцами, оставались и по пути следования их от Мангышлака и нынешней Туркмении».[128] По всей вероятности, первая волна переселенцев, как это явствует из характеристики,данной им в тексте,представляла собой воинские отряды,прокладывавшие дорогу для остального населения. Абульгази сообщает о странствиях части салырского племени. Предводитель части салыров Огурджик поссорился с беком племени Баяндур и бежал из Ирана, уведя с собой 900 гара ой салыров. Путь его лежал на Кавказ в Шемаху.

Затем этот предводитель направился в Крым и дальше на Яик. Но и здесь,не поладив с местным правителем Гек-Танлы, бежал на Мангышлак. В дороге Гек-Танлы настиг его и отбил 700 гара ой. С оставшимися сородичами Огурджик ушел на Балханы.[129] Точно так же можно рассматривать переселение эрсаринцев в стихотворении «Уйдем!» Сеиди.

Хей,джигиты! Народ больше не един.
Все,что наше,— при нас. С нашим и уйдем!
Кто эмиру холуй,нам не господин.
Мы у них на хребтах спляшем и уйдем!

Нас хоть грабь,хоть пинай,— мы благодари?
Иль мы вправду давно не богатыри?
Иль забыта меж нас слава эрсари?
«Разрази вас господь!» — скажем и уйдем.

Ох и беки у нас! Каждый егозит!
Лизоблюдством от всех за версту разит!

Ну и пусть нам эмир бунчуком грозит!
Будет бой — мы в бою ляжем иль уйдем!

Сеиди говорит: проклят будь Лебаб!
Глядя в рот сытым псам, наш народ ослаб!
Здесь не жизнь! Мир широк! Из эмирских лап
Мы, как сель, сто запруд вспашем и уйдем![130]

Показательно, что форма, в которой протекал процесс переселения туркменских родовых групп, соответствует аналогичному процессу у некоторых народов Африки и позволяет говорить об универсальности данного явления. Так, волна переселенцев из Лунды, состоявшая из родовых групп «с самого момента исхода являла собой воинский отряд... Иначе и невозможно представить, каким образом некая бесформенная совокупность линиджей могла преодолевать большие расстояния через земли отнюдь не мирных народов... Пробиваться в таких условиях можно было только силой оружия и питаясь за счет грабежей».[131]

Именно здесь, видимо, следует искать объяснение той особой агрессивности отдельных туркменских родовых групп, о которой существуют упоминания в литературе XIX—начала XX в.

Так, в частности, А. Вамбери практически первый исследователь, кому удалось длительное время находиться среди туркмен, пишет: «Кара небольшое, но очень дикое племя, кочует преимущественно вблизи некоторых колодцев в большой песчаной пустыне между Андкуем и Мервом. Вследствие беспощадного хищничества этого племени, все соседи ведут с ними постоянную войну».[132] П.М. Лессар, работавший в конце XIX в. в районах юго-восточной Туркмении, дал характеристику одной из сарыкских родоплеменных групп следующего содержания: «...герзеки племя, которое пользуется самой плохою репутацией, даже между сарыками, остальные племена считают их выдающимися ворами».[133]

К. Боде, касаясь вопросов военного дела у геклен, в частности, отмечал: «Воинственнейшими изо всех слывут — Янгаки, да они и находятся на пункте, наиболее подверженном нападению врага».[134] В последнем случае автор в отличие от остальных объясняет причину этой воинственности, ставя ее в

прямую зависимость от особенностей места расселения этой группы.

Наш полевой материал также позволяет продолжить перечень родовых групп туркмен, отличавшихся этой особенностью. Со слов информанта Джумаева Хаккы, проживающего в Тахта-Базарском районе Марыйской области, родовая группа сарыков — джантай — отличалась своей особой воинственностью. Охрана племенной территории являлась делом чести представителей этой родовой группы. Именно они принимали самое активное участие в защите оба от врагов, проявляя завидное воинское мастерство, и были самыми настойчивыми во время преследования противника. В тех оба, где наряду с джантаями жили представители иных родовых групп, старейшины могли обратиться к последним с просьбой выполнить за тире джантай их долю общественной работы. При этом приводился следующий аргумент — джантаи всех защищают во время нападения. По словам информанта, джигиты Сары-хана, возглавлявшего отряды по охране сарыков во время их переселения в Пендинский оазис, были в основном из тире джантай. В дальнейшем это тире ушло в район Иолотани. Информант также отметил, что воспитание детей в этой родовой группе имело ту особенность, что мальчики из этого тире раньше, чем у остальных сарыков, проходили обряд обрезания, т.е. быстрее всех приобретали статус мужчины, воина. Как образно выразился информант, джантаи оказывались в седле как только они дорастали до лошадиного хвоста.[135] При характеристике джантаев другие информанты говорили, что смелость, граничащая со вспыльчивостью, отсутствие страха смерти — качества, присущие всем представителям этого родового подразделения.[136] Один из наших собеседников, вспоминая искусного в джигитовке односельчанина, в качестве причины его высокого мастерства наездника выделил то обстоятельство, что мать этого человека происходила из тире джантай.[137]

Сообщение информантов важно дополнить тем фактом, что тире джантай входило в родовое подразделение алаша, возникшее в процессе переселения сарыков в Пендинский и Иолотанский оазисы.[138] Можно предположить, что тире джантай возникло из воинского формирования, действия которого должны были в частности обеспечить безопасное переселение

сарыков, после неудачно для них завершившегося конфликта с текинцами. Известно, что при формировании племенного ополчения (например, ак-ойли у йомутов) от каждых 10 юрт выделялся один воин, как правило молодой, физически сильный человек.[139] В дальнейшем традиции военного формирования еще достаточно отчетливо проявлялись в силу относительно недавно происходящих событий.

* * *

Продолжая разговор о переселениях, организованных в форме военного захвата, мы не можем не выйти на рассмотрение военного поселения у туркмен. Военные поселения являлись одной из древнейших форм военной организации у народов мира. С момента своего зарождения сразу же определились основные их цели, задачи и принципы существования. Так, у древних китайцев солдатам пограничных войск выделялись участки земли недалеко от Великой стены. Солдаты обзаводились семьями и хозяйством.[140] Войско египетского фараона было организовано в форме военных поселений, располагавшихся на наиболее угрожающих набегами направлениях.[141] Создание военных поселений являлось характерным приемом в стратегии правителей восточных деспотий и в более позднее время. При этом в качестве военных поселенцев использовались не регулярные военные формирования, а целые родоплеменные группы. Сельджукские государи «всячески старались использовать энергию туркмен на выгодные для династии предприятия и цели. Уже Мелик-шах отправлял отряды туркмен в пограничные районы, как для защиты, так и для активных наступательных действий против соседей. Этим решались как бы две задачи: с одной стороны, улучшалась внешняя охрана сельджукского государства, с другой — население Ирана избавлялось от неспокойных и постоянно тревожащих (в смысле грабежа) элементов».[142]

При Аббасе Великом (1587—1628) правительство переселяет с запада курдов и создает из них вдоль границы с туркменами пять особых курдских владений, которые должны были выполнить роль заслона.[143] Из 40 тысяч семей курдов, которые задумал переселить шах Аббас, желая обезопасить провинции Хорасан и Астрабад от набегов туркмен, переселить удалось лишь 15 тысяч.[144]

Переселенческая политика по отношению к туркменам была характерна и для правителей Хивы. В XVIII в. хивинский хан переселил «на южную границу с Бухарским ханством небольшую группу туркмен (некеров) с семьями для наблюдения за движением бухарских и иранских военизированных отрядов... В дальнейшем эти хивинские пограничные жители, которых называли караул, попав в подчинение Бухары, были переселены на Юго-Запад Чарджоуского бекства».[145] При этом само военное поселение, видимо, мало чем отличалось от обычного оба, так как нукеры переселялись с семьями.

В середине—конце XIX в. берег Аму-Дарьи постепенно заселялся туркменами. Это были беднейшие из туркмен, выходцы из различных родовых групп, которых бухарцы называли нан-талан, т.е. ищущие хлеба: «На левом берегу Аму, в пределах Афганистана, также расселились кишлаками туркмены... Они уже более 10 лет заселяют левый берег Аму, и число их с каждым годом увеличивается. Афганское правительство, пользуясь их воинственными наклонностями, образовало из них род военных поселян, обязанных являться вооруженными на службу... и, конечно, прежде всего защищать переправы через Аму-Дарью».[146] М.Б. Дурдыев, рассматривая институт ак-ойли у туркмен, выделяет особый его тип — постоянные пограничные отряды, которые, с точки зрения автора, существовали у текинцев Ахала в конце XIX—начале XX в.[147] В качестве примера такого поселения автор, в частности, приводит оба Янги-кала — селение, располагавшееся в опасной близости от территории Ирана. Жители этого оба должны были выполнять роль передового заслона в случае вторжения войск со стороны Ирана. Так же, после подчинения текинцами оба Дешт, там было расселено 40 хозяйств из оба Беурма, с той же целью.[148] В архиве канцелярии правителя Закаспийской области содержится показание алилинца по имени Чары Батыр о том, что «Азис сердар родом из Мервских текинцев славится как известный предводитель аламанщиков... месяцев шесть тому назад вызван он Келятским Бехбуд-ханом и для охранения от разбойников границу Келята вселился без семейства в ауле Ходжа Мамед, где, получив воду и землю с другими ахальскими и мервскими семействами числом около 20, занимается хлебопашеством».[149]

С нашей точки зрения, процесс создания военных поселений туркмен неотделим от процесса освоения новой территории, который мог осуществляться практически в единственной форме — форме аламана. Военные поселения являлись своеобразной переходной формой, которую проходил военный отряд, завоевавший территорию и осевший на ней. Первоначально отряд продолжал еще сохранять черты воинского формирования, которые проявлялись главным образом в исполнении функции обороны. Любой аламан, осев на землю, должен был первое время исполнять эту функцию практически автоматически, занимая пограничное положение. В дальнейшем, когда территория осваивалась дальше, функции пограничного отряда могли перейти следующей группе.

Не должно смущать то обстоятельство, что военные поселения по своему составу часто практически ничем не выделялись на фоне остального племенного массива. «Растворение» воинского отряда в родовой группе, помимо того, что это была единственно возможная форма существования социума, происходило быстро еще и в силу того обстоятельства, что изначально аламан не представлял по своему составу чисто военное формирование. Воины, скорее, составляли ядро отряда, вокруг которого сосредотачивались представители различных половозрастных и социальных групп, что в целом характерно для военной организации народов Средней Азии.

А.А. Росляков, например, говоря об ополчении народов Средней Азии в феодальный период, писал, что воинов «в походе обязательно сопровождают слуги, а иногда и семьи, что кочевое ополченье часто также двигалось со своими семьями и стадами».[150] В армии в 150—200 тысяч человек собственно воинов насчитывалось 30—40 тысяч.

Согласно материалам К.Л. Задыхиной, «при стратегических переселениях родовых групп эмиром объявлялось, что такие-то группы населения обязаны дать для переселения такое-то число семейств, нукеров и шагирд-пеша», т.е. «успевающих учеников» — особые части войска, подготовлявших молодых людей в разряд полноправных нукеров.[151]

В заключение приведем предание об оказании йомутами помощи жителям Нохура, записанное нами в оба Шарлоук. Оно может стать свидетельством того, что местные жители рассматривали факт нахождения в составе военного отряда

мирных жителей в качестве необходимого условия при решении чисто тактических задач. Со слов информанта, нохурли, притесненные текинцами, покинули место своего обитания и переселились в район Шарлоука. Здесь в зоне степей жители горного района не могли адаптироваться к новой среде обитания, результатом чего становятся частые болезни переселенцев. На племенном совете было решено снова вернуться на родину. Переселенцы обратились за помощью к одному из йомутских ханов. Последний согласился помочь и выделить отряд воинов в качестве сопровождающих. После того, как каждая родовая группа, проживавшая в этой местности, выделила необходимое число воинов и отряд был сформирован, один из всадников обратился к хану со следующими словами: «Хан, у тебя нет ума. Зачем ты посылаешь одних воинов, нам нечего там защищать и когда текинцы ударят сильней, мы ускачем прочь. Ты дай нам несколько наших йомутских семей, чтобы нам было кого защищать». Совет возымел действие и необходимое число семей было введено в состав отряда, который отправился в Нохур. Дальнейшие события подтвердили правильность точки зрения одного из всадников. Отбив несколько штурмов текинцев, йомуты помогли нохурли удержаться на родине и после того, как опасность миновала, отряд воинов с семьями вернулся в Шарлоук.[152]

[1] *Задыхина К.Л.* Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество. М., 1951 (Труды ИЭ. Нов. сер. Т.XIV); *Снесарев Г.П.* Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1963. Вып.7.

[2] *Попов В.А.* Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности // СЭ. 1982. № 1. С.75.

[3] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.2—6; ф.К.1, оп.2, л.1573, л.3, 8, 11, 12, 15, 64.

[4] *Задыхина К.Л.* Указ. соч. С.170.

[5] Там же. С.174.

[6] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.4—5.

[7] Там же, д.1573, л.70.

[8] *Володин А.* Трухменская степь и трухменцы // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1908. Вып.XXXVIII. С.56—57.

[9] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.4, 5.

[10] Там же, л.5.

[11] Там же,д.1641,л.37.
[12] Там же,л.78.
[13] Там же,д.1517,л.4,5.
[14] *Карпов Г.И.* Фольклорный материал. Ашхабад. С.18 (рукопись.).
[15] Чолпа // Закаспийское обозрение. 1896. № 11. С.2.
[16] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.67.
[17] Там же,д.1517,л.11.
[18] Там же,л.6.
[19] Там же.
[20] *Володин А.* Трухменская степь... С.90.
[21] *Михайлов Ф.* Положение женщины, брак и развод у текинцев Закаспийской области // Закаспийское обозрение. 1911. № 1122. С.45; *Ломакин А.* Указ. соч. С.6.
[22] *Калиновская К.П.* К проблеме возрастных систем // СЭ. 1982. № 1. С.61.
[23] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.4.
[24] *Джикиев А.* Туркмены Юго-Восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад,1961. С.141.
[25] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1642,л.31.
[26] *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. СПб.,1902. С.280.
[27] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.9.
[28] Капитан *Гиршфельд,* генерал *Галкин.* Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент,1902. Ч.2. С.176.
[29] *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и Среднеазиатских народов. Или Чингисхан и Тамерлан. СПб., 1875. С.177.
[30] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.67.
[31] Там же,д.1517,л.11.
[32] *Абаза К.К.* Указ. соч. С.290.
[33] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.28,29.
[34] Там же,л.31.
[35] Там же,л.30.
[36] *Гер-Оглы.* Туркменский героический эпос. М.,1983. С.403.
[37] Архив МАЭ РАН,ф.К.1, оп.2, д.1342; д.1517, л.7.
[38] *Алиханов-Аварский М.* Закаспийские воспеоминания 1881—1885 // Вестник Европы. СПб.,1904. № 9. С.90.
[39] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.5.
[40] *Алиханов-Аварский М.* Указ. соч. С.98; *Абаза К.К.* Указ. соч. С.280.
[41] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.7,14.
[42] *Толстов С.П.* К истории древнетюркской социальной терминологии // .Вестник древней истории. 1938. Т.1(2). С.75.
[43] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.21.
[44] *Карпов Г.И.* Борьба с басмачеством в Туркмении в период 1920—1924 гг. Ашхабад,1934. С.6 (рукопись).
[45] *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М.,1874. С.280.
[46] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1641,л.23.

[47] Травля зверей в степях у Туркманов // Московские ведомости. 1840. Т.43. С.341.
[48] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1641,л.30.
[49] Устное сообщение А.В. Курбанова.
[50] *Н.К.* (подпись под статьей). Быт, нравы, обычаи и обычное право туркмен Закаспийской области // Закаспийское обозрение. 1896. № 108. С.2.
[51] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.45.
[52] Там же,д.1517,л.7.
[53] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. СПб.,1883. С.65.
[54] Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.2. 1938. С.498.
[55] Там же.
[56] *Иванов П.П.* Архив хивинских ханов XIX в. Л.,1940. С.336.
[57] Туркмены йомудского племени // Военный сборник. СПб.,1872. Т.83. № 1. С.86.
[58] *Лессар П.М.* Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах // Известия РГО. (СПб.),1884. Вып.1. С.70.
[59] Туркмены-текинцы // Закаспийское обозрение. 1896. № 14. С.3.
[60] *Абаза К.К.* Указ. соч. С.262.
[61] Мельницкий полк. ген. штаба. Статистические данные о Закаспийской области,по сведениям,собранным в 1886 г. // Сборник географических и статистических материалов по Азии. 1888. Т.XXIX. С.122.
[62] *Маврикий.* Тактика и стратегия. СПб.,1903. С.187.
[63] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.4.
[64] Там же,д.1642,л.37.
[65] Протоколы Закаспийского кружка любителей Археологии. 1916 г. Ашхабад,1916. Вып.2. С.5.
[66] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.18.
[67] Там же,д.1641,л.5.
[68] Там же,д.1573,л.19.
[69] *Лессар П.М.* Юго-Западная Туркмения // Изв. РГО. 1885. № 21. С.45.
[70] *Абаза К.К.* Указ. соч. С.268.
[71] Россия и Туркмения в XIX веке. Ашхабад,1946. С.200.
[72] *Оразов А.* О земледельческих традициях в долине Сумбара и Чандыра в конце XIX—начале XX в. // Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. Ашхабад,1973. С.9.
[73] *Маслов А.Н.* Указ. соч. С.380; *А.С.* (подпись под статьей). Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885) // Туркестанские ведомости. 1909. № 99. С.422; *Карпов Г.И.* Аламаны // Туркменоведение. 1931. № 6. С.29; Копия с записки главнокомандующего Кавказской армией // Россия и Туркмения в XIX в. Ашхабад, 1946. С.103.
[74] *Овезов Д.М.* Население Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад,1976. С.38.

[75] *Снесарев Г.П.* Указ. соч. С.179.

[76] *Джикиев А.* Традиционные туркменские праздники,развлечения и игры. Ашхабад,1983. С.77—78.

[77] *Бларамберг И.Ф.* Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана // Записки РГО. (СПб.),1850. С.64.

[78] *Абаза К.К.* Указ. соч. С.296.

[79] *Толстов С.П.* Указ. соч. С.75.

[80] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1341, л.19; д.1573, л.3,32.

[81] Там же,д.1642,л.24—25.

[82] ЦГА ТССР,ф.И-1,оп.2,д.8318,л.56.

[83] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1641,л.47.

[84] Там же,д.1573,л.30.

[85] Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. // «Красный архив». М.,1939. Т.2. С.211.

[86] *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. Т.3. С.161.

[87] *Лукиан Самосатский.* Токарис / 29,49.

[88] *Ломакин А.* Обычное право туркмен. Ашхабад,1897. С.30.

[89] *Язлыев Ч.* Санашиковая (общинная) форма землеводопользования и ее особенности у туркмен (XIX—начало XX в.) // Социально-экономические проблемы Туркменистана в конце XIX—начале XX в. Ашхабад,1985. С.63.

[90] *Konig W.* Die Achal-Teke. Berlin,1962. S.127.

[91] *Makrow G.* Tyrkmenen der Oaze von Bacharen // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Berlin,1973. Bd 29. S.142.

[92] *Konig W.* Op. cit. S.127.

[93] *Боде К.* О туркменских поколениях Ямудах и Гокланах // Записки РГО. (СПб.). 1847. Кн.2. С.229.

[94] *Konig W.* Op. cit. S.75.

[95] *Попов В.А.* Ашантийцы в XIX в. М.,1982. С.135.

[96] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.64.

[97] *Мисюгин В.М., Чернецов С.В.* «История галла» как этноисторический источник // ТИЭ. Африкана. Африканский этнографический сборник. 1978. Т.XI. С.171.

[98] *Konig W.* Op. cit. S.19.

[99] *Туманович О.* Туркменистан и туркмены // Материалы к изучению истории и этнографии. Асхабад;Полторацк,1926. С.85.

[100] *Яызлыев Ч.* История и хозяйственное развитие населения среднего Мургаба (XIX—начало XX в.). Ашхабад,1985. С.11.

[101] *Гиренко Н.М.* Тенденции этнического развития Уньямвези XIX в. // Этническая история Африки. М.,1977. С.84.

[102] Там же. С.84—85.

[103] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. С.38.

[104] *Бабаджанов Р.* К вопросу расселения туркмен Тедженского оазиса в конце XIX—начале XX в. // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX—начала XX в. Ашхабад,1982. С.20.

[105] ЦГА ТССР,ф.И-1,оп.2,д.8318,л.194.

[106] Там же,л.203.

[107] Там же,л.207.

[108] *Язлыев Ч.* История... С.11—12.

[109] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.21.

[110] *Гиренко Н.М.* Некоторые замечания в связи с проблемой половозрастной стратификации // СЭ. 1981. № 6. С.108.

[111] *Карпов Г.И.* О гостеприимстве у туркмен. Ашхабад, 1939. С.2. (рукопись).

[112] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.40.

[113] Там же,л.56.

[114] *Таиров Я.* Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области. СПб.,1904. Т.1—2. С.207,227.

[115] *Джикиев А.,Мамедиев Я.* Расселение закаспийских туркмен в конце XIX—начале XX в. // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX—начала XX в. Ашхабад,1982. С.38.

[116] *Оразов А.* Этнографические очерки хозяйства туркмен Ахала в XIX—начале XX в. Ашхабад,1985. С.7.

[117] *Konig W.* Op. cit. S.118.

[118] Ibid. S.130.

[119] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1641,л.22.

[120] *Преображенский П.Ф.* Разложение родового строя у туркмен-йомудов // Этнография. (М.;Л.),1930. № 4. С,12.

[121] *Томановская О.С.* Проблема происхождения яка-жага // Труды ИЭ. Африкана. Африканский этнографический сб. Л.,1984. Т.XIV. С.73.

[122] *Хазанов А.М.* Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. М.,1973. С.9.

[123] *Konig W.* Op. cit. S.63.

[124] *Преображенский П.Ф.* Указ. соч. С,18.

[125] Там же. С.18.

[126] *Карпов Г.И.* Йомуды // Туркменоведение. 1930. № 7—9. С.69.

[127] *Карпов Г.И.* Рассказы стариков текинцев об истории своего племени. Ашхабад,1939. С.6. (рукопись).

[128] Там же. С.18.

[129] *Абуль-гази-Бахадур-хан.* Родословная туркмен. Асхабад, 1897. С.62,64.

[130] *Сеиди.* Зелили. Л.,1984. С.68—69.

[131] *Томановская О.С.* Указ. соч. С.84.

[132] *Вамбери А.* Путешествие... С.265.

[133] *Лессар П.М.* Юго-западная Туркмения // Известия РГО. 1885. Т.21. С.19.

[134] *Боде К.* Указ. соч. С.217.

[135] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.12.

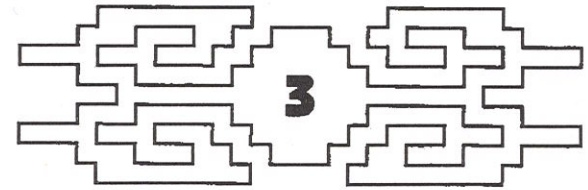
[136] Там же,л.14,19.

[137] Там же,л.17.

[138] *Язлыев Ч.* История... С.15.

[139] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1341,л.19.

[140] *Разин Е.А.* История военного искусства. М.,1955. С,107.
[141] Там же.
[142] Очерки из истории туркменского народа... С.122.
[143] *Массон В.М.* Силуэты Сумбарского района // Туркменоведение. 1931. № 3—4. С.55.
[144] *Карпов Г.И.* Аламаны // Туркменоведение. 1931. № 6. С.29.
[145] *Винников Я.Р.* Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М.,1969. С.34.
[146] Очерки Гиссарского края // Туркменские ведомости. 1876. № 4. С.14.
[147] *Дурдыев М.Б.* Пограничные и военные отряды туркмен южного Туркменистана в конце XIX—начале XX в. (ак-ойли) // Известия АН Туркм. ССР. 1970. Вып.3. С.49.
[148] Там же.
[149] ЦГВИА,ф.400,оп.1,д.850,л.30.
[150] *Росляков А.А.* Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI—XV веках // Ученые записки Туркм. гос. университета. Ашхабад,1962. С.217.
[151] *Вяткин В.Л.* Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов // Известия Среднеазиатского отдела Гос. РГО. 1928. С.22,24.
[152] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.26.

НАБЕГ В КОНТЕКСТЕ ОБЫЧНО-ПРАВОВЫХ НОРМ И НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

До конца XIX в. в Туркмении не завершился процесс формирования ханской (племенной) власти. Не были созданы надродовые структуры власти и управления. В частности, не существовало института, аналогичного казахскому суду биев, решения которого признавали обязательными к исполнению враждующими сторонами. Не существовало также и общеплеменных, постоянно действующих военных формирований при верховном правителе с функцией охраны племенной территории и исполнением полицейских функций. В этой ситуации отдельные родовые общины, руководствуясь обычным правом, самостоятельно решали вопрос о степени своей и чужой ответственности, определяли меру наказания и осуществляли его проведение.

Набег оставался тем инструментом, с помощью которого туркменская община имела возможность поддерживать правовое равновесие. Как известно, туркмены разделяли совершаемые ими набеги на разрешенные и запрещенные адатом. Но в этнографической литературе практически полностью отсутствуют сведения о том, что среди местного населения существовала дальнейшая дифференциация разрешенных адатом набегов. В качестве исключения можно привести следующее замечание Карашхан оглы Йомудского: «Набеги (аламаны), сопровождающиеся захватом добычи, и распределение добычи строго регламентированы обычаем, добыча, захваченная таким путем, в зависимости от соблюдения или нарушения при этом

установленных обычаем норм,разделяется на "разрешенную" и "запрещенную"».[1]

К сожалению, автор, большой знаток быта туркмен, не дает дальнейших разъяснений, позволяющих составить представление о возможном разнообразии типов набегов, объединенных под общим названием «аламан». Действительно, термин этот имеет практически универсальное значение, и, хотя наряду с аламаном в Туркмении существовали некоторые другие названия для набега, употреблялись они значительно реже и, как правило, в качестве синонимов основного определения.[2] Тем не менее, определенные отличия обнаружить можно. Речь в дальнейшем пойдет о термине чапаул и набеге с этим названием. Некоторые из наших информантов придерживались той точки зрения, что аламан нельзя идентифицировать с чапаулом, так как последний по своей специфике практически ничем не отличался от калтамана.[3] Здесь важно то, что среди местного населения, или по крайней мере определенной его части, сохранилось представление о неоднородности этих набегов.

О различии чапаула и аламана упоминал А.А. Росляков, правда, с его точки зрения,отличие это сводилось исключительно к их местному употреблению: на севере (в Хорезме) было распространено название чапаул,а аламан — слово, характерное для остальной части территории Туркмении.[4] Статья Рослякова построена, главным образом, на материале хроник хивинского историографа Агехи, и здесь следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Термин чапаул используется Агехи в тех случаях, когда речь идет о набегах, совершаемых отрядами хивинского хана. Для официозного историографа эти военные операции не могли являться ничем иным, как справедливым возмездием Хивы за грабительские набеги туркменских аламанщиков. И именно в этом контексте звучат фрагменты,приводимые из сообщений Агехи: «К утру Шахзаде достиг крепости Казган и приказал направить сарыков и караханлы в чапаул на окрестности с тем, чтобы они подвергли разграблению племена нечестивых неверных».[5] И следующее: «Назначенные военачальники приготовились к походу в чапаул и во всеоружии выступили на поле битвы против неверных».[6] Особый интерес в данной связи представляют следующие слова А.Н. Самойловича: «Персидское правительство, как

центральное, так и окраинное, снаряжало от поры до времени карательные (разрядка наша. — *Ю.Б.*) экспедиции (чапаул)».[7] У сарыков нами была получена информация, согласно которой чапаулом назывался набег, совершавшийся по праву мести.[8] Подобная оценка чапаула как набега-возмездия зафиксирована также и у геклен.[9]

Таким образом, несмотря на то, что в литературе и в сообщениях части информантов термины чапаул и аламан рассматриваются часто как однопорядковые, вышеизложенные замечания позволяют нам в дальнейшем использовать понятие чапаул для дальнейшей характеристики набегов, совершаемых в качестве мести.

Видный философ XX столетия Э. Фром, ставший реформатором психоанализа, говоря о проблеме мести, в частности, отмечал: «При мстительном насилии... ущерб уже нанесен, так что применение силы не является больше функцией защиты. Оно имеет иррациональную функцию магическим образом снова сделать как бы несовершившимся то, что реально свершилось».[10] Следует отметить, что из всех набегов, совершаемых туркменами, именно чапаул в наибольшей степени соприкасался с обрядовой сферой. В представлении туркмен проведение чапаула восстанавливало утраченную ритуальную чистоту, о чем свидетельствует следующий фрагмент из описания истории расселения племени алили: «Люди говорили: "Все богатство Овез-Кули-сардара состоит из награбленного, из слез наших сирот, поэтому оно "харам" — поганое, но после того, как наши люди, по обычаю, трижды ограбят Овез-Кули-сардара, все его имущество очистится от харам,и мы,конечно,пойдем к Овез-Кули-сардару на обед,узнав или просто догадываясь о причине отсутствия на обедах у него ала-элинцев, разрешил им трижды ограбить себя, вторично устроил "ходай-олы" и вторично пригласил наших людей».[11]

Пожалуй, наиболее тесно соприкасается с чапаулом обычай кровной мести, осуществление которой отличалось своей регламентированностью. В частности, можно сразу отметить, что при кровной мести часто использовался нож-джоухер,обладавший,по представлениям туркмен,магическими свойствами. Джоухер, изготовленный из дамаскированной стали, считался оберегом и использовался для защиты от демонологического персонажа ал-арвах. «Человек, увидевший ал-

арвах, направлял на него острие ножа-джоухера. Считалось, что лезвие при этом удлинялось и ал-арвах исчезал. Именно верой в способность лезвия джоухера невидимо удлиняться объяснялся запрет направлять нож на человека, а также передавать его лезвием вперед».[12]

А.Н. Самойлович отмечал, что кроме стремления к славе и наживе одной из причин вооруженных нападений туркмен на персов «в связи с ответными карательными экспедициями последних являлось иногда мщение: обычай кровной родовой мести свято чтится и до сих пор туркменами».[13] П.Ф. Преображенский, описавший обычай кровной мести у йомутов Хорезма, сохранявшийся здесь в 20-х годах XX в. как бытовая норма, в частности, отмечал, что старики «с негодованием отвергали мысль о возможности выкупа за убийство... Если при кровомщении произойдет столкновение между двумя группами родовичей и результатом будет лишняя смерть... то это будет поводом для нового кровомщения».[14] Тем не менее, П.Ф. Преображенский отмечал все-таки некоторые, с его точки зрения, слабые следы исчезновения обычая кровной мести, что проявлялось «прежде всего в количестве кровомстителей. Здесь имеются своеобразные пределы: максимальный — все тире целиком, причем иногда субъектом мщения было крупное тире и в таком случае собиралось до 300—400 человек кровомстителей, и минимальный — братья убитого, но в этом последнем случае род помогал снаряжением».[15] Но не только угасанием обычая кровной мести можно объяснить столь различное количество участников. Очевидно, само осуществление мести было в немалой степени сопряжено с такими обстоятельствами, как отдаленность проживания кровника или принадлежность его к враждебному роду. В последнем случае успешное выполнение обычая кровной мести как военной операции требовало серьезной подготовки. Когда же враг находился в пределах досягаемости, месть могла осуществляться ближайшими родственниками. Но не только сложность досягаемости кровника являлась причиной снаряжения отряда мстителей. Кровная месть не ограничивалась лишь физическим уничтожением врага, а включала в себя также вооруженное нападение с последующим разграблением. В литературе начала XX в. можно встретиться с точкой зрения, согласно которой вообще на «народы и

племена, исповедующие сунитский толк: киргиз, хивинцев и других, туркмены нападали только в отместку за убийство или угон скота и никогда не брали у них пленников и не продавали в рабство».[16] А. Ломакин писал, что среди туркмен «обыкновенный грабеж встречался сравнительно редко и бывал в большинстве случаев результатом мести».[17] И здесь можно вспомнить точку зрения части наших информантов, приведенную выше, что между чапаулом и калтаманом не существует различия.

В туркменском героическом эпосе Гер-оглы сюжеты, связанные с местью, занимают одно из центральных мест. Развитие этой темы начинается тогда, когда к главному герою обращается с упреком брат его отца: «Хункар-падишах дядю твоего убил, деду твоему глаза выколол. А ты не мстишь ему!»[18] Гер-оглы обращается к своей дружине с призывом выступить в поход и отомстить своим врагам, но, набранная из случайных людей, она оставляет его одного.[19] Некоторое время спустя герой приобретает верных сподвижников, с которыми и совершает набег. «Подъехали к пределам страны Хункара и учинили разбой. Юноши стали добычей, девушки пленницами стали. Возвращались они лесом. Уж коли повезет добру молодцу, неужто добыча будет лишней: оказывается, сын Хункара со своими сорока вельможами выехал в это время поохотиться на фазанов. Напали и на него. Били, опрокидывали, кололи и валили, давили и убивали. За дядю своего, за ослепление деда отомстил и нескольких шиитов умертвил».[20] Сразу же отметим, что в тексте оригинала разбой, учиненный Гер-оглы на территории страны Хункара, именуется чапаулом.[21] Из приведенного выше фрагмента можно получить следующую информацию. Первоначальный состав дружины не пожелал принять участие в опасном предприятии, так как единственной заинтересованной стороной был Гер-оглы, который мстил за своих родственников, сам же поход не сулил добычи его участникам. Олджа не являлась здесь самоцелью. В описании чапаула обращает на себя внимание следующее обстоятельство: Гер-оглы уже возвращался со своим отрядом с набега, когда он случайно столкнулся с сыном Хункара. В итоге месть распадается на два самостоятельных этапа — чапаул с разграблением врага и пленением его подданных и собственно исполнение акта кровной мести с убийством сына

Хункара. И первый и второй этапы мести представлены как широкомасштабные акции с захватом большой добычи и истреблением большого числа людей. Ответный удар Гер-оглы продиктован действиями врага, отличающимися особой коварностью и жестокостью, так как смерть дяди и ослепление деда это плата за их верную службу Хункару. поэтому действия Гер-оглы есть своеобразная компенсация за жертвы, понесенные его родственниками.

Описание чапаула, который предпринял со своими соратниками Гер-оглы, совпадает в своей основе с характеристикой набега, полученной нами от информанта-сарыка. «Если у меня убили брата, то я собираю людей и совершаю набег. Люди из другого тире не пойдут, только свои. Этот набег ради мести ар-алмак. Разрешение на него спрашивается у аксакалов. Мстители сначала убьют, а спустя некоторое время нападут и возьмут олджу. Захват олджи также месть. Олджа делится поровну между участниками».[22] Согласно информации, полученной среди йомутов, набег на почве мести совершался родственниками и друзьями погибшего или потерпевшего.[23]

Г.И. Карпов, анализируя ситуацию, сложившуюся в Туркмении в период 1920—1924 гг., отмечал, что из всех 46 официально зафиксированных к этому времени воинских формирований, или, как пишет автор, бандашаек, только 3 имели отношение к вооруженной политической борьбе. К числу наиболее типичных Г.И. Карпов относит следующий вариант набега, совершенного «в том же уезде (Тедженском. — *Ю.Б.*) Саллах-баем (март 1924 г.), с целью отомстить белуджскому хану за то, что последний со своими белуджами принял участие в ликвидации шайки Чары родственников Саллах-бая».[24]

К числу наиболее интересной информации о чапаулах относится сообщение об истории конфликта между туркменами саятами и эрсари, имевшего место в Карабекауле в период гражданской войны. Задолго до развития основных событий, о которых пойдет речь, отряд эрсаринцев родового подразделения кара совершил набег на территорию туркмен-саятов (соседнего с эрсаринцами племени). В ходе столкновения погибло, по словам информанта, 10 человек из племени саят. Организатором этого набега саяты считали влиятельного эрсаринского бая, занимавшего должность таксобая и являвшегося наместником Бухарского эмира в Карабекауле. Один из саятских старейшин

Есен Керки-бай предлагает своему соплеменнику Бешим-сердару убить таксобая, стоявшего якобы во главе организации набега эрсаринцев. В качестве награды за осуществление этой мести Есен Керки-бай обещает Бешим-сердару отдать за него в жены свою дочь. Бешим-сердару удалось путем обмана уговорить таксобая выехать за пределы своего оба. Последний, уверенный в том, что его действительно вызвали к посланнику эмира, в сопровождении одного из своих сыновей выезжает в путь без охраны, полностью доверяя приехавшим за ним людям. Отъехав за оба Бешим-сердар убивает таксобая и его сына. В дальнейшем могила таксобая становится могилой шехида — безвинно убитого человека — и пользуется большим почитанием среди эрсаринцев. Оставшийся в живых второй сын таксобая покидает оба и уезжает в Афганистан. Здесь, постоянно ощущая на себе давление общественного мнения, он готовит набег, который и осуществляет на оба Есен-Керки-бая и Бешим-сердара, мстя за смерть отца и брата. Во время этого набега сын таксобая убивает Есен Керки-бая, в то время как второму его врагу удалось спастись.[25]

По замечанию одного из наших информантов, этот набег отличался особой жестокостью.[26] Если обычно, чтобы считать себя отомщенными, противники «обменивались» убитыми,[27] то в этот раз насилие приняло крайние формы и было ответом на действия саятов, избравших предательство в качестве средства достижения своей цели и убивших (по представлениям эрсаринцев) невинного человека, пользовавшегося в Карабекауле огромным уважением. Лишним подтверждением неординарности ситуации являются последующие действия мстителя. Убив своего врага и разграбив его оба, предводитель чапаула приглашает шахыра, который на базаре в Ламбе (территория проживания эрсаринцев) выступает при стечении большого количества народа, исполняя созданные им песни о коварстве саятов, убивших невинного человека.[28] Мнение шахыра, выраженное в поэтической форме, с большим эмоциональным зарядом имело большое влияние на присутствующих. Известно, что шахыр мог исполнять свои тексты на маслахатах, когда требовалось принять решение по важнейшим вопросам в жизни общины. Показательно также, что текино-сарыкская война за Мерв нашла отражение в песнях сарыкского поэта Гарра и текинского Диван-шахыра, которыми обменялись

враждующие стороны.[29] Сын таксобая, пригласивший шахыра, закрепил с его помощью нанесенный им ранее удар, окончательно сформировав благоприятное для себя и своей общины общественное мнение. Следует отметить, что здесь представлена версия событий в изложении эрсаринских информантов, очевидно, что представители племени саят иначе бы расставили акценты при описании этого конфликта. Возможно, что 10 человек, которых они потеряли во время набега эрсаринцев, являлись бы веской причиной, позволяющей им использовать запрещенные формы борьбы.

Проведение чапаула было не только ответной реакцией общины на убийство одного из своих членов. Очень часто причиной карательной акции становилось оскорбление, которому подвергался род или его отдельные представители. Примером, на котором можно проследить механизм включения родовой группы в подобные конфликты, может стать история одного из многочисленных противостояний среди ахальских текинцев, имевшая место в конце прошлого века.

Отряд, возглавляемый представителем тире Даш-аяк, ограбил караван, идущий в Хиву. В числе пострадавших оказался представитель племенного подразделения Бек, который и обратился за помощью к своим родовым аксакалам. Руководитель набега дважды отказал делегации, посланной со стороны тире Бек, вернуть похищенное имущество. После этого аксакал подразделения Бек «приказывает собраться по несколько всадников и в то же время вызывает всех аксакалов рода, ишанов и мулл. И тогда на совете аксакалов и на собрании всадников Ораз-Мамед крикнул, обратившись к собранию: «Нет ли добровольцев, которые бы отомстили и наладили дело». Вызвавшийся возглавить карательную акцию человек с отрядом, включавшим в себя представителей всех родов подразделения Бек, направился в стан похитителя. Мстителям не пришлось прибегать к силе, так как в последний момент предводитель набега вернул похищенное.[30]

Условия, касающиеся чести родовой группы, соблюдались очень строго и, казалось бы, незначительный частный случай здесь мог повлечь за собой серьезные последствия. Так, по словам нашего информанта эрсаринца, полтора века назад между племенными подразделениями эрсаринцев ерлы и сарлы произошел вооруженный конфликт, протекавший в

форме серии ответных нападений. Начало конфликту положила ссора представителей тире сарлы и ерлы, один из которых был избит на базаре другим, требуя возвращения долга. Сарлы собрали отряд и, мстя за оскорбление, напали на ерлы, нанеся им ощутимый материальный ущерб. В итоге конфликт принимал все больший размах и стал выходить из-под контроля. И только совместное усилие влиятельных аксакалов обоих родовых подразделений позволило остановить враждебные действия между сторонами, не знавшими до этого между собой вражды.[31]

Солидную часть всей совокупности чапаулов, проводившихся на почве оскорбления чести рода или отдельных его представителей, составляют набеги, спровоцированные враждебными действиями, направленными против женщин. Совершенно не случайно у туркмен бытовала поговорка: «Пусть у хорошего иигита не будет сестры, а если будет, да не омрачится его лицо».[32] Похищение из семьи девушки ложилось пятном позора на всех ее родных по мужской линии. Особенно сильно, по словам информанта, это компрометировало брата похищенной. Молодой человек обязан был отомстить и тем самым восстановить свою репутацию. Неотомстивший человек рисковал получить позорное прозвище, например, бинамыс (бесчестный),[33] после чего его жизнь в общине становилась практически невозможной. Желающий отомстить должен был воспользоваться для этого любой возможностью. Так, в акойли йомутов находился один текинец, вступивший в отряд исключительно ради того, чтобы отомстить за убитого казахами брата,[34] хотя традиционно отношения между йомутами и текинцами были достаточно натянутыми, а часто откровенно враждебными. Информант, в частности, сообщал, что в случаях, когда речь шла о мести, в состав аламана могли включить несовершеннолетнего, который по возрасту не смог бы стать его участником в обычной ситуации.[35]

Вновь обращаясь к эпосу Гер-оглы, обратим внимание на события, когда главный герой еще раз столкнулся с обвинением в свой адрес. На этот раз его упрекали в том, что он, достигнув совершеннолетия и имея дружину, до сих пор не отомстил Арабу, похитившему его тетку. Гер-оглы соглашается с обвинением и сообщает дружине о предстоящем походе. История повторяется, и на этот раз уже верных соратников Гер-

оглы страшит перспектива встречи с опасным противником. Они просят ближайшего помощника их предводителя — Косе уговорить Гер-оглы ехать одному. Поход уже начался, но хитроумный Косе выдвигает серьезный аргумент против варианта участия в нем дружины. Он напоминает, что Араб в свое время похищал свою будущую жену самостоятельно, и что при этих обстоятельствах ответный набег многочисленного отряда навлечет позор на имя Гер-оглы. Герой сразу принимает доводы Косе и продолжает набег уже самостоятельно.[36]

Достигнув цели своего пути, Гер-оглы собирается увезти свою тетку, но последняя советует вместо себя похитить дочь Араба, и таким образом сделать ответное нападение равноценным первому — за молодую женщину будет увезена ее сверстница. Гер-оглы так и поступает, увозя девушку, и вместе с ней золотую чашу, в которой дочь Араба вынесла ему воды. Именно так увез в свое время Араб его тетку и золотую чашу его отца.[37]

Тема о равноценном обмене повторяется в предании о трех сыновьях Теке — прародителях текинского и сарыкского племен. Родоначальники двух основных ветвей текинского племени Утамыш и Тохтамыш вместе с братом Ялкамышем (Сарыком) направляются в Хиву, где находится их сестра, похищенная в пору их отрочества и ставшая женой хана. При встрече с братьями сестра говорит им следующее: «Вот, что я вам посоветую: у хана есть одна дочь (от другой жены) я ее отдам вам, вы увезите ее, и кто-нибудь из вас пусть на ней женится и месть с вашей стороны будет выполнена».[38]

Сюжеты вышеприведенных текстов практически совпадают. Герои осознают меру своей ответственности, они мстят, но, как в первом, так и во втором случае, лишь восстанавливают нанесенный им ущерб. Не предпринимаются никакие штрафные санкции. Гер-оглы, так же, как и сыновья Теке, скрупулезно повторяют в полном объеме нанесенное ему оскорбление. Причина столь мягких форм мщения могла быть связана, во-первых, с тем обстоятельством, что героев эпоса уже длительное время связывали родственные отношения с их врагами, во-вторых, это также могла быть сила врага, способного выйти победителем в затянувшемся конфликте, но, скорее всего, кража невесты при всей своей болезненности для потерпевшей стороны являлась институализированной формой разрешения

конфликта. Кроме того, как в первом, так и во втором случае, имелись смягчающие вину обстоятельства: в похищении сестры трех братьев сам хан не принимал участия, а Араб похитил женщину, ранее уже являвшуюся его невестой и отбитую у него отцом Гер-оглы. В дальнейшем, благодаря взвешенным действиям героев эпоса, вражда прекращается.

Совсем иначе развиваются события в том же эпосе Гер-оглы, когда главный герой хитростью похищает у шаха Леке его дочь. Шах, считающий себя жестоко оскорбленным со стороны Гер-оглы, призывает Араба-Рейхана, отправляет его в карательную экспедицию. В своей песне Рейхан определяет ту программу действий, которые ждут Гер-оглы в качестве возмездия, и где женщине, как атрибуту мести, отводится значительная роль:

Свалю его, выпущу ему кровь!
Захвачу девушек их и молодух.
Его Овез-джана, сына мясника,
Стремянным твоим сделаю я.

Отдам повеление я Зульфикару,
Опозорен будет суннит,
Из людских голов минарет возвигну,
Головы отсеку, кровь пролью я.

Пир его в поминки обращу,
Суннита заставлю о пощаде молить.
С любимой пери его
Сердце свое повеселю я.

Имя мое Араб-Рейхан.
Глотку ему (перегрызу), кровь изопью!
Чандыбиль я сравняю с землей![39]

Все рассмотренные нами сюжеты касались главным образом той ситуации, когда потерпевшей стороной становилась в первую очередь семья, из которой была похищена невеста или иным образом была подвергнута оскорблению женщина. Безусловно, как уже отмечалось, оскорбление, наносимое отдельному представителю рода опосредованно обращалось против всех. Но оскорбление могло быть нанесено непосредственно всей родовой группе, и тогда отмщение становилось ее первоочередной задачей. В одном

из многочисленных преданий о Кеймер-Коре, легендарном предводителе текинского племени, говорится, что «однажды эмир бухарский вызвал к себе Кеймер-Кора и сказал: "Эй, Кор-теке, у меня порядок таков, с каждого народа, которому я дал землю и принял под свою власть, беру одну девушку, так что теперь ты тоже должен привести мне одну девушку!" Кеймер вернулся, собрал совет из аксакалов-туркмен, и тут решили дать эмиру дочь одного бедняка... Однажды Бухарский эмир собрал совет из всех возглавлявших аксакалов и во время разговора, глядя в глаза всем, сказал: "Послушайте, аксакалы, как вам известно, я взял по одной девушке с каждого из вас, но для меня самой приятной (в половом отношении) оказалась девушка этого Кор-теке". Кор-теке ничего не ответил на эти слова эмира, только сидел, опустив голову вниз, ковыряясь пальцем в земле».[40] Сразу после этого предводитель текинцев возвращается к своим соплеменникам и с небольшим отрядом вновь посещает эмира, которого и убивает в собственном дворце. Захватив с собой заложника-министра,Кор выменивает его на девушку-туркменку и с частью своего племени покидает Даргана — место обитания текинцев.[41]

С именем Кеймер-Кора связано также следующее предание, рассказанное Г.И. Карпову одним из жителей оба Кипчак. Предводитель войска иранского шаха в союзе с йомутами разбил около Бами текинцев, возглавляемых Кеймер-Кором, и устроили по этому поводу той, пригласив на него своего противника. Во время тоя Йомуд-хан, как называет его информант Г.И. Карпова, желая унизить текинца, обращается к своему союзнику со словами, в которых напоминает, что победа принесла им богатую добычу и в том числе много текинских девушек. При этих словах, не говоря ни слова, Кеймер садится на свой тельпек. Непонимающему этого жеста Йомуд-хану хозяин тоя объясняет,что таким образом Кеймер-Кор клянется отомстить ему. Вскоре после этого Йомуд-хан собирается выдать свою дочь замуж, но накануне свадьбы ее похищает отряд текинцев во главе с Кеймер-Кором. Уничтожив отряд преследователей,текинцы благополучно возвращаются в места своего обитания.[42]

Иная версия данного сюжета была предложена нам в поле. Здесь текинский чабан становится свидетелем похищения казахами текинских девушек. При этом пастух выслушивает

глумливую речь предводителя отряда. Чабан отправляется на поиски Кеймер-Кора, который незамедлительно совершает набег на казахов. Во время ответного нападения похищаются казахские девушки, причем в число пленниц попадает дочь самого казахского предводителя.[43]

Классической версией этого сюжета является предание о завоевании текинцами Ахала. Согласно легенде,непосредственно перед обоснованием в этом оазисе текинцам стало известно,что на них готовится нападение объединенных сил проживающих в Ахале туркменских племен. Текинский сердар собирает лучших воинов и наносит упреждающий удар — накануне свадьбы его отряд похищает невесту,дочь одного из влиятельных ахальских ханов. Именно сразу после этой свадьбы и предполагалось напасть на текинские кочевья.[44] При рассмотрении всех вышеизложенных сюжетов можно сделать предположение об определенной знаковой функции, выполняемой женщиной в системе общественно-политических отношений в туркменском традиционном обществе. Во-первых оскорбление женщины являлось наиболее верным и сильным средством дискредитации своего противника. Этим приемом могла воспользоваться сторона, считающая себя заведомо сильнее и желающая резко понизить статус противника. В этом случае реакция потерпевшей стороны должна была последовать незамедлительно, иначе баланс сил окончательно сдвигался в сторону нападавших. Во-вторых, нанесение оскорбления подобным образом могло стать штрафной санкцией по отношению к противнику, действия которого выходили за рамки, регламентированные обычным правом. Именно так и развиваются события при захвате текинцами Ахала. Подготавливаемое .туркменами Ахала нападение на текинцев ставило их вне закона. Таким образом дальнейший захват территории оазиса с точки зрения обычного права есть акт справедливого возмездия со стороны теке.

Чапаул был приемом, широко использовавшимся в политических отношениях между туркменскими племенами (родовыми группами). Практически любой совершавшийся набег рассматривался или выдавался его участниками в качестве чапаула. У нас есть еще один пример, когда захват территории имел серьезную идеологическую подготовку и рассматривался как справедливый акт возмездия.

В XIX в. объединенные силы ахальских и мервских текинцев оттеснили из Мерва сарыков, ранее здесь проживавших, в районы Пендинского и Иолотанского оазисов. Подобная акция должна была найти свое объяснение в силу того, что племена теке и сарыки, как уже отмечалось, находятся в кровном родстве. Поэтому и причина, побудившая к захвату территории, не могла быть ординарной. У текинцев Теджена, переселившихся в район Кушки, нами была получена следующая версия этих событий. Текинцы и сарыки как братья жили в Мары. Текинцы доверили своим братьям делать обрезание у своих мальчиков, но вместо крайней плоти коварные сарыкские сунетчи отрезали все пенисы целиком. Мервские текинцы обратились за помощью к текинцам Ахала и совместными усилиями прогнали сарыков. При этом сарыков целенаправленно оттеснили в район Тахта-Базара, а не в Теджен, где не хватило бы воды всему сарыкскому племени и род бы их пресекся. Так и предлагалось сделать предводителю текинцев, но последний решил не истреблять сарыков, хотя мог бы это сделать.[45] Разумеется, не все захваты территории оформлялись таким образом, но безусловно можно говорить о подобной тенденции.

Говоря о традиционной политической культуре туркмен, нельзя не сказать, что чапаул занимал особое место, как средство давления, использовавшееся на различных общественных уровнях. Во время экспедиции генерала Ломакина, геклены оказывали ему помощь в доставке его отряду провианта, фуража, а также являясь проводниками и верховыми посыльными. «После отступления генерала Ломакина, туркмены-текинцы с целью мести напали на Кара-Кала, но там никого не застали, так как геклены, ожидая этого нападения, успели бежать на (реку) Гюрген, откуда вернулись только после покорения Ахала».[46] Все те же «текинцы объявили джафарбаям, что немедленно нападут и разграбят их аулы, если они надумают прикочевать в район расположения русского отряда».[47] Уже после присоединения Туркмении к России в своем рапорте хорунжий Захаров сообщает Чикишлярскому воинскому начальнику следующее: «...персидские туркмены из племени Кучук и Салах... переправились через Атрек, напали на Ходжа-Кор, отбили 19 лошадей и возвратились обратно за Атрек». Делегация туркмен, отправившаяся договариваться о возвращении назад

похищенного, получила следующий ответ: «...будем грабить за то, что приняли русское подданство, будем грабить и всех других, кто принял русское подданство».[48]

Один из наших информантов сообщил, что в 20-х годах у одного из местных жителей сарыков, проживающих в районе Тахта-Базара, афганские пограничники отобрали коня. Не имея возможности лично повлиять на ситуацию, туркмен обратился к влиятельному сарыкскому аксакалу одной из родовых групп сарыков, проживающих на территории этой страны. Связавшись с пограничниками, аксакал предложил им вернуть коня владельцу и предупредил о репрессивных мерах, которые могли быть применены в случае их отказа. Угроза сразу же возымела действие и к жестким мерам прибегать не пришлось.[49]

Не только иноплеменники или представители других народов могли стать жертвой репрессий. Так, на знаменитого в XIX в. в Ахале предводителя аламанов Тыкма-Сердара пало подозрение в его недостаточно патриотичной позиции в период прихода в оазис русских. «При первом наступлении русских на Геок-тепе Беурминцы во главе с Тыкма-Сердаром не пришли на защиту Геок-Тепе. Тогда теке погрозили Тыкма-Сердару и Сычмазам (Беурминцам), если не придешь, мы разграбим все твое имущество и разнесем аул. И только тогда Тыкма-Сердар пришел к обороняющимся».[50] Согласно материалам книги Н.И. Гродекова, Тыкма-Сердар не смог избежать наказания. «Общая ненависть и презрение преследовали не только Тыкма-Сердара и Софи-хана, но и роды, к которым они принадлежали. С согласия народа беурминцы арчманцы и кизыл-арватцы были разграблены текинской конницею».[51] Перекликается с этими сведениями и следующее сообщение о мерах по поддержанию боеготовности текинцев, принятое ими накануне начала военных действий в Ахале: «Тут же было постановлено: в отношении отдельных лиц аксакалов, смущающих свои аулы и роды, самые эти аулы подвергнуть репрессиям "талангу" (талан — грабеж. — *Ю.Б.*).[52] Согласно словам нашего информанта-емрелинца, репрессиям могли подвергнуть за проявленную в бою трусость, при этом человека могли убить, а у его семьи отбиралось имущество.[53]

Но наиболее часто совершался чапаул при разрешении конфликтов, возникавших на почве угона скота. При всей своей

болезненности для экономики отдельной семьи или родовой группы угон скота был настолько обычным явлением в жизни туркменского общества, что в литературе можно встретиться с точкой зрения, согласно которой «за угон скота наказания совершенно не полагается, но при условии возвращения краденого с возмещением расходов по розыску».[54] Сразу отметим, что далеко не всегда набег завершался мирным урегулированием вопроса,когда скот возвращался его хозяевам, что являлось гарантом мирного завершения конфликта. Главное же замечание заключается в том, что взаимный расчет в немалой степени зависел от того,к сильному или слабому роду относились нападавшая и потерпевшая стороны. В тех случаях, когда родовые старейшины признавали, что урон нанесен противником,обладавшим более низким статусом,чем они (что фактически означало — слабее), угон скота рассматривался как нанесенное оскорбление. В этой ситуации пострадавшая сторона считала себя вправе применить более жесткие санкции.[55]

Практика угона скота и ответных нападений оставалась типичным явлением жизни туркменского оба не только в XIX в. Еще в период гражданской войны размах басмаческого движения в значительной степени создавался за счет этой деятельности. В качестве еще одного примера типичного воинского формирования в Туркмении в 1920—1924 гг. Г.И. Карпов приводит случай, когда «мервским скотоводом из аула Арык-Персенч Джапан-баем была организована шайка после того,как у него отогнали в Персию 5000 голов баранов. Джапан-бай набрал 200 (по другим сведениям 600) человек, с которыми и намеревался перейти границу и отбить скот».[56] Согласно высказываниям наших информантов, угон скота всегда рассматривался как веская причина для проведения ответного набега. Весь вопрос заключался в определении масштаба карательной акции. У сарыков нами было записано воспоминание одного из местных жителей о набеге, который совершил местный предводитель Куттуз в ответ на нападение с территории Ирана. Отряд сарыков отогнал в ходе этой акции 1000 овец, т.е. ровно столько, сколько было у них ранее похищено, при этом участники набега не поделили между собой добычу, а возвратили ее потерпевшим семьям, так как в данной ситуации отобранный скот не рассматривался в

качестве олджи.[57] По словам другого информанта, реальной была ситуация, когда во время свадьбы ее хозяин — жертва недавнего нападения — мог обратиться к гостям с просьбой помочь компенсировать нанесенный ему материальный и моральный ущерб. В этом случае из числа гостей собиралась группа всадников, которая сразу после свадьбы направлялась отбивать скот. Тогда вся добыча возвращалась хозяину.[58]

У йомутов нами была получена информация, согласно которой в ходе ответного набега бралась добыча, лишь возмещающая потерю. Если добыча не превышала величины нанесенного ранее ущерба, то это являлось серьезной гарантией прекращения эскалации ответных набегов. Сообщение информанта содержит следующую любопытную деталь — с теми родовыми группами,которые захватывали олджу,превышающую нормы обычного права, пресекались дипломатические отношения,им,в частности,отказывали в получении невест.[59]

Но наиболее распространенной точкой зрения среди информантов была та, согласно которой в ходе ответного набега захватывалась добыча, превышающая нанесенный ранее ущерб.[60] У геклен количество угнанного в чапауле скота могло быть в два раза больше ранее похищенного, но в то же время превышение штрафного количества скота, например, трехкратное, запрещалось.[61] У йомутов Хорезма джериме (штраф) мог взиматься в 5- и даже 10-кратном размере.[62]

Отметим ту особенность, что похищение скота в своем большинстве не отмечено жесткими карательными санкциями, как это имело место в ранее рассмотренных примерах. В ряде случаев чапаул, как таковой, вовсе не проводился или, если взимался джериме, он имел относительно четкие границы, нарушение которых также являлось нарушением нормы. Но в практике похищения скота имели место ситуации нестандартные, требовавшие для их разрешения жесткие меры воздействия. По словам одного из наших информантов из племени геклен,отряд курдов похитил у йомутов отару овец в период недавно окончившегося окота. Это привело к тому,что, лишившись молока, погибло большое количество ягнят. Для йомутов,как заметил наш информант,любящих скот как своих детей,это было сильным ударом. Йомуты-старейшины решили отомстить и похитили единственного сына предводителя набега. При этом только активное посредничество делегации геклен,

пригрозившей йомутам полным разрывом дипломатических отношений, позволило выкупить его обратно, в противном случае мальчик остался бы навсегда у йомутов или был бы продан.[63]

Широкое бытование чапаула как средства восстановления нарушенного суверенитета, неизбежный субъективизм при определении размеров штрафных санкций приводили к тому, что, опасаясь репрессий, покидали места своего обитания не только отдельные представители, но и целые родовые коллективы,не способные противостоять вооруженному натиску. Для туркменского эпоса бегство героя является одним из ключевых мест сюжетной канвы. Так, согласно одному из устных преданий,«Бозоглан из племени эрсары жил в Байрам-али, был вынужден скрываться от хана Эймира и нашел себе пристанище в песках в местности Кызылжа-кала. Построил себе укрепление,куда к нему стягивались туркмены».[64]

Описание сборов героев эпоса, насыщенное конкретикой, не оставляет сомнения в том, что изгнание являлось одной из характернейших реалий общественной жизни. Вот как скрывается от гнева Хункара дед Гер-оглы: «Обратился тогда Джигали-бек к своему внуку: Милый Ровшен! Сперва перевези домашний скарб. На другой день перевези тетку свою Гюль-Эндам. А на следующий день посади меня на лошадь позади себя и уезжай. Убежим на гору Уч-Гумбез».[65] Точно так же подготавливает свой побег другой персонаж эпоса — старик, согласившийся помочь Гер-оглы и спасающийся в этой связи от гнева шаха: «Зароет меня в землю башкой вниз, а к ногам коня привяжет. Ты лучше с недельку тайком побудь тут. Завтра куплю на базаре снаряжение, отправлю свой скарб в Чандыбиль, а потом уж тебе покажу дорогу. Запасся дед верблюдами, утварью, посудой и провиантом и к вечеру отправил караван в путь».[66]

Известно, что процесс ухода с мест первоначального обитания отличался у кочевников своей массовостью и «выгонял во времена смут целые племена».[67] Процесс этот в Туркмении был настолько заметен, что в литературе XIX в. существовала точка зрения, согласно которой «туркмен и туркменчилик (туркменчество) никоим образом не расовые понятия, а скорее всего соответствуют нашим "казах" и казачество».[68] Ряд авторов того времени находили прямые

аналогии устройства социальной организации туркменских племен с общинами казаков.[69] За отдельными отдаленными и труднодоступными районами Туркмении закрепилась слава, что там этот процесс протекал особенно интенсивно. «Во время туркменчилик в аулы нохурцев и в другие аулы, расположенные по ущельям Копет-Дага, стекались представители различных туркменских племен, убегавших от мести, или наоборот разыскивающих своих противников, чтобы мстить им».[70] Подобной славой обладал и остров Огурчинский. А. Джикиев,не разделявший традиционной точки зрения относительно формирования населения этого острова, тем не менее дает широкий перечень тех слоев общества, представители которых всегда рассматривались в качестве основного ядра огурджали: «Необходимо было разоблачить лженаучное мнение, господствующее не только почти во всей дореволюционной литературе,но и у окружавшего прибрежных туркмен населения о том, что слово "огурджали" означает "воришка" и что туркмены-огурджали являются потомками воров, морских разбойников, разного рода бродяг, скитальцев, кровников,преступников и т.п.».[71]

Министр иностранных дел сообщал генералу А. Куропаткину: «По мнению генерального консула нашего, в Мешхеде грабежи, совершаемые йомутами и гекленами, кочующими на персидской территории, у йомутов и геклен, проживающих в наших пределах, составляют, по-видимому, лишь репрессалии за грабежи, произведенные кочевниками, переселившимися на нашу территорию единственно для того, чтобы стать под защиту наших постов. Действительный статский советник Власов считает, что большинство наших селений по Атреку, верхнему Сумбару и Чандыру состоит наполовину из этих переселенцев».[72] В одной из докладных записок,поступивших командующему войсками Туркестанского военного округа, сообщается следующее: «В лагерь наш приезжали некоторые из стариков юмудов, кочующих в Балханах, и известный Ата-Мурад, бывший глава юмудов, подчиненных Хиве. В 60-х годах Ата-Мурад восстал против Хивы... после трехлетних бесплодных попыток,он должен был бежать и до сих пор скрывался в Балханах».[73]

Уход из общины в отдаленные или труднодоступные районы не только был средством спасения от репрессий, но и

не менее важным условием успешного достижения мстителем своей цели. В этом отношении показательной является история конфликта, имевшего место в Кара-Бекауле в 20-х годах XX в. Причиной его возникновения послужил несправедливый расчет чабана одним из местных баев. Муххамед (так звали пастуха) ушел из оба и начал мстить своему бывшему хозяину, совершая набеги на его стада. Свои набеги Муххамед совершал исключительно на байский скот и никогда на скот своих односельчан. Население относилось к действиям мстителя с одобрением,считая,что с ним поступили несправедливо. Самое главное,что бай,по словам информантов,осознавая вину перед своим бывшим чабаном, признавал за ним право на месть. Назад домой Муххамед смог вернуться лишь после смерти своего врага,так как до этого и тот и другой стремились убить своего соперника. В период своего вынужденного удаления от общины Муххамед действовал не в одиночку, а в союзе с другими «обиженными людьми», как назвал их информант. Эта группа не представляла никакой угрозы для жителей, за исключением тех из них, из-за кого они и покинули свои селения.[74] Другие наши информанты также сообщают, что желающие отомстить покидали оба и уходили в такие отряды.[75]

Разрыв с общиной, даже на время, ради совершения мести не мог не создавать определенные предпосылки для того, чтобы это состояние становилось перманентным. В условиях изоляции от общины единственно возможной формой существования мстителя становился набег. Наиболее ранние встречающееся в литературе сведения об образе жизни таких людей относятся к XVI в. Согласно им «побежденный предводитель бежит в степь с теми,кто за ним последует,живет в пустыне поблизости от колодцев с водой и разбойничает и грабит торговые караваны и всех, кого может одолеть.[76] И в гораздо более позднее время Тыкма-сердар, предпринявший небольшой аламан на геклен,преданных текинскому лидеру Нур-Верды-хану, вынужден был после непродолжительной обороны бежать от всадников, посланных Нур-Верды-ханом, покинуть родное оба Беурму и долгое время ходить на аламаны.[77] По словам Йомудского, «в 1919 году... в Тедженском районе выступает... Азис хан... он был простой, бедный туркмен, и, ввиду преследования его уездной администрацией во время

правления полковника Ломакина, он был вынужден уйти из аула и вступить в "аламанщики", делая постоянные набеги на поселения Персии в пограничном районе».[78] Не является исключением и политическая судьба Джунаид-хана.

Другими нашими информантами были даны сведения о двух известных в 1920-х годах в Карабекауле сердарах — Доули-сердаре из тире ходжалы и Аннагулы-сердаре из тире ашгалы тумек. Оба предводителя в прошлом были скотоводами,но,став жертвой набега и лишившись скота,ушли в пески,чтобы отомстить своим врагам. В дальнейшем к Доули-сердару собираются люди из различных тире. Аналогично складывалась военная карьера и у Аннагулы-сердара, взявшего под свое руководство стекавшихся к нему представителей различных тире. Набеги для этих предводителей постепенно стали самоцелью,они занимались ими профессионально и назад в свои селения уже не возвратились. Местное население, не испытывая с их стороны никаких притеснений, но и не получая поддержки, относилось к ним индифферентно. Свои набеги эти отряды совершали в определенные районы. Так Аннагулы избрал для себя район Мары, в то время как Доули-сердар предпочитал территорию Узбекистана. Отряды не имели мест постоянной дислокации, обитая вблизи колодцев. Захваченную добычу распределяли исключительно между собой, но не позволяли чужим нападать на свои селения.[79]

До этого момента речь шла главным образом о лицах, покидавших свое оба на время, необходимое для совершения мести, и имевших возможность вернуться назад, когда цель их была достигнута. Точно так же и лица,скрывающиеся от своих преследователей,часто не утрачивали связи со своим тире. Но в песках сосредотачивались и иная категория лиц. Речь идет о конфликте между общиной в целом и отдельными ее членами. Этот мотив является одним из основных в развитии сюжета в эпосе Гер-оглы: «Народ Чандыбиля собрался и держал совет: "О люди, народ! Боясь побеспокоить султана Ады-бека, наши жены не позволяли нашим детям резвиться, с опаской брали воду из колодца. Думали мы, что избавились от него, так от него в могиле родился сын, проклятое чудовище. Коли он сейчас уже такой, то как вырастет, он нас по сорок человек привязывать будет к одному колу. Лучше убьем его!" — порешили они. Был среди них друг Джигали-бека. Пришел он

к Джигали-беку. и сказал: "Ох, Джигали бек! Так-то и так мир порешил. Ушел бы ты, ага, от этих людей на пять—шесть лет, пока твой внук подрастет" — "Хорошо, добро",— ответил тот и откочевал в сторону Хункара».[80] В Гер-оглы находим не менее интересную характеристику подобных взаимоотношений: «У отца Гер-оглы было сорок конных нукеров. После смерти Ады-бека натворили в Чандыбиле дел зангары: у скольких силой отняли скот, скольких убили. Бежали из Чандыбиля и обосновались в горах, жили в шалашах... Грабили торговцев, проходящие караваны — вот чем занимались эти нукеры».[81]

Следующая характеристика изгоя из того же источника значительно отличается от предыдущей: «Показался я себе похожим на одного человека. Украдет что-нибудь зангар, а воровство его выйдет наружу, или в карты начнет играть и проиграется, по уши в долги залезет. Ну а затем убежит он из своей страны и попадет на чужбину. Там, не сказавшись, кто он такой, возьмет в долг куцую лошадь, пообещает уплатить, да и оттуда убежит».[82] Родовая группа, удаляя из своей среды наиболее беспокойный элемент, сразу вводила в действие защитный механизм,обеспечивающий ее безопасность от возможных нежелательных для нее последствий, связанных с дальнейшей деятельностью лиц этого круга. Так, К. Боде, делая экскурс в историческое прошлое йомутов в связи с их участием в политических событиях в Иране, замечает, в частности, что «один ямуд убил отца Фатх-Али-шахава, Гусейн-Кули-хана, но поколение (т.е. племя. — *Ю.Б.*) не участвовало в этом злодеянии.[83]

У туркмен существовал институт отречения, о котором Давлетшин писал следующее: «В исключительных случаях, когда кто-либо из рода становился неисправимым, обычай разрешал его родственникам отказаться от такого лица, причем через джарчи (глашатая) объявлялось по аулам, что за деяния такого-то его сородичи более не отвечают: если он уворует, то не будут возмещать убытков, если убьют, то хуна искать не станут, и, наоборот, если он убьет, то не будут платить хун. Подобные люди становились как бы вне закона и скрывались где-либо в соседней стране (обыкновенно в Персии) приобретая название "дунюк", т.е. отверженный».[84] Ломакин по поводу института отречения отмечал: «Туркмены, во времена

своей независимости, для лиц, принявших ложную присягу, устанавливали наказание — изгнание из своего общества».[85]

По словам нашего информанта-сарыка, за трусость в бою человека изгоняли из селения, что и являлось самым высшим наказанием, которое общество могло применить к человеку.[86] Эти обадан коушак, как называет их информант, сосредотачивались в районе песков.[87] По словам туркмена-карадашлы, в период гражданской войны в отряде родовой группы укор, которым руководил Гочмед хан, были не только укоры, но и човдуры, емрели, карадашлы и даже каракалпаки с узбеками, покинувшие свои селения. Число этих лиц составляло примерно около 10% от общего количества.[88] В отряде Ходжегили хана помимо текинцев были также люди и из других племен, по словам стариков, провинившиеся среди своих.[89] У эрсаринцев этих изгнанников называли ковунды. По словам информанта, они умышленно нападали на родное село, мстя его жителям лично и передавая установку на месть своим сыновьям.[90]

В эпосе Гер-оглы очень выразительна характеристика лиц, ставших воинами дружины главного героя: «Человеку, что ханом стал, нужны ведь нукеры — собрали для него нукеров, сами понимаете: были среди них и лодыри и бездельники, люди без роду и племени, убийцы и байские сынки. Собрали толпу (таких) бездельников и привели (к Гер-оглы) — вот мол тебе нукеры».[91]

И здесь мы уже непосредственно сталкиваемся с набегом, который у туркмен носил название калтамана, т.е. набега, проведение которого не ограничивалось никакими нормами обычного права. Представление о таком набеге дает одно из многочисленных его описаний: «Между аулами рода Сычмаз и крепости Хан-Гель находятся аулы рода Бахши. Этот род пользуется нехорошей славой даже между туркменами теке Мерва... Все калтаманы большей частью выходят из рода Бахши, которые не стесняются грабить караван даже у своего рода среди Мерва».[92]

По представлению туркмен, калтаман — это в первую очередь образ жизни — практически полная изоляция от родного оба и постоянное занятие набегами.[93] Калтаманы — люди без семей, жен, бродяги, убивающие людей.[94] Ранее цитированный поручик Назаров писал следующее: «Куче-Куш

составляет притон для разбойников и удобное место для нападения калтаманов на караван. На привале на этом месте к нам пришли... 8 человек под командой Сердар-Бай-Джан-Мамеда, известного предводителя калтаманов, уже не раз наказанного Махтум-Кули-Ханом за грабежи и разбой».[95] Докладные записки чиновников и жалобы местного населения позволяют судить о том,что калтаман являлся далеко не редким явлением жизни туркменской общины на рубеже веков. «Хорасанские власти сообщили, что виновниками нападения на жителей Кара-Кала были аламанщики йомуты под руководством двух наших беглецов с Ахала Ильхана и Батыр Фар».[96] Или: «Приехавший текинец Мурад-хан, старший брат старшины сел. Душак Хаджим-Мамед-сердара,просит от имени жителей селения приказания на поимку воров, появившихся в окрестностях Душака». Само прошение душакских жителей выглядит таким образом: «Заявляем вам, что семь человек калтаманов-разбойников из Мерва переселились в Меана, которые, занимаясь грабежами и разбоями на дороге между Тедженом и Мервом, расстраивают население».[97]

В одном из рапортов начальника Мервского уезда начальнику Закаспийской области сообщается,что «разбойник Бек Мурад с двумя братьями совершили в Бухарском ханстве двойное убийство и имеет шайку из 12 разбойников, вооруженных берданками и револьверами. Колодец Асказан находится в песках иолотанского приставства в расстоянии 100—120 верст к востоку от Иолотани. Эта группа представляет угрозу, как для скотоводов, пасущих свои стада в песках, так и для Иолотанского оазиса».[98]

В период гражданской войны политическая нестабильность, сопровождавшаяся децентрализацией власти, создала обстановку, благоприятную для выдвижения многочисленных родовых и племенных военных вождей. Это было время многочисленных конфликтов, многие из которых представляли собой цепь чапаулов — набегов, совершавшихся по праву мести. В свою очередь, это не могло не привести к усилению калтамана. Именно слово калтаман по своей семантике наиболее близко соответствует общепринятому представлению о басмачестве. .По словам нашего информанта-йомута рода окуз, до 1933 г. продолжались нападения на селения «мертвых людей», как называли старики категорию лиц, окончательно

порвавших со своей общиной. Начиная с 1917 г. они уходили из села и жили в районе Кара-Кумов. Среди этих людей принцип ненападения на своих уже не соблюдался. Нападавшие забирали пищу и одежду. Убивали они лишь при оказании им сопротивления.[99] Другой наш информант, так же йомут, встретился на охоте с басмачами из тире геок-чо, которые, по его словам, напали на своих сородичей. При этом они похищали не только скот, но и девушек.[100] В 1920-х годах в Туркмении огромной известностью пользовался конь Бек Назар Дор — жеребец гнедой масти. Джунаид-хан предлагал хозяину за коня 15 тысяч рублей. Хозяин ответил отказом. Коня угнали калтаманы.[101] Факт этот характеризует не только калтаманов,но и знаменитого предводителя йомутов. Джунаид-хан, пользовавшийся огромным авторитетом и властью, не мог взять коня силой, для калтаманов этот, один из сильных запретов, не существовал. Калтаманы, по словам йомута Джумаева Хаккы, нападали на оба, откуда их в свое время выгнали яшули.[102] Краткой иллюстрацией к сказанному выше могут стать некоторые эпизоды военной карьеры Шалтая, сподвижника Ягши-гельды хана, известного предводителя йомутов в 1920-х годах. Шалтай, находясь в отряде Ягши-гельды-хана,был одним из дееспособных в военном отношении соратников своего вождя. После смерти Ягши-гельды Шалтай порвал с общиной и в дальнейшем вышел из подчинения и контроля салакской общины. И если раньше Шалтай защищал свой род,то в дальнейшем он и его люди не останавливаются в оба своего рода. Мало того,он сжег четыре оба своего уру в районе Куня-Угренча.

Он постоянно действовал в Куня-Угренчском районе. В его родном оба,где он однажды заночевал,его пытались убить. В дальнейшем он стал сподвижником Джунаид-хана. Но при этом сам Джунаид-хан не мог управлять им, опасаясь этого человека.[103]

В итоге отметим следующие положения:

— Чапаул,как и аламан,— набег,освещенный адатом.

— Масштабы карательной акции зависели от ряда обстоятельств,среди которых следует особо отметить статус родового подразделения в межплеменной иерархии и характер действий нападавших.

— В тех случаях, когда потерпевшая сторона считала, что нападение совершено представителями родовой группы, имеющей более низкий статус,или когда нападавшие преступали нормы дозволенного, ответный набег по своим особенностям не отличался от калтамана.

В отдельных случаях,когда действия противника выходили далеко за рамки дозволенного адатом,чапаул мог принять свои крайние формы.

[1] *Йомудский Карашхан оглы.* Бытовые особенности туркмен Туркменской ССР,а равно кавказских и зарубежных туркмен,их племенное и родовое деление // Известия Среднеазиатского комитета по охране памятников старины и искусства. Ташкент,1928. Вып.III. С.202.

[2] *Галкин М.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю // Записки РГО (СПб.), 1867. Вып.1. С.48; *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М.,1874. С.276; *Иванов П.П.* Казахи и Кокандское ханство // Записки Института востоковедения АН СССР. М.;Л.,1939. Вып.VII. С.114.

[3] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.67; д.1342,л.34; д.1517,л.19.

[4] *Росляков А.А.* Аламаны // СЭ. 1955. № 2.

[5] Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.;Л., 1938. Т.2. С.432.

[6] Там же. С.472.

[7] *Самойлович А.Н.* Абду-с-Саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Пг.,1914. С.93.

[8] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.14.

[9] Там же,д.1573,л.71.

[10] *Фром Э.* Душа человека. М.,1992. С.23—24.

[11] *Карпов Г.И.* К истории туркмен али-эли (ала-эль) // СЭ. 1947. № 3. С.146.

[12] *Ботяков Ю.М., Янборисов В.Р.* Холодное оружие туркмен // Сб. МАЭ. 1989. Т.43. С.56—57.

[13] *Самойлович А.Н.* Указ. соч. С.95.

[14] *Преображенский П.Ф.* Разложение родового строя и феодализационный процесс у туркмен-йомутов // Этнография. М.;Л., 1930. № 4. С.16.

[15] Там же. С.16—17.

[16] Закаспийское обозрение. 1903. № 244. С.2.

[17] *Ломакин А.* Обычное право у туркмен. Асхабад,1897. С.94.

[18] *Гер-оглы.* Туркменский героический эпос. М.,1983. С.425.

[19] Там же. С.425—426.

[20] Там же. С.432.

[21] Там же. С.62.

[22] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.16.

[23] Там же,д.1342,л.34.

[24] *Карпов Г.И.* Борьба с басмачеством в Туркмении в период 1920—1924 гг. Ашхабад,1934. С.10 (рукопись).

[25] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1642,л.51.

[26] Там же,д.1641,л.64.

[27] Там же,д.1341,л.13.

[28] Там же,д.1642,л.51.

[29] Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад,1954. С.332.

[30] *Карпов Г.И.* О туркменских ханах, сардарах, аксакалах, мирабах, джарчи и других в Ахале (XIX в.). Ашхабад,1939. С.2—3 (рукопись).

[31] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1641,л.67—68.

[32] Там же,д.1573,л.27.

[33] Там же,л.7.

[34] Там же,д.1341,л.13.

[35] Там же,д.1517,л.8.

[36] *Гер-оглы...* С.450.

[37] Там же. С.451.

[38] *Карпов Г.И.* Рассказы стариков текинцев Ахала об истории своего племени. Ашхабад,1936—1939. С.1—3 (рукопись).

[39] *Гер-оглы...* С.576.

[40] *Карпов Г.И.* Рассказы стариков... С.6.

[41] Там же.

[42] *Карпов Г.И.* Фольклорный материал. Ашхабад, 1939. С.8 (рукопись).

[43] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.10.

[44] *Н.Л.* (подпись под статьей). Быт, нравы, обычаи и обычное право туркмен Закаспийской области // Закаспийское обозрение. 1896. № 108. С.2.

[45] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.9—10.

[46] *Карпов Г.И.* Туркменское племя Геклен. Ашхабад, 1939. С.7 (рукопись).

[47] Россия и Туркмения в XIX веке. Ашхабад,1946. С.44.

[48] ЦГА ТССР, ф.И-1, оп.2, д.8320, л.4.

[49] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.12.

[50] *Карпов Г.И.* Рассказы стариков... С.15.

[51] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. СПб.,1883. С.201.

[52] *Обезбаев С.М.* Гони Бек // Туркменоведение. 1927. № 1. С.26.

[53] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1342, л.59.

[54] *Н.Л.* Быт,нравы,обычаи и обычное право... С.3.

[55] *Карпов Г.И.* О взаимопомощи, кровной мести и роли родовых аксакалов в этих делах. Ашхабад,1939. С.1. (рукопись).

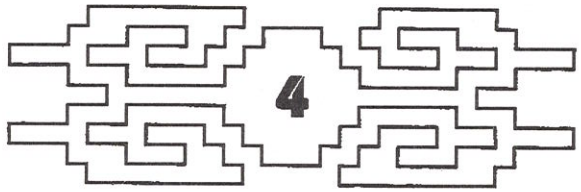
[56] *Карпов Г.И.* Борьба с басмачеством... С.10.

[57] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.14.

[58] Там же, д.1641, л.30—31.

[59] Там же, л.14.
[60] Там же, л.29—30.
[61] Там же, д.1573, л.70.
[62] Там же,д.1641,л.42.
[63] Там же,д.1573,л.68.
[64] *Карпов Г.И.* Рассказы стариков... С.11.
[65] *Гер-оглы...* С.405.
[66] Там же. С.563.
[67] *Благова Г.Ф.* Историческое взаимоотношение слов казак и казах // Этнонимы. М.,1970. С.149.
[68] *П.В.* (подпись под статьей). Народный суд у туркмен Закаспийской области // Закаспийское обозрение. 1897. № 252. С.2.
[69] *Васильев И.С.* Ахал-Текинский оазис. СПб.,1888. С.5; *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и Среднеазиатских народов,или Чингиз-хан и Тамерлан. СПб.,1875. С.132.
[70] *Бахтиаров А.* Осколки исчезнувших аланов. Нохур // Туркменоведение. 1930. № 8—9. С.41.
[71] *Джикиев А.* Туркмены Юго-Восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад,1961. С.5.
[72] ЦГВИА, ф.400, оп.1, д.1842, л.7.
[73] Там же, д.1396, оп.2, д.59, л.26.
[74] Архив МАЭ РАН, ф.К.1,оп.2, д.1989, л.19.
[75] Там же, д.1642, л.25; д.1641, л.61—62.
[76] *Дженкинсон А.* Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1938. С.178.
[77] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. С.200.
[78] *Йомудский Н.* Туркмены и революция // Туркменоведение. 1927. № 2—3. С.19.
[79] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1642, л.36.
[80] *Гер-оглы...* С.404.
[81] Там же. С.429.
[82] Там же. С.442.
[83] *Боде К.* О туркменских поколениях Ямудах и Гокланах // Записки РГО. (СПб.),1847. Кн.2. С.225.
[84] *Давлетшин.* Народный суд в Закаспийской области // Закаспийское обозрение. 1902. № 51. С.2.
[85] *Ломакин А.* Указ. соч. С.80.
[86] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.17.
[87] Там же.
[88] Там же, д.1641, л.8.
[89] Там же, д.1517, л.7.
[90] Там же, д.1642, л.29.
[91] *Гер-оглы...* С.425.
[92] ЦГВИА, ф.400, оп.1, д.852, л.39.

[93] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.7.
[94] Там же, л.10.
[95] ЦГВИА, ф.400, оп.1, д.852, л.11.
[96] ЦГА ТССР, ф.И-1, оп.2, д.4931, л.7.
[97] Там же, д.5174, л.11.
[98] Там же, д.5269, л.8.
[99] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1641, л.35.
[100] Там же, д.1517, л.10.
[101] Очерки из истории... С.315.
[102] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.11.
[103] Там же, д.1342, л.45.

АЛАМАН И ТРАДИЦИОННОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ТУРКМЕН

То обстоятельство, что традиция проведения аламанов у туркмен не пресекалась вплоть до 20—30-х годов XX в., а сами аламаны имели широкую социальную базу, позволяет рассматривать туркменский материал как один из наиболее интересных и репрезентативных источников при реконструкции модели военного искусства степняков. Вопрос об использовании «современного» материала при воссоздании традиционной тактики и стратегии кочевников уже возникал перед исследователями. Так, М.И. Иванин,развертывая картину походов войск Чингисхана и Тамерлана, успешно использовал материал о проведении набегов крымских татар на Украину в XVIII в., а также современные автору сведения о нападениях казахов на казацкую пограничную линию.[1] Л.Б. Заседателева, разделяя точку зрения С.А. Плетневой по данному вопросу, считала, что жизнь, социальное устройство и быт кочевников за прошедшие 5—6 столетий изменились незначительно. Далее Л.Б. Заседателева пишет: «Поэтому она (Плетнева. — *Ю.Б.*) считает, что без особой натяжки можно перебросить мост от эпохи Рубрука и Марко Поло ко времени кочевников VIII—IX вв. и даже гуннов начала 1-го тысячелетия». Этот вывод позволял С.А. Плетневой и ряду других исследователей сопоставлять материалы, полученные при исследовании памятников VIII—X вв., со сведениями о жизни недавних кочевников вплоть до XX в.[2] А.А. Росляков, обращавшийся к изучению военного искусства среднеазиатских кочевников,считал,тем не менее,что текинцы XIX в.,«например, уже не могут рассматриваться как носители чисто степного военного искусства. В конце XIX в. оно вообще исчезает

как самостоятельная ветвь военного искусства. Однако его пережитки,порой очень ценные и жизнеспособные,сохранились и по настоящее время. Их нетрудно увидеть в военных делах Монгольской народной армии, русского казачества, военных приемах повстанцев 1916 г. в Средней Азии».[3]

Здесь необходимо отметить следующее. Во-первых, само определение «чисто степное военное искусство» имеет, несомненно, условный, статичный характер, так как отдельные народы — носители этого искусства — предлагали свой самобытный вариант,несколько отличный от «классического». Во-вторых, термин «пережитки» вряд ли отвечает тому реальному положению дел, которое сложилось в Туркмении в 20—30-х годах нашего столетия. (Именно к этому периоду относится значительная часть нашего полевого материала.) Ведение боевых действий в этот период есть полнокровное осуществление на практике традиционного военного искусства. Следует также иметь в виду,что отсутствие крупномасштабных боевых операций далеко не всегда должно означать его распад и деградацию. В-третьих,представляется,что проблема состоит не только в том,чтобы воссоздать модель традиционного военного искусства, но и в том, чтобы проследить его дальнейшее развитие.

При рассмотрении туркменской модели военного искусства в первую очередь следует обратить внимание на те условия проживания, которые и обусловили главным образом ее формирование. (Эта тема уже была затронута в связи с изучением аламана в контексте с хозяйственной деятельностью туркмен.) Специфичность природно-климатических условий связана главным образом с наличием пустыни,ее безводием и обширной протяженностью. Этот фактор был главенствующим при сложении туркменской тактики и стратегии. В этих условиях наиболее ответственной частью военной операции становилась подготовка к походу и преодоление отрядом зоны песков. Туркмены решали возникающие в этой связи проблемы путем выработки целого комплекса мер.

Передвижение через Кара-Кумы старались приурочить к определенному сезону. Аламаны, как правило, проводились в период «от поздней осени до ранней весны, в жаркое время нападения невозможны: лошади разбойников измучились бы до встречи каравана, исход дела гадателен, а в случае неудачи

всех участников аламана ждет верная смерть».[4] Сезонность набегов была связана и с общим циклом сельскохозяйственных работ. Так, И.С. Васильев, говоря о текинцах, отмечал, что туркмены откочевывают на зиму в пески с тем, чтобы весной возвратиться к Копет-Дагу для работы до осени и для набегов до зимы.[5] Н.И. Гродеков пишет о том, что аламан проводился после полевых работ с сентября до мая. Летом же набеги совершались в меньшей степени.[6] Г.И. Карпов также сообщает о том, что в аламан туркмены «ходили после уборки хлебов с сентября и вплоть до мая. В этот период больше свободного времени, благоприятствует погода и благополучнее обстоит с водой».[7] Насколько значительные коррективы вносили сельскохозяйственные работы, свидетельствует уже тот факт, что в период наивысшей опасности для текинцев Ахала их союзники текинцы Мерва «ушли к себе, это было время посевов».[8] Согласно нашему полевому материалу, йомуты старались проводить свои набеги в осенне-зимний период.[9]

Тем не менее, если туркмены и отдавали предпочтение весенне-осеннему периоду, как наиболее удобному при проведении набегов, то это не означает, что аламаны не совершались ими в иное время года. При совершении перехода через пустынную местность вопрос с обеспечением водой и фуражом приобретал первостепенное значение. Количество колодцев с питьевой водой было ограничено, и все они были хорошо известны. Так, наиболее «могучими (по столбу воды) колодцами являются в северной части пустыни колодцы Баккалы и Чарышлы, в центральной части пустыни — колодцы Орта-Кую, Пешке-Кудук, Ата-Кую, Балла-Ишем, Баладжа, Ходжа-Сеид, Бахар-Дук, Сузаклы, в восточной части пустыни — колодцы Раджаб, Сейд-Кур, Кара-Тепе, Араб, Дараклы, Саладжа».[10] Маршрут отряда мог пролегать вдоль колодцев, из которых далеко не все обладали мощным столбом воды, способным обеспечить водопой для большого отряда всадников. Берды Адыев, один из участников конного пробега Ашхабад—Москва, отмечал, что водопой на колодцах с четырехметровой глубиной затягивался, так как воды в них было мало и требовалось время для того, чтобы уровень воды восстановился. Много воды находилось лишь в колодцах 7—8-метровой глубины.[11] Увеличение числа участников набега неизменно приводило к тому, что переход отряда был

невозможен без рытья колодцев во время передвижения. Так, в частности, при проведении одного из многочисленных набегов хивинских туркмен, «когда до Кызыл-Кыра оставалось расстояние, несколько более половины дневного перехода, был послан вперед караул из 200 йомутов... С ними же отправились вперед по два по три человека от большей части кошей для рытья колодцев».[12] Небольшой по составу отряд не был столь жестко связан с необходимостью пролагать свой маршрут через колодцы с высоким уровнем воды, а следовательно он обладал большим оперативным простором, имея возможность использовать и малые по количеству воды источники. Это значительно повышало скрытность перехода. Так, один из многочисленных аламанов, организованный Хивинским ханом против теке, «двигаясь окольными путями», подошел к одному из колодцев, «находящихся по ту сторону Ахала».[13]

В походных условиях использовались также источники с водой плохого качества. «Вода сильно солоноватая и имеет затхлый вкус,— описывал Лессар свои путевые впечатления,— впрочем лошади пьют ее охотно, люди же только при сильной жажде. "На аламанах эта вода считается хорошею", — пояснили текинцы».[14]

Источники воды имели значение не только при переходе отряда, но также при решении чисто тактических задач. Еще скифы, вступая в 512 г. до н.э. в боевые действия с персами, решили «отступать со своими стадами, засыпать попадавшиеся на пути колодцы и источники и истреблять повсюду растительность».[15] Засада у колодцев являлась одним из любимых приемов в традиционной тактике туркмен. Поражение войска Масуда в 1040 г., что в конечном счете предопределило разгром газневидского государства, было подготовлено предварительными действиями огузов: «Испытывая недостаток в воде (туркмены засыпали колодцы землей), потеряв много лошадей, утомленное тяжелыми переходами, громоздкое, мало дисциплинированное войско Масуда терпит поражение у Денданакана, между Мервом и Серахсом».[16] В XIX в. «постоянные набеги мервцев на бухарские пределы и ответные набеги эрсари на кочевье Мерва вызвали весьма своеобразную с обоих сторон меру для взаимной обороны, именно: засыпание наиболее известных колодцев и вырывание вместо них других, известных очень

немногим. Каждая сторона засыпает все колодцы вблизи своих жилищ, чтобы лишить противника возможности иметь воду и стоять близко от места набега».[17] У колодцев подстерегали добычу аламаны Хивинского хана.[18] По сообщению Паппы Байрамава, тедженского текинца, туркмены в ходе одного из ответных набегов похитили казахских девушек и вернулись на свою территорию. Последний колодец на маршруте был ими засыпан, и около него устроена засада.[19] Аналогичную историю сообщали нам туркмены-йомуты, вспоминая один из конфликтов этого племени с текинцами. Наступавшим в районе Кара-Тепе у колодца Гямиджи текинцам йомуты устроили засаду у колодца. Они обошли текинцев и нанесли им удар в тыл.[20] По сообщению одного из наших информантов-эрсари, наиболее опасными считались военные действия между соплеменниками. Основная сложность заключалась в том, что противной стороне были известны все колодцы и характерные способы ведения войны.[21]

Проблема обеспечения аламана водой и фуражом частично разрешалась организацией подвижной базы в виде каравана сопровождения. О его непременном участии сообщает наш информант йомут-джафарбай.[22] Каждый из всадников-туркмен, прибывавший в войско хивинского хана, должен был привести с собой «двух верблюдов для перевозки походного провианта».[23] Среди йомутов-атабаев мы получили информацию, согласно которой крупный аламан всегда разделялся на два подразделения: «ат гошун», т.е. конное подразделение, и «дюе гошун» (дюе — верблюд) — караван сопровождения. В дюе гошуне сосредотачивалось продовольствие, фураж, вода. Здесь находились наиболее опытные в военном деле люди, что само по себе говорит о той значимости, которую придавали туркмены этому подразделению. По словам информанта, в течение месяца отряд в количестве 100 всадников мог действовать автономно, имея дюе гошун в количестве 30 верблюдов.[24] Согласно сведениям, полученным от другого информанта, караван обычно находился (или должен был находиться) на расстоянии 100 км от передового отряда. Караван баши знал места стоянок — если маршрут проходил через горы, то обычно они находились на перевалах, сообщение между отрядом всадников и караваном осуществлялось через связного, который должен был очень хорошо знать местность. Всадники, отрываясь от каравана,

брали с собой запас воды и питания из расчета на двое суток,[25] по истечении которых ожидался подход каравана.

Ценным материалом о снабжении в условиях пустыни являются воспоминания командира конной группы 8-й кавбригады Красной Армии Борисова, безуспешно руководившего операцией по ликвидации сил Джунаид-хана. Ценность этого труда состоит в том, что А.Б. Борисов непосредственно на себе испытал тактику йомутов и оставил описание организации и снабжения отрядов Джунаида-хана. Вот, в частности, информация Борисова об отряде предводителя йомутов: «На колодце Балла-Ишем было сосредоточено свыше 500 быстроходных вьючных верблюдов породы «Нар» для образования маневренной снабженческой базы».[26] Здесь же автор дает раскладку грузов, необходимых уже его отряду в количестве 150 человек на 14 дней операции. Общее количество верблюдов для перевозки груза (фураж, вода и продовольствие) исчислялось в 459 верблюдов.[27] Наличие каравана как постоянного фактора диктовало определенную тактику в его использовании. «Большую ошибку сделает тот, кто будет строить свою операцию на скрытности, двигаясь с верблюжьим транспортом. Около транспорта и вдали от него стоит сплошной стон. Верблюды рычат, и крик их слышен за несколько километров».[28] Специфика ведения боевых действий при обозе, составленном из верблюдов, заключалась и в том, что в целях сохранения верблюдов суточный переход транспорта не должен был превышать 45—50 км, лишь при большой необходимости он мог быть доведен до 70—90 км. Но подобный режим работы быстро приводил к гибели животных.[29] Сложности, связанные с передвижением каравана, диктовали определенную тактику нападения, которую прекрасно иллюстрирует описание одного из набегов хивинских туркмен на сарыков. Аламан, достигнув колодца Яры-ходжа и пройдя два перехода, возвращает «верблюдов и обозное снаряжение кош в Яры-ходжи» и налегке отправляется дальше. После чего не связанный обозом, он нападает на сарыков.[30]

При описании тактики туркмен можно встретиться с характеристиками, подобными той, которую генерал Павлов дает текинцам, встретившимся ему во время продвижения к Ахалу в 1879 г. В частности, он пишет: «Из приведенного выше числа 50 тыс. можно считать конными 18—20 тысяч, остальные за

неимением лошадей составляют особый род пешего войска, следующего обыкновенно за кавалерией на верблюдах и держащихся в пешем строю, открывая огонь и смело бросаясь в сабли врукопашную, когда кавалерия успела охватить неприятельские фланги и тыл».[31] И. Ильенко также отмечает, что в аламане участвовали и пешие, ехавшие на верблюдах.[32] Генерал Скобелев в своем докладе о мервских текинцах писал, что «каждая партия всегда состоит наполовину из мергенов и наполовину из конных, причем мергены едут на верблюдах».[33] Н.И. Гродеков отмечал, что при аламанах на двух пеших был один верблюд, на которых перевозились штурмовые лестницы из расчета одна лестница на 10 человек.[34]

Г.И. Карпов, говоря о том, что в аламан отправлялись всадники, прибавляет: «Шли и пешие, имея при себе верблюдов».[35] Так называемые «пешие», о которых единодушно говорят различные авторы, есть, без всякого сомнения, дюе гошун. Формально сведения этих авторов говорят о том же. Но здесь следует изменить акценты. Дюе гошун это не участие пехоты, что в тактике туркмен всегда было вынужденной мерой, к которой прибегали лишь в тех случаях, когда для отражения мощной экспансии требовалось усилие всего народа. Дюе гошун следует рассматривать не как «пехоту» (а тем более пехоту поневоле — воинов, не имеющих коня), а как самостоятельное подразделение со стоящей перед ним важнейшей задачей жизнеобеспечения всего отряда и в конечном счете решающее успех всей операции.

Специфика ведения туркменами боевых действий заключалась в стремлении для уничтожения противника максимально использовать губительные условия местного климата и ландшафта. Подобная тактика была известна и другим народам. Так, коренные жители Мадагаскара из соображений безопасности умышленно не строили дорог в болотистых низменностях на побережье. Когда в конце прошлого века здесь высадился французский экспедиционный корпус, природно-климатические условия края сыграли роковую роль. В результате этой кампании 6 тыс. солдат скончались от болезней, при этом лишь 100 человек погибло в результате военных действий.[36]

Не менее губительное воздействие оказывает и пребывание в пустыне. Во время зимнего похода русской армии в Хиву

в 1839 г. в отряде, выступившем из Оренбурга в составе 4000 человек, в пустыне погибло «свыше 1000 человек, а 1200 вернулись больными. Из 10 000 верблюдов отряда уцелело только 1000 голов, а остальные все пали. В летний поход в Хиву в 1873 году Туркестанский отряд при переходе Кизыл-Кумских песков... чуть не погиб, а Чекишлярский отряд принужден был повернуть с половины пути к Красноводску... Экспедиция 1879 года в Ахал-Теке была неудачной главным образом вследствие трудности подвоза запасов, последствием чего было то, что из отряда в 12 000 человек, высадившихся в Чекишляре, участвовало в штурме Геок-Тепе лишь 3000 человек».[37]

И здесь уничтожение источников, засады у колодцев являлись лишь одним из звеньев в общей цепи тактических приемов военного искусства туркмен. Не менее тяжелой для противника становилась потеря транспорта, запаса провианта и фуража. Когда у хивинского хана, — сообщает Мак-Гохан, — истощаются военные снаряды и припасы, — туркмены без труда отрезывают путь к подводам, — он заключает с ними договор».[38] Тот же автор был свидетелем атаки йомутов на русские позиции. В частности, он отмечает следующее: «Если бы неприятель продолжал смело двигаться вперед, он несомненно мог бы иметь минутный перевес над русскими. Вместо того, однако же, туркмены остановились и начали угонять лошадей и верблюдов, бродивших вблизи лагеря. Это дало время поднять тревогу».[39] Один из эпизодов встречи отряда генерала Перовского описан следующим образом: «Из-за пригорка выскочила партия туркмен... туркмены отбили 30 верблюдов... на расстоянии двух ружейных выстрелов они занялись разделом добычи. После нескольких атак, в которых туркмены не проявили должной настойчивости, половина всадников спешилась и погнала перед собой наших же верблюдов».[40]

К.К. Абаза, говоря о тактике туркмен, с которой пришлось столкнуться русским в Средней Азии, отмечал, что «появляясь в открытом поле, они старались окружить наш отряд, отрезать его от воды, отбить табун, нахватать побольше одиночек».[41] Стремление туркмен захватить верблюдов или лошадей было связано не только (не столько) с тем обстоятельством, что он являлся для местных жителей наиболее желательной добычей,

но и с пониманием ими его значения при ведении военных действий.

Но главное место при решении задач по передвижению, а также тактического характера принадлежала скакунам местных ахалтекинской и йомутской пород (рис. 7). По сообщению текинских информантов, внутри породы (ахалтекинской или йомутской) коней по экстерьеру разделяли на джинс-ат и бедев-ат. Джинс-ат — конь тонкой конституции, мог умереть от укуса насекомого. Его связь с хозяином была наиболее прочной. Так, в частности, джинс-ат никогда не оставлял своего хозяина на поле боя.[42] В целом лошади местных пород отличались выносливостью, неприхотливостью и обладали отличными скоростными характеристиками. В героическом эпосе Гер-оглы мы встречаемся с развернутой характеристикой коня, каким он должен быть, с точки зрения туркмен:

Покупаешь коня — хорошенько осмотри его,
Не сразу бери — многих арабских скакунов огляди.

Не понимаешь сам, спроси у знатоков, потом бери.
Выбираешь коня — бери поджарого, с втянутым животом,
Заставишь, и груз верблюда поднимет он.
На поле брани богатыри нужны:
Хвост у него подвязан высоко,
На крупе и мельницу можно разместить,
Широко раздаются ребра его,
Для погони и бега просторное поле нужно.
Хребет, как у быка, колени, как у верблюда,
у коня должны быть,
Небольшая голова, как яблоки глаза,
Череп его — годовалая кость нужна (?)».[43]

Туркменские лошади неоднократно отмечались путешественниками, их характеристики дают возможность убедиться в том, что эти скакуны были неоценимы в набегах.[44] Одна из характеристик звучит следующим образом: «В Хиве мне понравились аргамаки, пища их — джугара, аргамаки менее едят чем лошади, и в дороге могут пробыть до 4-х дней без пищи... Пуда джугары... аргамаку достаточно на 10 дней. В Хиву их доставляют туркмены и седла для них употребляются только туркменские... на бегу аргамаки вдвое быстрее хорошей

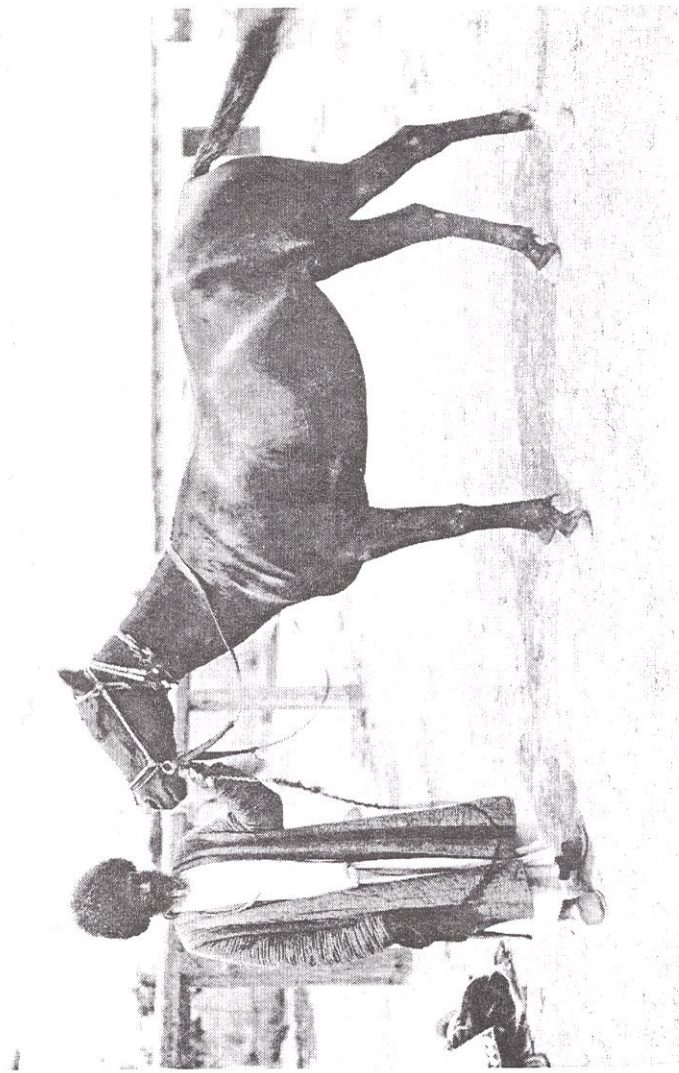

Рис. 7. Конь ахалтекинской породы (РЭМ, № 40-136).

русской лошади, они смирны и умны, переплывают через реку решительно».[45] Обладая высокой выносливостью, туркменские лошади могли проходить в 6—7 дней 600 верст[46] или, по другим свидетельствам, даже тысячу верст за 5 суток.[47] При этом если лошадь несла на себе кладь весом от 144 до 192 кг она могла делать переходы по 40 верст в день.[48] Туркменских скакунов по достоинству оценивали на рынках Средней Азии. Так, в Хиве сложились следующие цены на лошадей: «Аргамаки от 70 до 250 р. карабаиры от 40 до 150, киргизские от 20 до 40 р.»[49]

Природные качества туркменских скакунов развивались и поддерживались в беспрестанных тренировках, нацеленных на подготовку лошади к аламану. Говоря об общих приемах тренировки коня с целью поддержания его формы, можно вновь обратиться к туркменскому героическому эпосу: «Сорок дней откармливал он (Гер-оглы. — *Ю.Б.*) Гыр-ата, конь отъелся, как сом разжирел... начиная с этого дня Гер-оглы седлал коня и выводил прогуливать его ночь за ночью, день за днем, сорок дней и ночей — переход за переходом по утренней и вечерней прохладе водил он его. Гыр-ат вошел в тело, повеселел, змеей вьется».[50] В литературе прошлого века основные этапы работы с конем перед аламаном представлены в достаточно полном объеме. «Намереваясь отправиться в дальний набег, туркмен постепенно приготовляет к тому лошадь. Если она сыра, то заставляет ее похудеть, для чего перестает давать сено или "самон" (рубленая солома) и даже уменьшает дозу ячменя, вместе с тем, регулярно каждый день, проезжает ее, постепенно увеличивая расстояния, сначала тихими, потом усиленными аллюрами. Согнав жир с лошади, туркмены начинали укреплять ее, для чего дают крутые лепешки из ячменной и кукурузной муки на бараньем сале... По мнению туркмен, эти лепешки более всего развивают силу лошадей. Отправляясь в набег, туркмены делают небольшие переходы, увеличивая их раз от раза».[51] Здесь отчетливо прослеживается сходство в подготовке к набегу и его проведению у туркмен и других тюркских народов. М.И. Иванин, говоря о походе Тамерлана, отмечал, что он двигался, сначала малыми переходами и затем постепенно увеличивая, чтобы несколько "подморить" лошадей (как говорят оренбургские и кавказские казаки), т.е. сделать их способнее к скорой и продолжительной езде, следовательно и к бою,

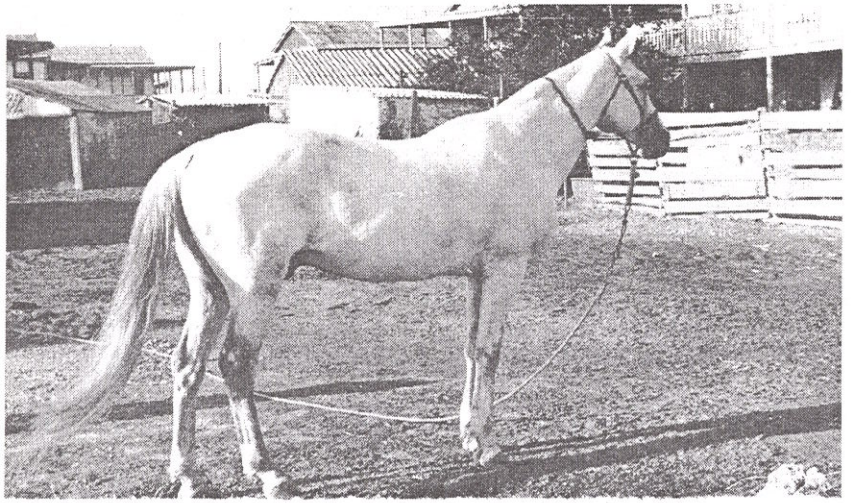
преследованию неприятеля, а в случае надобности и к быстрому отступлению».[52] Коня для аламана готовили специально. При этом старались, чтобы полигоном служила территория песков и гор. Зимой купали в ледяной воде. Во время тренировок сутки скакали без воды и корма.[53]

Характерным для кочевых народов приемом являлось использование в походах заводных лошадей. Крымские татары при набегах на Украину брали с собой по две заводные лошади, и в случае необходимости перескакивали с одной лошади на другую.[54] Вследствие большого количества заводных лошадей строй был значительно растянут в глубину, что осложняло ведение боевых действий. Поэтому встреча с противником на марше являлась крайне нежелательной. Татары были вынуждены всегда избегать противника, равного им по силам. Скорее всего заводные лошади с приближением к противнику должны были сдаваться в обоз.[55] Использование заводной лошади в аламане практиковалось и туркменами. Вот как описана сцена выхода в поход Гер-оглы: «Отобрал он из коней Каландара отменного коня, посадил на него Овеза еще для каждого по второму коню для поклажи. На одну лошадь погрузили харчи-пропитание девяти видов, золотые чаши, серебряные черпаки, чай, табак, рис и жир. На другую погрузили одеяла в девять слоев, перины, подушки».[56] Герой собирается в поход с «эпическим» размахом, желая предоставить своему подопечному максимум комфорта. Заводная лошадь входит в общий контекст роскошно обставленного перехода. Переходя к реальной жизни, отмечу, как описывается поход йомутов: «При выступлении из своих аулов, каждый имеет обыкновенно две лошади: одну малорослую, простую, породы ябы, другую скаковую. Кровный аргамак, приготовленный к набегу, идет за своим хозяином, едущим на маленькой лошадке, как собачка. Войдя, таким образом в горную полосу, отделяющую Туркмению от Хорасана... партия разделяется: одна часть ее, преимущественно старики или не совсем доброконные, остается для прикрытия дорожных коней и разных тяжестей, как то: переметных сум, попон, лишней одежды, другая часть садится на аргамаков и отправляется на грабеж».[57]

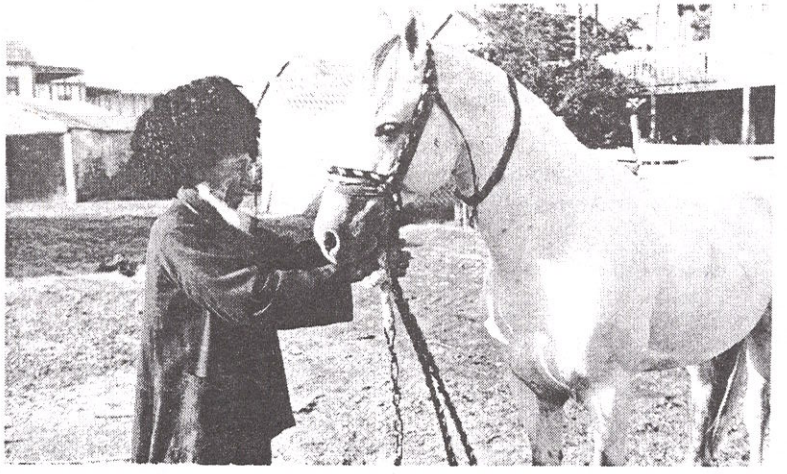
Нетрудно заметить, что в данном случае часть всадников на лошадях рабочей породы выполняет те функции, которые присущи дюе гошуну. Любопытно следующее высказывание

одного из героев эпоса Гер-оглы о переходе через горы: «А еще дай лошадь с желтыми зубами и желтыми (стершимися) копытами — пригодится в крутых горах».[58] Тем не менее, использование туркменами заводной лошади носило ограниченный характер. Так, например, в рапорте офицера пограничной стражи начальнику Закаспийской области от 19 декабря 1895 г. сообщалось, что была обнаружена группа аламанщиков-геклен на пяти лошадях с одной заводной лошадью.[59] Туркмены сарыки отмечали, что в состав аламана могли входить лошади чистокровные и алаша, т.е. полукровки, которые уступали первым в скорости, но зато были предельно выносливы и могли брать на себя значительный груз.[60] По словам информанта-йомута, на аламан брали одного коня, на котором находился только всадник и его оружие.[61] Вышеперечисленные качества туркменского скакуна, его исключительная выносливость позволяли обходиться в аламанах без заводных лошадей, или во всяком случае свести их число к необходимому минимуму, что избавляло туркмен от тех сложностей, которые возникали при передвижении с большим числом животных (рис.8).

В тех случаях, когда отряд совершал набег без каравана сопровождения наиболее остро вставал вопрос о том грузе, который всадник брал с собой в поход. Туркмены шли по пути максимального уменьшения количества провианта и походного снаряжения. Внешний вид коня, готового к походу, согласно описанию эпоса, выглядел следующим образом: «Завели игиды своих коней в конюшню, а там сорок оседланных, взнузданных коней. Попоны сложены и привязаны за седлом и хвосты у коней подвязаны».[62] Среди йомутов, хвост коня, завязанный на скачках в косицу, назывался гойругуны ишме.[63] В.Р. Янборисов следующим образом описывает снаряжение верхового коня: «у задних окончаний полок (гаптал) туркменских седел пробоями крепилось по кольцу (ганджиганын хакасы) для тороков. К ним особыми веревками привязывалась скатка, содержавшая необходимые для воина и его коня вещи: попону (ат, кече, бастырык), подседельник (йона, текельтки), мешок для съестных припасов (хурджин), мех для воды (мешик). Пиала в специальном футляре крепилась к передней луке седла».[64] Мешик, собственно бурдюк, изготавливался из шкуры козы и, по словам наших информантов, вмещал в себя 3—4 ведра.

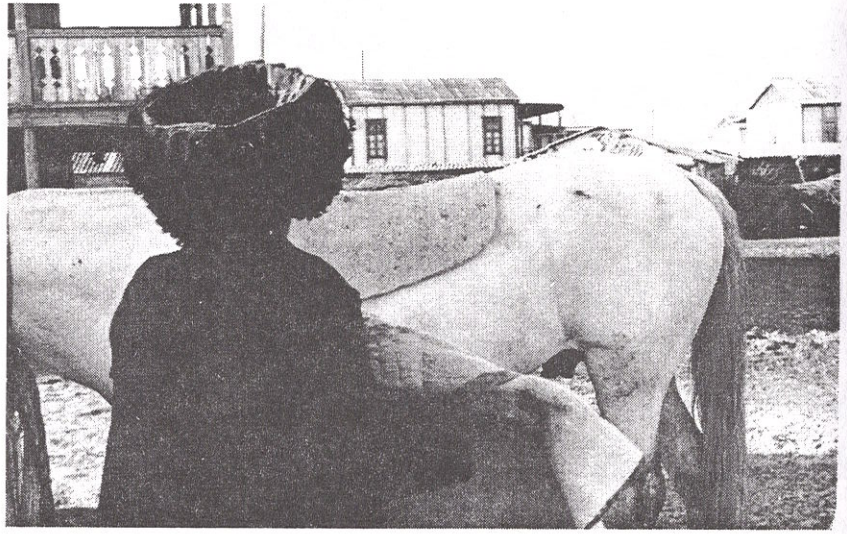

а

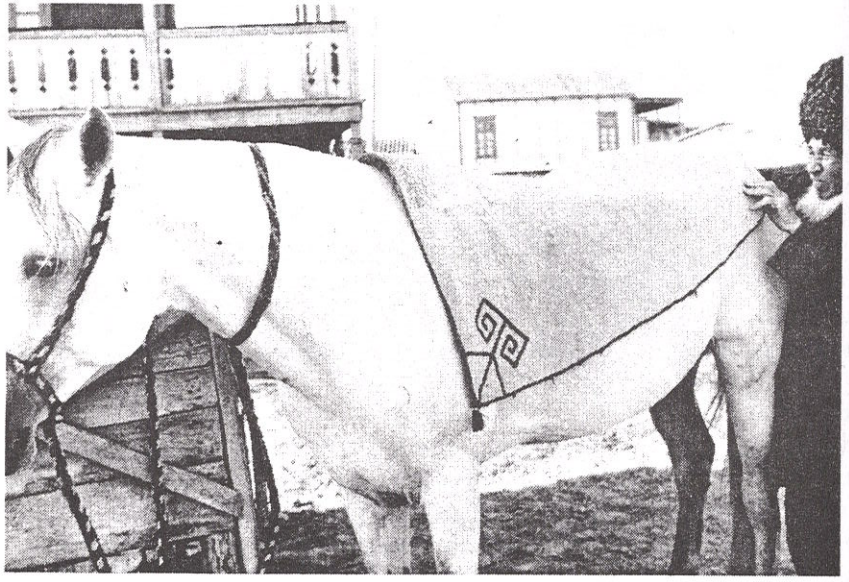

б

Рис. 8. Седлание коня. Селение Гидри-Орум, Кызыл-Арватский район, Туркменистан. Фото автора 1988 г. Хозяин коня Ниязджан Омчали (1907 г.р., йомут-джафарбай). Конь йомутской породы 11 лет. Постоянный чемпион района на традиционных в 1970—1980-х годах ноябрьских скачках. Масть гок-гыр. Кличка коня Гыр-дэли (*гыр* — серый, *дэли* — сумасшедший). По словам информанта, масть гок-гыр была традиционно излюбленной мастью у туркмен. Неслучайно, видимо, легендарный конь Гер-оглы имел имя Гыр-ат (собственно серый конь).
а — на шее коня *боюн-баг* — широкая, пестрая полоса, защищающая коня от сглаза, которая никогда не снималась.
б — *янтанап* — недоуздок (туркм. *танап* — веревка), толстая, свитая из двух полос черно-белая веревка.

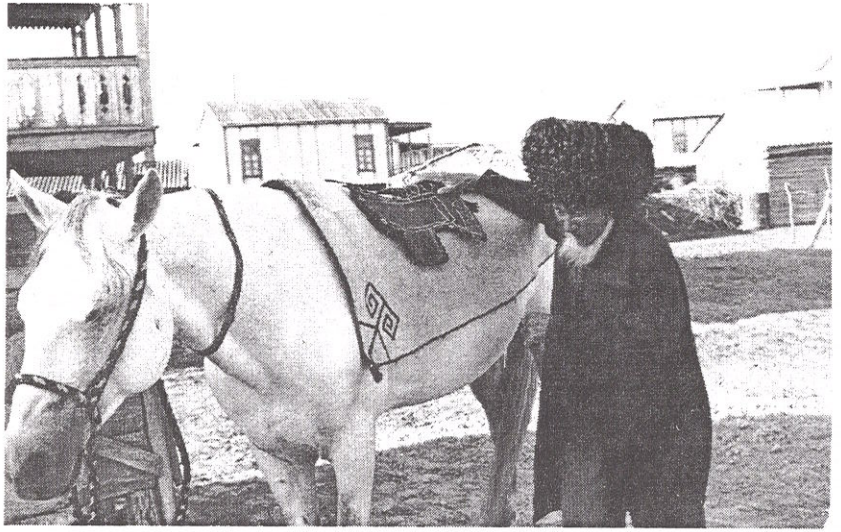

в

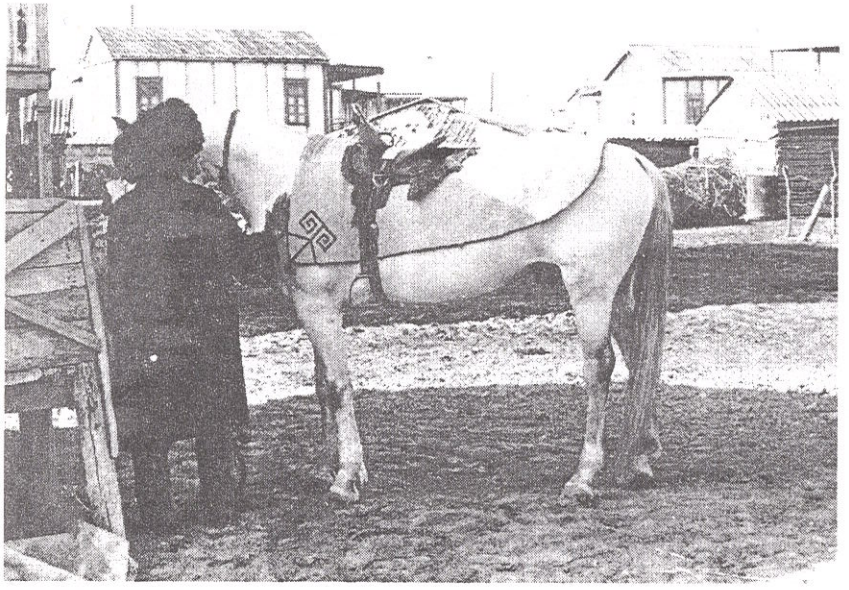

г

в — ичерги (туркм. *ичерги* — внутренний) — небольшой белый войлок, потник.
г — ичерги — большой белый войлок.

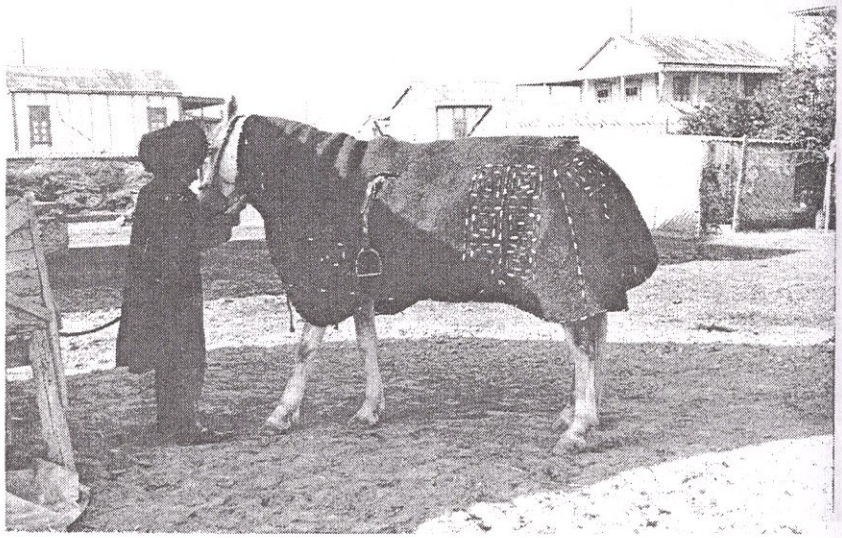

д

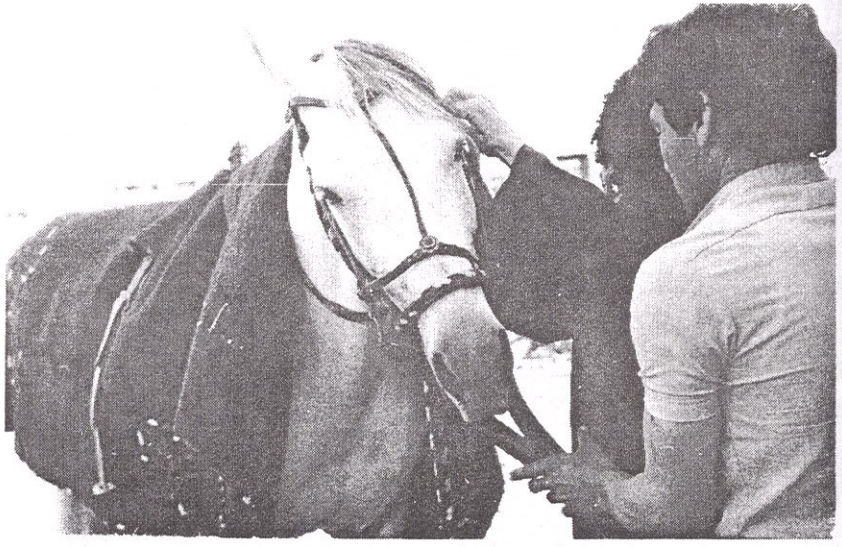

е

д — кетельтги — кожаный подседельник.
е — ийер — седло; *чеки* — ремень, крепящий седло; *узенги* — кожаные ремни для стремян; *узенги демир* — стремена.

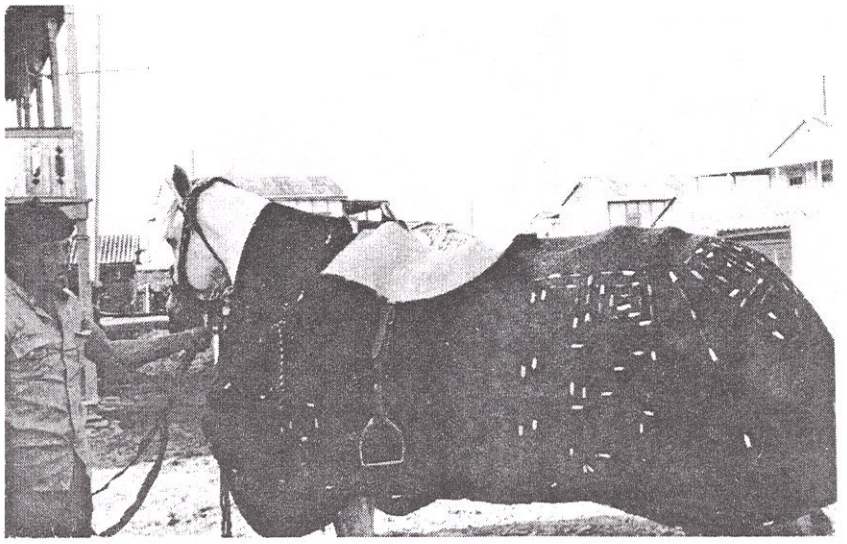

ж

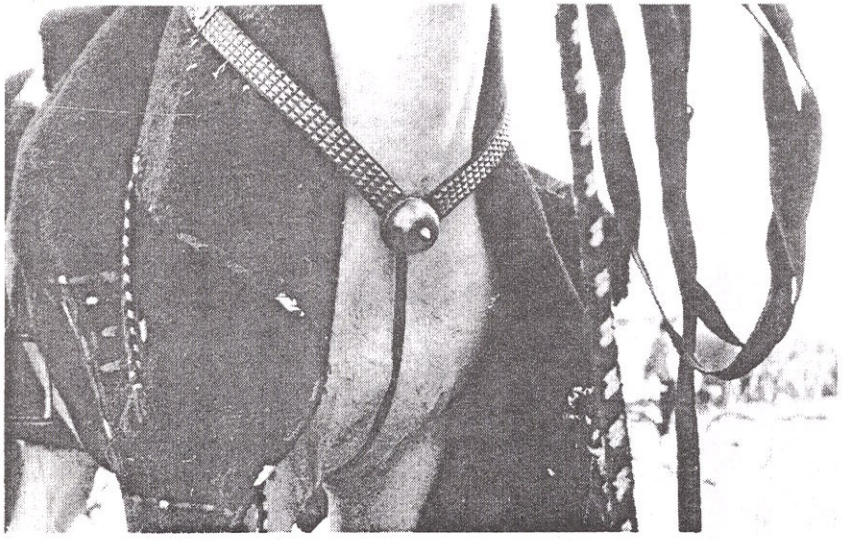

з

ж — гезермен — большая попона из черного войлока.
з — уён —уздечка; *джийлов* — повод; *агыз дырык* — удила.

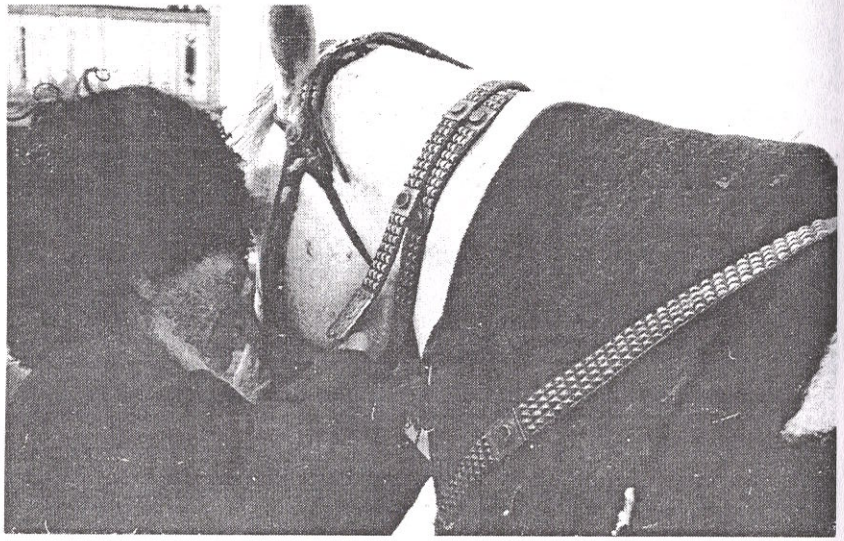

и

к

и — ийер кече — небольшой войлок на седло.
к — геус бенд — ремень с серебряными бляшками и куполовидным украшением на груди.

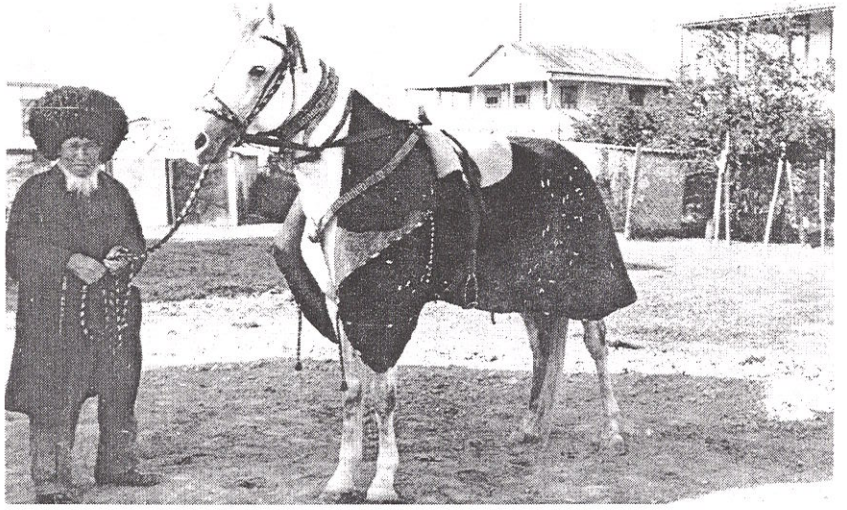

л

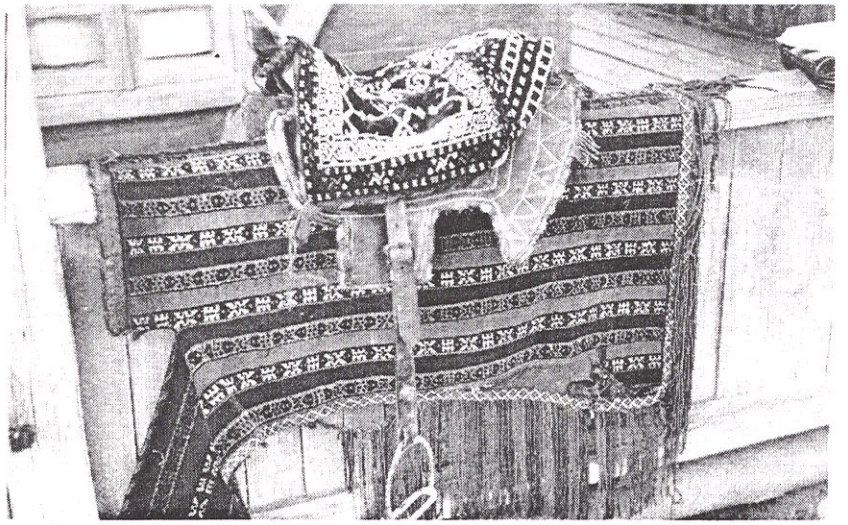

м

л — ала гайыш — три ремня на шее, к нижнему из которых крепится гупба (туркм. *ала* — пестрый, *гайыш* — выделанная кожа).
м — гупба — серебряное украшение (основное значение слова *гупба* — серебряное украшение, нашиваемое на девичью тюбетейку).

н

о

н — общий вид коня.
о — ийерлик — ковровое покрытие седла. *Койнекче* — ковровая попона, которая надевается на гезермен.

Этой воды должно было хватить всаднику на расстояние от колодца до колодца.[65] Из снаряжения, не занимавшего много места и имевшего незначительный вес, можно упомянуть фисташковую палку (галкан таяк), которую брали с собой сарыки для отражения сабельных ударов,[66] и специальный мешок для сбора конского навоза. При отступлении мешки подвязывали под хвосты лошадей, уничтожая таким образом следы пребывания отряда на местности.[67]

«Отправляясь в набег,— отмечает один из авторов конца прошлого века, — туркмен берет с собой только котомку с запасом ржи, ячменя или сорго для своего коня, да хлеба для себя. Вся эта провизия для всадника и коня вместе весит очень немного и ее должно хватить иногда на целый месяц».[68] По сообщению нашего информанта-сарыка, с собой в аламан брали только кусок хлеба и мешик с водой.[69] О местности, примыкающей к Афганистану, Лессар писал следующее: «Одно из удобств этой местности для разбоев — это возможность осенью везде найти хотя какую-нибудь пищу, от голода человек не умрет, разбойники не могут взять с собою в дорогу много хлеба и дополняют недостаток его фисташками, собранными с деревьев, которые здесь по холмам в изобилии».[70]

Не всегда рацион участников набега ограничивался минимальным запасом муки или хлеба, но и в тех случаях, когда провиант был менее скудным, он должен был соответствовать основному требованию — не занимать много места, быть удобным при его использовании. Туркмены, помимо уменьшения рациона, использовали в походе своеобразные полуфабрикаты, среди которых, в первую очередь, можно отметить курт (род сушеного сыра), который в соединении с кипятком представлял удобную в приготовлении пищу. Широко использовался во время похода каурдак — жареная баранина. Образовавшееся после жарки остывшее сало представляло собой отличный консервант, надежно сохранявший мясо на длительный срок. Сарыки отмечали, что во время аламана готовился гомме-нан — хлеб, выпекавшийся в раскаленном после костра песке (глагол гоммек — закапывать). Удобны в походе были и кульче — небольшие лепешки, в состав которых входили яйца и масло. Лепешки отличались своей жесткостью и питательностью.[71] Лепешки специального приготовления, используемые в походе, в целом известны были всем туркменам. Насколько они

были характерны для человека в походе, говорит эпос: «Да вот еще: когда Гер-оглы собирается ехать куда-нибудь, он приторачивает к седлу запасы на сорок—пятьдесят дней: два хорджума молочных лепешек, два фунта ароматного чая, десять агри каршинского табаку, десять порций терьяка».[72] Или: «...привязав попону за седлом, завязал хвост узлом и поехал ходом "сепджин", приговаривая: "В пустыне у меня от кульче кишки склеиваются"».[73]

Туркмения, помимо барханных и грядовых песков, включает в себя и другие ландшафтные зоны, а именно: оазисы, тугаи в долинах рек, горы, покрытые арчевым редколесьем и кустарником. В течение XIX в. и в предшествующий период происходило постоянное передвижение крупных родовых групп и отдельных племен. Это обусловило ситуацию, при которой военная практика каждого племени складывалась в различных ландшафтных зонах, как на открытых пространствах, так и на закрытых для обзора, где должна была сформироваться иная, чем в зоне степей и песков, система ориентации и ведения боя. Вырабатывалась высокая степень универсализации туркменского воина, способного действовать равным образом успешно в различных физико-географических условиях местности, которые и обусловили формирование определенного набора тактических приемов этого народа (рис.9—12).

К числу наиболее излюбленных приемов ведения боевых действий в горах было создание засад на перевалах. Данный сюжет является одним из самых распространенных в эпосе Гер-оглы. «А караулить у горного перехода оставили Дяли-Мятела, Сейтек-Гырма и других. "Появится караван — дадите знать!" — сказали им. Грабили торговцев, проходящие караваны — вот чем занимались эти нукеры».[74] Или: «Прослышал Гер-оглы о его походе. Оставил он в карауле у горного прохода Дяли-Мятела, Сейтек-Гырма».[75] Герой и сам пользуется этим тактическим приемом: «А там по широкой дороге дошел до горного прохода. Прошел он на другую его сторону и укрылся в горной пещере... Этим проходом двигались люди с базара. Гер-оглы им было не видно».[76] В своей песне Гер-оглы, в частности, отмечает: «Горный проход я сторожил оттуда, стрелял я по врагу».[77]

У туркмен-йомутов нам была рассказана одна из историй их столкновений с текинцами. Согласно этой истории, отряд

Рис. 9. В конце XIX в., после присоединения Туркмении к России был создан Туркменский конный дивизион милиции. Подавляющее большинство всадников, состоявших на службе, были текинцы. Формирование милиции осуществлялось исключительно на добровольной основе. Всадники дивизиона, имеющие прекрасную кавалерийскую подготовку, использовались при несении пограничной службы, а также при выполнении заданий, требовавших знания местности. Фотографии туркменских милиционеров относятся к концу XIX в. и фиксируют начальный этап существования этого национального формирования Российской армии, боеспособность которого заслужила от современников самую высокую оценку.
Текинские милиционеры в строю. Милиция Закаспийской области насчитывала в конце XIX в. 5 офицеров и 384 человека нижних чинов (РЭМ, № 40-146).

Рис. 10 Текинец в форменной одежде конно-иррегулярного дивизиона. Папаха (тельпек), халат с погонами. Буква «А» на погонах, вероятно, означает «Ахал» — район комплектования или «Ашхабад». (РЭМ, № 40-107а).

Рис. 11. Текинские милиционеры. К перекинутой через правое плечо портупее крепится сабля. Кавалерийский карабин в чехле (РЭМ, № 1005-3).

Рис. 12. Всадники туркменского дивизиона (РЭМ,№ 1005-4).

текинцев, пользуясь отсутствием в оба йомутов мужчин, отправившихся на свадьбу, напал на беззащитное селение. Благодаря счастливому стечению обстоятельств,удалось подать весть, и мужчины прямо со свадьбы кратчайшим путем достигли горного перевала, где и устроили засаду. Отряд текинцев,обремененных добычей и пленными,подошел к этому месту. Заметив засаду,текинцы бросили добычу и попытались прорваться, но были все истреблены йомутами или сорвались в пропасть с обледенелой тропы. Оставшегося в живых всадника йомуты отпустили домой, чтобы он смог передать соплеменникам весть о случившемся.[78] По устному сообщению Ата Джикиева, сотрудника института истории, в Гяурском районе к югу от Аннау стояла гала,носящая имя Гармыза-гала, которая перекрывала горный проход со стороны Ирана.[79]

Туркмены умело использовали в военной тактике не только особенности пустынных или горных ландшафтов, но и заросли камышей и тугаи,занимающие значительные площади. Но если горные проходы, точно так же, как и колодцы, являлись тем пунктом, куда неминуемо приходили караван или вражеский отряд, а следовательно они рассматривались как идеальное место для засады, то заросли использовались обычно в качестве надежного укрытия от погони. Герои эпоса активно пользовались этим средством. «Испугался его Гер-оглы. Быстро сошел он с лошади, бросил ее и надежно укрылся в тростнике».[80] В своем рапорте, направленном в Красноводск,Яглы-Олумский воинский начальник,в частности, сообщает: «Казаки не могли догнать йомутов, один из них, бросив лошадь и ружье, скрылся в камышах».[81] Во время карательной экспедиции генерала Мадридова,йомуты в момент атаки «скрывались в густых камышах», после чего вновь совершали ответное наступление и вновь, «бросив аул, рассыпались по камышам».[82] Точно так же, по сообщениям информанта-эрсаринца, когда отряды Красной Армии пришли в район Ламбы, местное население, опасаясь репрессий, заблаговременно скрылось в зарослях прибрежного района Аму-Дарьи.[83] Среда обитания таким образом явилась определяющим фактором, обусловившим сложение характерной для туркмен тактики ведения оборонительных и наступательных действий: состав отряда,как правило,отличался своей малочисленностью, военные действия велись с опорой на караван сопровождения,

важнейшим слагаемым успеха боевой операции являлось использование лошадей местных пород.

Насколько важное значение имели условия местности, доказывают рекомендации А.Б. Борисова,которые он предлагает для ведения войны в пустыне: «В условиях борьбы... в пустыне большую пользу принесла бы высылка серии смешанных самостоятельных небольших разъездов в составе особо выдающихся командиров,бойцов-добровольцев и местных жителей (т.е. тех,кто прекрасно ориентируется на местности. — *Ю.Б.*),посаженных на лучших текинских лошадей,обеспеченных зерном, сухарями и бурдюками с водой на несколько дней и находящихся в непосредственной близости от противника с задачей производить разведку путем наблюдений, поисков, налетов, захвата контрольных пленных».[84] И далее в качестве вывода: «В условиях Средней Азии... кавполки должны иметь вполне законченную организацию отрядного типа,позволяющую самостоятельно разрешать поставленные задачи как в борьбе за населенные пункты, так и в пустыне».[85] Нетрудно увидеть, что система мелких отрядов, которую предлагает офицер регулярной армии в качестве оптимального варианта для ведения боевых действий в этой местности,есть традиционная туркменская система аламанов.

В XIX в. ведение войны в Туркмении — это ведение малой войны, крупномасштабные боевые операции организуются сравнительно редко. Но «незначительность» аламанов не мешала оставаться им мощным средством ведения войны. Излюбленным приемом кочевников издревле была организация непрерывной цепи мелких набегов на территорию врага, что приносило ощутимые результаты, в том числе такие, как присоединение всей территории или ее части.[86] Именно такого оборота дела опасалось командование российского экспедиционного корпуса в своем движении в текинский оазис: «Неприятель этот, как показал прошлый год, едва ли где доставит нам случай нанести ему поражение в большой массе и откроет против нас самую неудобную для нас малую партизанскую войну».[87] Туркмены прекрасно осознавали, насколько пагубной для противника была тактика проведения постоянных набегов. Об этом с полной очевидностью можно судить по высказыванию одного из сподвижников Гер-оглы, угрожающего своему врагу: «А иначе, как говорят: “Страну

губит грабитель". Сегодня явится — разграбит,завтра явится — разграбит и послезавтра придет — разграбит. Торговцев твоих из крепости не выпустит, не даст выгнать скотину в поле, обложит тебя со всех сторон,тагсир,плохо будет тебе!».[88]

Удачное проведение аламана зависело от множества причин, среди которых секретность предстоящей операции являлась одной из самых важных. В туркменской среде предательство отсутствовало практически полностью. Командующий Ахал-Текинского отряда (1879 г.) генерал-майор Ломакин, в частности, отмечал: «Замечательная черта у текинцев — это полная невозможность достать верных лазутчиков ни за какие деньги».[89] В качестве излюбленного приема, позволяющего туркменам сохранять в тайне истинную цель их нападения, было распространение дезинформации. Прием был настолько часто ими употребим,что к любым сведениям о готовящемся набеге туркмен русские военные власти относились весьма критически — «Хотя к этому слуху и следовало относиться с большей осторожностью,потому,что когда текинцы распускают слух о намерении напасть на какой-нибудь пункт, их надо ожидать всегда совсем в другом направлении».[90]

Одежда,в которой туркмены ходили в набег,должна была отвечать требованиям, предъявляемым условиями походного быта. Во-первых, она должна была быть удобной, именно такой и является весь комплекс одежды кочевников. Любопытно,что А. Вамбери счел возможным выделить аламаны как одну из причин,повлиявших на формировании туркменского комплекса одежды. «Так как все внимание туркменов обращено на их главное занятие — хищнические набеги, то совершенно естественно, что многие их обычаи соответствуют этому занятию. Их одежда, хотя первоначально заимствованная из Хивы, делается короче и уже, чтобы удобнее можно было сидеть на лошади, тяжелая меховая шапка заменяется маленькою. Штаны у них весьма широки».[91] Во-вторых, с полной очевидностью прослеживается защитная функция одежды. Туркмены-сарыки говорили о том,что в аламаны часто надевали короткий тулуп-постун,чтобы предохранить всадника от сабельных ударов, или надевали на себя с этой целью несколько халатов.[92] Один из участников похода в Ахал, наблюдая за группой всадников-текинцев, отметил, «как из-за распахнувшихся на их коленях коричневых халатов виднелись

вторые халаты, не столь яркого цвета».[93] В-третьих, хотя у нас нет прямых свидетельств, что туркмены использовали в набегах одежду маскировочного типа, однако подобная одежда им была известна и употреблялась на охоте. Наш информант — старый охотник — говорил,что его одежда состояла из чекмена, изготовленного из светлой верблюжьей шерсти цвета меле, т.е. песочного цвета. На голову он надевал шапку — шигерма из овчины мехом внутрь. Головной убор был небольшой по размеру. Штаны — балак цвета меле или обычного белого цвета, но в этом случае штанины заворачивались выше колена. На ноги надевались елкен, — обувь, изготовленная из верблюжьей шкуры. Такая одежда позволяла ему незаметно приближаться к стаду джейранов.[94] Иногда ради удобства при ведении боевых действий туркмены вообще снимали одежду, о чем, в частности, упоминает один из участников Ахальской экспедиции: «Был впрочем случай, когда голый текинец, вымазавшись салом, чтобы лучше вырваться, отнял ружье от часового».[95]

И последнее замечание относительно одежды, использовавшейся в походе. У нас нет сколько-нибудь серьезных свидетельств того,что туркмены в конце XIX—начале XX в. ходили в аламан в праздничной одежде. Так, в частности, кара-калпаки отмечали, что набеги совершались туркменами в повседневной одежде.[96] Тем не менее, традиционно одежда воина была,по всей вероятности,именно такой. Согласно эпосу, Гер-оглы, отправляясь в поход «одевался великолепно: сапоги из сагры, подбитые золотыми гвоздиками... по-царски пышная одежда, на голове шапка из меха выдры, а сверху надевал он чекмень из френкского сукна».[97] Упоминание о нарядно одетых всадниках,отправляющихся в набег,можно встретить и в литературе.[98] По сообщению одного из наших информантов-геклен, в аламан ходили в белых тельпеках, при этом головные уборы мыли в молоке,чтобы овчина стала ярче, и в яичном желтке,чтобы закрепить завитки на овчине. При этом информант подчеркивал,что подобным образом готовились так только к свадьбе и аламану.[99]

Кроме того, если мы вспомним информацию о том, что иногда аламан совершался со свадьбы,то наличие праздничной одежды на участниках набега не вызывает сомнения.

При проведении атаки на открытой местности, например на караванной тропе, первостепенное значение приобретала правильно организованная засада и внезапное нападение, упоминание о которых содержится практически в каждом описании военных действий с участием туркмен.[100] При этом туркмены весьма активно использовали в своих атаках «дымовую завесу». Вот одно из описаний атаки туркмен, где ими использовался этот прием: «Вынужденные отразить нападение или защищать позицию, они с оглушительными криками вздымают в воздух пыль и двигаются вперед, как бы покрытие тучею».[101] Или впечатление очевидца от конной атаки туркмен, где «дымовая завеса», хотя и не была умышленно создана наступающими, но, без сомнения, принималась ими в расчет: «Удивительно эффектную картину представили эти текинцы, когда вынеслись из-за кургана вслед за джигитами. Первые секунды ничего, кроме облака пыли, не было видно».[102] Насколько этот прием был излюблен туркменами, говорит уже тот факт, что он обыгрывается в сказке, герои которой прибегают к нему, чтобы обмануть своих врагов. «Вон там издали движется тонкий столб пыли, это петух, сидя на осле едет и пылит. Чем ближе подходит к крепости, тем больше пускает пыли. Другой (див. — *Ю.Б.*) взобрался на верх крепости: Эге-гей! Сам идет, — закричал он и свалился вниз».[103] Следует отметить, что использование «дымовой завесы» было характерно и для тактики казахов. Наш информант-йомут рассказывал, что, когда казахи атаковали ак-ойли, участником которого был он сам, то некоторые из атакующих, шедших в первом ряду, вздымали ладонями в воздух песок, летевший на туркмен.[104]

При набегах на укрепленные пункты туркмены, как правило, дожидались утра, когда открывались ворота для выгона скота.[105] Это был наиболее безболезненный способ проникновения за линию стен. Туркмены, как уже отмечалось, также успешно штурмовали стены с помощью лестниц,[106] кроме этого у туркмен вырабатывались приемы, позволявшие им преодолевать подобные укрепления. Например, в среде туркмен была популярна игра тахья качарды. Упражнение заключалось в том, чтобы сорвать ногой положенную на стену тахью. Головной убор клали таким образом, чтобы край его нависал над краем. Согласно правилам, участник игры должен был разбежаться,

оттолкнуться ногой от стены, с тем чтобы другой ногой сорвать тахью с ее места. Высота стены, на которую клали головной убор, составляла в среднем три метра. По словам информанта, был случай, когда один из участников смог «снять» тахью со стены высотой 4—4.5 м. Это был результат, к которому безуспешно пытались приблизиться остальные.[107] Игра эта была доступна практически всем, и не вызывает сомнения тот факт, что мастерство, приобретенное в результате многолетних тренировок, позволяло успешно справляться с задачей преодоления линии неприятельской крепости. Сюжет, связанный со штурмом крепостей, встречается также в эпосе, когда главный герой преодолевает стену, используя подручные средства, в частности хорджум. «Потом направился в конюшню, поясом перетянул хорджум посередине и выбросил в отверстие. Хорджум упал по другую сторону стены. Ухватившись за пояс, выбрался и Гер-оглы, карабкаясь, как обезьяна».[108] Наш информант-сарык говорил об умении одного из представителей тире джантай ловко преодолевать стены. Он привязывал салле к камню, и перекинув его за стену, перебирался на другую сторону.[109]

Относительная малочисленность аламана создавала ситуацию, при которой успех операции зависел от умения и навыков практически каждого из его участников. Следует, во-первых, отметить удивительную монолитность отряда. Участники набега перед выходом в поход давали друг другу и сердарю клятву на верность, которая не нарушалась во время набега. И даже если сердар не справлялся со своими обязанностями предводителя, его приказы выполнялись беспрекословно до возвращения в оба.[110]

Взаимовыручка туркменских воинов была безупречной Мак-Гохан отмечал: «Падение его (туркмена. — *Ю.Б.*) должно быть не было замечено его товарищами, иначе его конечно увезли бы отсюда, так как у них считается постыдным оставлять своих убитых и раненых в руках неприятеля».[111] Во-вторых, личное мужество туркмен, о котором упоминали многие наблюдатели.[112] В-третьих, можно говорить об определенной специализации воинов отряда. По словам Амансахатова Сары, у каждого в отряде был свой «конек» — один знал дорогу, кто-то хорошо ориентировался в ночи, были специалисты по колодцам, кроме того кто-то обязательно умел метко стрелять

на скаку, нередко был и исчи — следопыт.[113] Туркменские исчи достигали поразительных результатов при распознавании следов животных и людей.

Не менее,чем захват добычи,ответственной частью операции являлся благополучный отход, особенно если за отрядом организовывалась погоня. И здесь также просматривается определенная специализация воинов. По словам текинца Созенова Берды из селения Дурун, юкчелер, т.е. те, кто доставляет груз,уходили первыми,в то время как в арьергарде с сердаром оставались наиболее боеспособные участники набега.[114] Согласно другой информации,примерно 30 процентов всего отряда составляли так называемые «юк даянчи». Именно эти люди,обладавшие в наибольшей степени боевыми навыками, на лучших конях первыми уходили с добычей. Им отдавалась наиболее ценная часть всей олджи.[115] Вот как описывает хивинский историограф отступление ханского аламана с добычей: «Алаш-бий отправил вперед многочисленную добычу и тех, у кого были слабые лошади, а сам с теми, кто был на добрых конях, стал медленно двигаться позади, выстроив свои войска в боевой порядок. Тем временем теке разделились на две части и с двух сторон храбро бросились в атаку.[116] В этом кратком отрывке нашли отражение не только характерные приемы туркмен при отходе,но и основной их принцип атаки — охват на флангах, с выходом в тыл. Алиханов-Аварский также отмечает, что аламан при отступлении делился на две партии. Одна угоняла добычу, вторая на лучших конях двигалась в арьергарде, прикрывая своих товарищей.[117]

Угнать скот представлялось большим искусством. Часто в критических ситуациях аламанщики должны были довольствоваться только верблюдами, как наиболее мобильными животными. Управление скотом должно было быть на самом высоком профессиональном уровне. Представление о таком мастерстве может дать описание схватки казаков с туркменами-йомутами, произошедшей в начале прошлого века: «Йомуты, которых было у гуртов около пятисот человек, разбежались. Гурты же скота, сопровождаемые спрятавшимися среди них пешими йомутами-погонщиками, продолжали продвигаться по своему пути. Эти же спрятавшиеся среди скота погонщики-йомуты обстреливали казаков. Гурты

не успокаивались, послушные воле своих погонщиков, искусно руководивших ими изнутри, они крутились на одном месте и никак не хотели выходить на дорогу». Казакам так и не удалось захватить скот у туркмен. Потеряв на эту безрезультатную работу около семи часов, их отряд был вынужден оставить скот йомутов,которые уже беспрепятственно продолжили свой путь.[118]

Следует отметить еще одну особенность, свойственную туркменским воинам, а именно: их способность и любовь к ведению боевых действий ночью.[119] Свои атаки на отряд генерала Скобелева текинцы предпринимали исключительно в ночное время.[120] Навык этот вырабатывался с самого раннего возраста и был результатом постоянного участия мальчика, а затем уже и юноши в различных играх, многие из которых проводились в темное время суток.[121] Некоторые игры, участниками которых были юноши возраста джагыл, напоминают по сложности задания, скорее, уже военные маневры. К таким играм можно отнести игру гум гитди (ушел в пески). Участники игры разбивались на две команды, одна из которых пряталась, другая должна была найти своих соперников. Перед нами игра в прятки,но с той существенной поправкой, что условия игры значительно осложнены. Игра протекала вне оба, устанавливались границы территории, площадь которой могла составлять примерно 5 кв.км. Иногда такая игра продолжалась до двух суток.[122] В дальнейшем умение ориентироваться на местности и действовать в ночное время закреплялось и развивалось уже непосредственно во время ведения боевых действий.

Аламаны с небольшим числом участников в конце XIX—начале XX в. являлись, как уже отмечалось, наиболее характерными для туркмен. Тем не менее, это, конечно, не означает, что туркмены не проводили значительных по масштабу военных операций. Вероятно, одним из последних таких набегов, если не самым последним в военной истории туркмен,можно рассматривать аламан,предпринятый йомутами под руководством Джунаид-хана. Им была предпринята серия набегов в годы гражданской войны в Средней Азии на территорию Кара-Калпакии. Аламан начался поздней осенью, после того, как появилась возможность перейти Аму-Дарью по вставшему льду. В отряд численностью в 300 (а по

некоторым данным 500) всадников входили представители различных племен, но ядро составляли, главным образом, йомуты. Проделав расстояние до первых кара-калпакских селений, все силы аламана рассредоточились на отдельные группы,которые должны были определенное время действовать самостоятельно. Количество людей, входивших в эти группы, зависело от конкретной задачи, стоявшей перед ними. Каждую группу составляли представители одного родового подразделения. Эти небольшие временные формирования. приблизившись к селению,окружали его,совершали нападение, уводили пленных и скот. Нападающие не задерживались в селениях, тем более там не ночевали. Максимально снижая время на стоянках, каждый отдельный отряд двигался в общем для всех сил направлении. Группы, действующие в непосредственной близости друг от друга, координировали свои нападения через связных, кроме этого заранее были оговорены предполагаемые места сбора. Всадники, встретившиеся в этих пунктах, объединяли добычу и под конвоем отправляли ее в Туркмению. Освобожденные от груза и скота отряды вновь расходились и продолжали прерванное движение. Использование такой тактики позволило за относительно короткий срок совершить аламан на обширнейшей территории. Согласно информации очевидцев, путь Джунаид-хана пролегал через следующую местность: Турткуль, Чимбай, Тахтакупыр, Нукус, на правом берегу Аму-Дарьи, на левом берегу — Кунград, Ходжейли, Шабаз, вплоть до Кызыл-Ордынской области — Айдасхала-Каратерин, Чобан-казгаи.[123]

Сравним этот аламан с описанием набега крымских татар на Украину в XVII в. «Приближаясь к границе,устраивали свое войско в три отряда: 2/3 составляли главный корпус, а 1/3 — правое и левое крылья. Здесь уже татары делали быстрые переходы. Крылья разделялись на пяти-,шестисотенные отряды, отделялись от главных сил и рассыпались по селениям, к которым старались подойти ночью,окружали ее со всех сторон и,чтобы никто не ушел оттуда,зажигали вокруг селений огни. Эти отряды удалялись в сторону не далее 40—50 верст и, приобретая добычу, возвращались к главным силам. Тогда для составления крыльев отделялись новые войска и продолжали действовать также».[124] Привлекает внимание очевидное сходство

основных тактических принципов, заложенных в проведение этих,столь отдаленных друг от друга по времени, набегов.

Ценным источником при разработке широкого круга вопросов, связанных с традиционной тактикой туркмен, может служить комплекс холодного оружия, употреблявшегося в военной практике. При рассмотрении комплекса холодного оружия туркмен нами будут изучены образцы, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Российском этнографическом музее. Имеющиеся в литературе сведения,а также полевой материал,который автор собирал с В.Р. Янборисовым, позволяет утверждать, что сравнительно небольшое количество рассматриваемых предметов практически полностью отражает комплекс холодного оружия, традиционно бытовавшего у туркмен. Согласно одной из принятых в оружееведческой литературе классификаций,холодное оружие делится на три группы: белое, древковое и ударное.[125] Туркменское оружие представлено в коллекциях МАЭ и РЭМ первыми двумя группами. Бытование оружия третьей группы — ударного — относится к ранним этапам военной истории туркмен и не является для них типичным. И хотя в эпосе Гер-оглы упоминаются различные виды этого оружия, оно, тем не менее, не занимает в том же эпосе центрального места, а является, скорее, средством создания вокруг образа героя атмосферы величия происходящих событий.[126]

К первой из двух групп относятся сабли и ножи (рис.13). Рассматриваемые образцы туркменских сабель (гылыч) однотипны. Клинки сабель стальные (купаш),кованые, однолезвийные, в сечении подтреугольные, от пяты до середины практически прямые, с изгибом к заостренным концам. Отработанная режущая кромка, еламани, долы, а также декоративное оформление отсутствуют. Рукояти сабель (тутай) образованы двумя железными (демир) полосами, скрепленными по бокам деревянными, обтянутыми кожей (РЭМ, кол.12-90) или костяными с железной заклепкой (5910 — 125: а) накладками. Железные головки рукоятей с заклепкой расположены перпендикулярно по отношению к вертикальной оси последних. Перекрестья и крестовины железные, прямые. Туркмены носили сабли на левом боку. Ремни портупеи перекрещивались, соединяясь серебряной

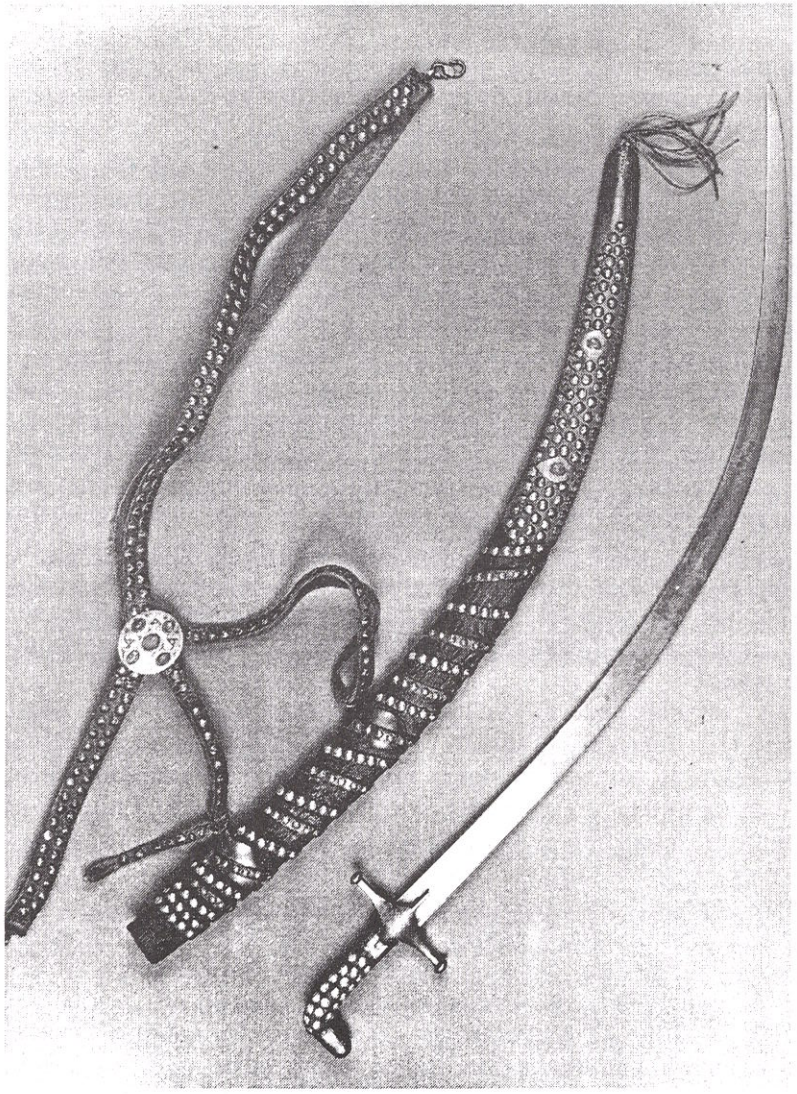

Рис. 13. Сабля с ножнами туркмен-текинцев (РЭМ № 12-90).

бляхой-распределителем (ГМЭ, кол.12-90) или сплетаясь (5910 — 125: б). Портупея перекидывалась через правое плечо, соединяясь на груди «S»-видной бронзовой литой застежкой и двумя приемниками из аналогичного материала. Окончание застежки оформлялось в виде головы птицы. Способ ношения сабли у туркмен являлся этномаркирующим признаком. По мнению Н.И. Гродекова, «сами туркмены определяют принадлежность того или иного индивидуума к тому или иному племени по неуловимым для нашего глаза отличиям в способе повязывать саблю».[127]

В военной практике туркмен широко использовались сабли местного производства. И.В. Виткевич, совершивший в 30-х годах XIX в. путешествие в Бухару, говоря о вооружении хивинских воинов, в частности, отмечает следующее: «Сабли были у всех, сабли туркменской и своей работы».[128] О туркменах Хивы Гиршфельд и Галкин писали, что «шашки у них очень плохие, местной работы».[129] В. Кениг сообщает, что местная металлообработка ограничивалась главным образом изготовлением простейшего сельскохозяйственного инвентаря и холодного оружия: наконечников пик, сабель и ножен.[130] К. Нурмухамедов в числе распространенных среди мервских и ахальских текинцев ремесел выделяет кузнечное, оружейное и ювелирное.[131] О производстве холодного оружия у западных йомутов пишет А. Оразов.[132] В то же время некоторые авторы отрицали факт производства туркменами собственного оружия. Так, в литературе высказывалось мнение, что «их (туркмен-йомутов) кривые сабли хорасанского приготовления по большей части очень дурного качества».[133] С.М. Дудин утверждал, что «шашки и ножи... туркмен чаще всего персидской работы».[134] И.Ф. Бларамберг, говоря о йомутах, отмечал: «Сабли у них кривые и бывают иногда из хорошего Хорасанского железа; это главное их оружие».[135] В этой связи необходимо отметить, что, безусловно, туркмены наряду с оружием местного производства широко использовали привозные (трофейные) сабли. Это создает определенные трудности при выделении собственно туркменских клинков. Необходимо учитывать также, что длительные исторические контакты туркменских племен с населением северного Ирана не могли не привести к взаимовлиянию в военной сфере и, в частности, — к унификации оружия. Тем

не менее, сабли неместного производства должны были соответствовать требованиям, предъявлявшимся туркменами к холодному оружию.* Следует отметить также, что ярким этномаркирующим признаком являются элементы декоративного оформления туркменских сабель и ножей. В пользу этого свидетельствует сравнение последних с аналогичными видами оружия соседних народов. Относительная простота изготовления сабель и ножен при достаточно высокой степени развития у туркмен деревообрабатывающего, кожевенного, ювелирного, литейного и кузнечного ремесел обусловили доступность сабель и их массовое распространение среди местного населения. У туркмен не имели широкого распространения шашки и слабоизогнутые сабли, одинаково эффективные при нанесении колющего и рубящего ударов, т.е. равным образом пригодные для боя в конном и пешем строю. Крутой изгиб клинка туркменской сабли с полным основанием позволяет рассматривать это оружие как приспособленное для рубки с коня.

Нож (пычак) в ножнах (кеин) являлся в прошлом обязательным элементом туркменского мужского костюма. Лезвия (тыг) имеющихся в коллекциях РЭМ ножей стальные, кованые, однолезвийные, в сечении подтреугольные. Клинки прямые, к верхнему концу сужаются, образуя острие. Отработанная режущая кромка, желобки, а также декоративное оформление на ножнах отсутствуют. Фактура клинка одного из ножей (РЭМ, кол.12-177) позволяет утверждать, что лезвие было сковано из нескольких полос стали.[136] Сарыкские ножи, совпадающие, по словам ряда информантов,[137] по форме с

* Показательно, что две сабли образца 1895 г., хранящиеся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи Министерства обороны России (инвентарные номера 116—553; 116554), предназначавшиеся в качестве эталона для вооружения рядового и офицерского состава Туркменского конного дивизиона, по своим тактико-технологическим данным (длина, кривизна изгиба клинка) аналогичны рассматриваемым туркменским образцам. Хотя сами эталоны были изготовлены иранским мастером, не вызывает сомнения то обстоятельство, что при экипировке данного военного подразделения царской армии выбор пал на то оружие, конструктивные особенности которого были наиболее типичны для туркменской сабли.

салырскими, отличаются от текинских и йомутских менее длинным по отношению к длине рукояти и более широким лезвием. Для окончаний рукоятий сарыкских ножей характерно треугольное в сечении углубление. В целом, описанные выше конструктивные особенности позволяют выделить три варианта ножей туркменского типа: текинский, йомутский и сарыкский (салырский).

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет утверждать, что у туркмен не было специальных боевых ножей собственного производства, приближавшихся по конструкции к оружию типа кинжала, отвечающему задачам пешего боя. Цитировавшийся ранее автор сообщает о туркменских ножах, что «маленький не обоюдоострый кинжал имеет скорее назначение столового ножа».[138] В описи музейных коллекций текинский и сарыкские ножи проходят как кухонные.[139] Имеются основания утверждать, что туркменские ножи использовались как в быту, так и в боевых условиях. Определенная специализация ножей все-таки существовала. Так, тяжелые ножи с длинным лезвием использовались при забое крупного домашнего скота. В чисто военных целях туркмены использовали «гамма» — кинжал переднеазиатского производства.[140]

Вторая группа холодного оружия представлена туркменской пикой (найза) (рис.14). Общее описание туркменской найзы выглядит следующим образом: «У большинства туркмен, кроме того, есть пики с тростниковыми, очень легкими и вместе с тем очень крепкими древками. Это оружие, уже чисто туркменское, едва ли не самое удобное и действенное из всего их арсенала».[141] В МАЭ хранится туркменское копье. Наконечник его пики железный, кованый, древко (сом) деревянное. Перо пики четырхгранное,* плавно переходит в малое шестигранное яблоко, практически совпадающее с общим абрисом наконечника пики. Согласно имеющимся данным, древко рассматриваемой пики состояло из двух частей, было

* В туркменском героическом эпосе «Гер-оглы» по отношению к наконечнику употребляется эпитет «четырехгранный». В государственном объединенном историко-краеведческом музее Туркмении (г. Ашхабад) хранится четырехгранный наконечник туркменской пики (инв. номер 22).

Рис. 14. Наконечник пики (МАЭ, № 3113-9).

разъемным.[142] Наличие составного древка объясняется способом использования пики. В боевом положении нижний конец древка пики фиксировался стременем всадника[143] или специальной петлей. При нанесении удара верхняя часть копья оставлялась в теле противника. Необходимый запас верхних (боевых) частей пик находился у всадника или транспортировался на верблюде. Нижняя часть (аналогичная часть описываемой пики утеряна) оставалась в руках воина-всадника, который мог снова ее надставить.[144] Согласно нашему полевому материалу, йомуты не фиксировали наконечники копий на древке. При ударе они оставляли наконечник в теле и надставляли новый.[145] Таким образом, рассматриваемая туркменская пика — оружие многоразового пользования, что выгодно отличает ее от европейских копий, использование которых «в большой мере носило однократный характер, после чего они застревали в доспехах,конской сбруе,ломались, вышибались из рук, даже бросались».[146] Помимо того верхняя часть использовалась в качестве метательного оружия — дротика.[147] Туркменскую пику не коснулась одна из значительных тенденций эволюции копья (утяжеления наконечника,а соответственно и самих копий,что является результатом почти полной утраты метательных функций копья», после чего копье становилось оружием ближнего боя.[148] В целом туркменская пика несомненно является оружием воина-всадника. Разработанность и узкая специализация комплекса предметов холодного оружия туркменского воина-всадника обусловливала способ его употребления. Встречающиеся в литературе многочисленные описания военных действий туркмен подтверждают,что конно-рукопашная схватка являлась доминантой военного искусства туркмен. Так, К.К. Абаза, вспоминая поход военного русского

отряда на Хиву в 1873 г., пишет: «...туркмены свернулись по азиатскому обычаю в темную тучу и с криком ур! ур! стали кидаться, повторяя атаку за атакой».[149] В хивинских хрониках XIX в. находим следующее замечание: «Особый обычай йомутов заключается в том, что каждый раз, когда натиск врага ставит их в тяжелое положение, они выстраивают свои ряды и со знаменами бросаются в атаку. Более ожесточенного натиска не в состоянии произвести какое-либо другое войско. Такой атаки не может выдержать ни одна армия».[150] Как в первом, так и во втором случае описывается атака йомутов сомкнутым строем,основанная на применении оружия ближнего боя: сабель и пик. В литературе имеются и другие указания на то, что подобный способ ведения боя являлся характерным приемом туркмен. Так, Д.М. Овезов в работе, посвященной туркменам-гекленам, отмечает, что при нападении персов в XIX в. на Кара-Калу «основной ударной силой туркмен были всадники, вооруженные саблями».[151] А.Н. Самойлович, касаясь тактики туркмен, замечает: «Во время главного боя туркмены устраивают стремительные атаки, действуя главным образом шашками и копьями».[152] Один из участников экспедиции Скобелева в Ахал, характеризуя атаку текинцев, отмечал, что все раны ими были «нанесены исключительно холодным оружием».[153]

Оружие дальнего радиуса действия — лук и стрелы, а для XIX в. — огнестрельное оружие — в вооружении туркмен играли меньшую роль,чем оружие ближнего боя. П.И. Демезон по этому поводу сообщает следующее: «Туркмены почти все имеют собственных лошадей, но зато у них гораздо меньше ружей, чем у узбеков».[154] Вряд ли можно говорить о том, что основной причиной малого использования огнестрельного оружия туркменами была высокая его стоимость на среднеазиатском рынке,а также малое количество оружейных мастеров в местной туркменской среде. Алиханов-Аварский, посетивший Мары накануне его присоединения к России, писал: «В Мерве сосредоточилось столько пленных и оружия, что цена на невольника упала с 500 рублей до 5,а за ружье едва платили три крана».[155]

Об употреблении огнестрельного оружия у йомутов имеются следующие данные: «Огнестрельное оружие имеют туркмены далеко не все. Несмотря на то, что туркмены

преимущественно разбойники по ремеслу, они на деле мало обращаются с оружием,оттого у них не образовалось привычки и доверия предпочтительно к той или иной системе оружия. Патронташей или хазырей у туркмен нет... порох помещается в пороховнице... то и другое вешается на пояс вследствие этого заряжение очень медленно».[156] Отсутствие огнестрельного оружия автор отмечает у тех лиц,которые занимались аламаном, т.е. тех, кто действительно имел реальную возможность получить его или в виде трофея или в обмен на добычу. Абаза, описывая неудачный поход Перовского на Хиву в 1839—1840 гг., сообщает: «Из-за пригорка выскочила партия туркмен... у передних всадников торчали длинные пики, остальные были вооружены шашками, лишь у немногих висели сзади тяжелые ружья».[157] Приведем замечание офицера генерального штаба по поводу военных действий под Хивой в 1873 г.: «Ханство защищали, собственно, только туркмены,которые при этом были весьма плохо вооружены».[158] Можно предположить, что автор докладной записки под «плохим вооружением» понимал главным образом отсутствие огнестрельного оружия, факт наличия у туркмен холодного оружия вряд ли рассматривался автором как серьезная угроза для отряда регулярной русской армии. События, о которых шла речь в двух вышеприведенных фрагментах, касаются завоевания Хивинского ханства,когда вопрос стоял о самом его существовании. Отсутствие у туркменских отрядов, которые были наиболее боеспособными частями войска хана,в период наивысшей опасности для ханства достаточного количества огнестрельного оружия,скорее,можно объяснить своеобразием тактики,чем невозможностью или нежеланием хана выделить достаточное его количество для обороны Хивы. В целом можно говорить, что употребление огнестрельного оружия носило ограниченный характер, и его использование не повлияло на традиционную военную тактику туркмен, у которых основной структурной единицей войска был отряд воинов-всадников.

Основополагающие принципы тактики туркмен находят свои аналоги в тактике сарматов,принявших наряду с другими древними ираноязычными народами участие в этногенезе туркмен. В частности, по мнению А.А. Рослякова, туркмены являлись наследниками военного искусства сарматов.[159] В современной литературе утвердилось мнение, что тактику сарматов

составлял ближний конный бой.[160] Мнение это не расходится с точкой зрения античных авторов. По словам Тацита: «Сарматы, не используя луков, которыми владеют слабее парфян, устремляются на них с длинными копьями и мечами, и враги то сшибаются и откатываются назад, то, как в рукопашной схватке, теснят друг друга напором тел и оружия».[161] Преобладание в тактике сарматов ведения боя копьем и мечем не является моментом, характерным лишь для катафрактариев специализированной тяжелой конницы. Особо важно в этой связи сообщение Страбона о преобладании в войске роксаланов копья, так как сведения эти касаются легковооруженной конницы сармат еще до появления катафрактариев.[162] По вопросу о роли пехоты в войске сарматов в литературе нет единодушного мнения. Существуют две точки зрения, резко расходящиеся в оценке роли пехоты у сарматов: более ранняя, А.А. Рослякова, об очень большом значении пехоты,[163] и вторая точка зрения, согласно которой, «пехота имела лишь вспомогательное значение, и, вероятно, вербовалась из самых неимущих слоев сарматского общества».[164]

Говоря о традиционной системе обороны туркмен,в первую очередь следует вспомнить о «куренной» системе хозяйства у кочевников, при которой «целый ряд семей кочует совместно и на ночь огораживает ставку телегами и дозорами».[165] Способ таборной защиты лагеря,когда из повозок сооружалось кольцеобразное заградительное сооружение, был известен скифам, сарматам, гуннам, ранним тюркам.[166] Некоторые башкирские кочевья в середине XIX в. располагались по кругу. Туркмены, отмечает Росляков, поступали так же, но при этом замечает, что «об укрепленном лагере из телег мы в источниках ничего не слышали». В качестве доказательства того, что подобная система защиты практиковалась у народов Средней Азии, автор говорит об арб-хамал — лагере из арб, в котором укрывались каракалпаки в 1918 г. во время гражданской войны в Хорезме.[167]

По сообщению информанта йомута-атабая, в период, когда возникала угроза нападения, туркмены располагали свои гараой по кругу. Такое расположение жилищ называлось айлак. Вокруг юрт прорывалась канава, глубина которой составляла примерно 1 м при ширине в 3 м. Эта канава, носившая название уч гез, должна была предотвратить угон скота из

айлака. Вход в айлак находился со стороны юга и не был прикрыт траншеей. Проход этот был достаточно широким, для того чтобы можно было быстро загнать или выгнать из айлака находящихся здесь верблюдов. Днем, когда скот выпасался на пастбище, его охраняли мергены-стрелки. Ночью, после того как скот загоняли в лагерь, стрелки располагались на линии входа по обеим его сторонам. Юрты, стоявшие по краям прохода, принадлежали руководителям лагеря. В айлаке находились до тех пор, пока в окрестностях хватало корма для скота, после чего их оставляли и вторично уже никогда не использовали.[168]

Что же касается таборной системы защиты у туркмен, то в литературе имеется упоминание о том, что к ней прибегали йомуты в период присоединения Хивы к России. Йомутов, решивших откочевать за пределы Хивинского ханства, преследовал русский отряд с целью остановить движение туркмен и вернуть их на места прежнего обитания. Преследование сопровождалось взаимными атаками: «Когда, отбив атаку и преследуя неприятеля, русские войска настигали эти обозы, туркмены, не сдавались, а составляли из своих арб как бы укрепления, защищались с остервенением».[169] Описание этих событий можно дополнить следующими подробностями: «Казаки после короткого боя овладели тремя большими таборами (вагенбурги), приспособленными для обороны, причем захватили 3 т. арб и более 5 т. разного скота».[170]

Когда русские войска пришли в Ахал, им пришлось столкнуться с укреплениями, которые были возведены населением с традициями уже достаточно длительного проживания в оазисе. Крепость Денгиль-тепе представляла собой земляной вал, плотно утоптанный и облицованный глиной.[171] Ломакин, говоря о сражении при Геок-тепе 15 сентября 1879 г., отмечал: «Пришлось бороться с непреоборимыми искусственными препятствиями, глубокими рвами, наполненными водою, высокими стенками, сплошными рядами кибиток, наполненных землею и песком».[172] Та группа солдат, которая смогла ворваться в эту крепость, «растерявшись в узких проходах между кибитками, вся там и осталась».[173]

Интересно сравнить это самое последнее крупное сражение в истории военного искусства туркмен со сражением, которое произошло в 548 г. и в котором предки туркмен вышли победителями. Вот описание лагеря огузов согласно Имад-ад-

дин Исфахани: «Они нашли убежище в месте, куда можно пройти только по долине, ширина которой не допускает прохода (сразу) более ста всадников. Они приготовили на дороге ямы по способу (при сражениях) туркмен. Затем они укрепились и приготовились, сделали ограду из шатров как стены и за ними зажгли огонь клинков в виде изгороди».[174] Вероятно, не будет ошибкой говорить о совпадении основных принципов, заложенных при организации оборонительных сооружений этих, столь отдаленных друг от друга событий военной и политической истории туркмен. Отметим, в частности, стремление создать противнику условия, при которых он был бы максимально стеснен в проведении маневра с использованием искусственных сооружений, а также использование в качестве одного из основных элементов оборонительной системы собственных жилищ.

М.И. Иванин, говоря о традиционной системе обороны кочевых народов, отмечал, что она основывалась «на обширности и безводии степей и на превосходной сторожевой службе».[175] Последняя имела у туркмен свои особенности. У текинцев Ахала, а также иных туркменских племен, проживающих в этом районе, сложилась следующая система караульной службы: «По высотам, с которых возможно было наблюдение за ущельями, выставлялся ряд постов, складывались около них костры, которые и зажигались в случае опасности». Непосредственно укрепления представляли собой «целый ряд оборонительных башен на полях и наконец укрепления внутри селений, называемые русскими "кала"».[176] Подобную систему обороны можно считать типичной для всей южной Туркмении.[177] В Мурче оба, населенном автохтонным земледельческим населением, располагалась гала — крепость, одно из звеньев цепи крепостей, развернувшейся вдоль линии иранской границы. Ближайшие от Мурче крепости находились в Арчмане, Дуруне. Во время нападения со стороны Ирана, когда силы противника явно превосходили силы обороняющихся, верховые оповещали ближайшие населенные пункты. Система оборонительных сооружений оба Мурче представляла собой крепость и три башни — дин, располагавшихся по линии от селения к границе. В башнях несли сторожевую службу караулы в составе 2—3 человек. Весть об опасности по эстафете передавалась в оба.[178] По сообщению нашего информанта-текинца, проживающего в

Геок-Тепинском районе, у местного туркменского населения в горах были небольшие поселения, состоящие примерно из 10 хозяйств, которые являлись своеобразными аванпостами.[179] П.М. Лессар, говоря о населении Мерва, дает следующую характеристику их караульной системе: «В удобных пунктах ставятся скрытно караулы, обязанность которых следить за движением разбойников, в случае нападения караульщики спешат сообщить в оазис, откуда и снаряжается соответствующая силе аламана погоня».[180]

У сарыков Пендинского оазиса для предотвращения нападения ночью вокруг оба выставлялись посты — гараул дин. Количество постов зависело от рельефа местности. Если обзор местности был затруднен из-за густых зарослей камыша, то караулов выставлялось больше. Обычно количество часовых колебалось от 2 до 10. Укрытие, в котором располагались люди, представляли собой окопы (гызлончек) или завалы из травы и камыша.[181]

Одним из первых сообщений, где говорится о службе охранения у йомутов, можно считать материалы поездки капитана Тебенева, датируемые 1741 г.: «Кайсаки де к нам по всякий год подбегают и скот отгоняют, иногда и людей наших полонят, понеже де наши трухменцы сидят в разных местах, точию де всегда имеют на Ираклинских горах к Мертвому Калтуку караул, и, когда к нашим местам кайсаки собранием приближаться будут, тогда де караульные о том возвестят, и от того кайсацкого нападения трухменцы збираются на высокую гору».[182]

По сообщению наших информантов, проживающих в пограничном с геклены районе Терс-Акан, здесь существовала многоступенчатая, сложная служба разведки и оповещения. Йомуты-атабаи выставляли на северном и восточном направлениях караулы на перевалах. Сакчи — пеший караульный находился на своем посту в течение суток. Пост маскировался, и обычно здесь находилось 2—3 человека. Следующим звеном этой цепи была конная разведка (барлагчи — конный разведчик). Как правило, в конный патруль входило до трех всадников, которые отправлялись в дозор на срок до 3 суток. Третьим и последним звеном этой цепи был илчи — разведчик, добывавший информацию непосредственно в селении геклен. Часто илчи выступал в

роли дервиша, мог он быть и в составе торгового каравана и т.д. Таким образом, если конный патруль можно рассматривать в качестве аналога войсковой разведки, то илчи являлся агентурным разведчиком. В случае получения информации о готовящемся нападении, илчи сообщал сведения конному патрулю, который, в свою очередь, передавал эти данные караулу на перевал. В зависимости от оперативной целесообразности информация поступала в селение или от конного патруля, или от часового с горного прохода.[183] Надо отметить, что использование илчи являлось весьма распространенным приемом в традиционной военной практике туркмен. Так, один из наших информантов сообщал, что баи нередко засылали в отряд басмачей илчи (ичалы) с тем, чтобы быть в курсе дел своих личных врагов и даже при удобном стечении обстоятельств устранить местного военного лидера, если в том возникала необходимость.[184] По сообщению информанта-каракалпака, йомуты имели своих доверенных лиц среди местных каракалпакских баев. Богатые скотовладельцы шли на сотрудничество, так как за предоставленные сведения туркмены не разоряли их хозяйства.[185]

Своего наивысшего развития оборонительная система туркмен достигла в создании и функционировании военного лагеря ак-ойли. Хотя ак-ойли известен у ряда туркменских племен, в том числе у текинцев,[186] наиболее полнокровное и длительное существование этого института связано с племенем йомутов. Ак-ойли в его классической форме, описанной С.П. Толстовым, представляет собой молодежный лагерь, призванный, с одной стороны, защитить племенную территорию, с другой — обучить молодых воинов в ходе совместных боевых или военизированных действий.[187] Наш полевой материал позволяет говорить о двух ак-ойли, сформированных в районе йомуто-казахского (на севере) и йомуто-иранского (на юге) пограничья. Причиной формирования «северного» ак-ойли послужили частые набеги казахов-адаевцев, направленные на угон скота. Ак-ойли был создан по инициативе атабайцев — одного из крупных племенных подразделений йомутов. Руководство осуществляли старейшины кочевий района, которому непосредственно угрожала опасность нападения. Обычно каждые десять хозяйств выделяли в ак-ойли одного воина. Последний шел в ак-ойли не один, а со всей своей

семьей, т.е. это уже не был лагерь неженатой молодежи. Семья отбывала в лагерь, оставляя свой скот на попечение родственников. В планировке ак-ойли не отличался от обычного оба. Он располагался у колодца, находившегося в районе предполагаемого нападения врага. В пределах лагеря не устраивались какие-либо защитные сооружения. Правда, есть упоминания о ямах, в которых укрывались женщины и дети, и куда также загонялся скот, имевшийся в небольшом количестве в лагере. Скорее всего, это были естественные складки местности, которые использовались при неожиданном нападении противника. Предположение это основано на том, что ямы носят название чукур, буквально — яма, углубление в земле, впадина. Таким образом ак-ойли был, скорее, базой, нежели укрепленным пунктом. Внутренняя жизнь лагеря вне военных действий мало чем отличалась от жизни обычного оба, ведь ак-ойли формировались на продолжительное время — до года и более. Поэтому в ак-ойли проводились свадьбы с притоком большого количества людей, соответственно с проведением скачек, борьбы, стрельбы в цель и т.д.

Воинские обязанности участников ак-ойли состояли в несении постоянной караульной службы. Через два-три дня из ак-ойли отправлялись небольшие, как правило, парные разъезды. Они следовали в районы окрестных колодцев, находящихся порой на расстоянии ста и более километров от лагеря. Эти сторожевые посты должны были, тщательно изучая характер следов в степи, определить количество проезжавших всадников, направление их движения, затем обнаружить врага и своевременно предупредить об опасности. Предполагая, что за разъездами может наблюдать разведка противника и напасть на них, из лагеря часто направлялись добавочные разъезды, которые должны были наблюдать за своими передовыми постами. Если в назначенное время основной караул не прибывал в условленное место, из лагеря на помощь выезжал отряд в 30—40 человек. Прибыв в оговоренное место, отряд ожидал возвращение караула, при этом один из всадников постоянно двигался по направлению к солнцу и обратно на расстояние 1 км. Это являлось условным сигналом, говорящим о подготовленной этим отрядом засаде, на которую караул мог в случае необходимости вывести врага.[188]

«Южный» ак-ойли был организован, по словам информанта Клычмурада Шадурдыева, против курдов. В его состав входило от 500 до 600 гара ой, расположившихся на берегу Гургена. В это ак-ойли, по словам того же информанта, шли атабаи, проживающие в самых отдаленных районах. Поводом для создания лагеря послужили частые набеги курдов со стороны Ирана. Ак-ойли просуществовал около 7 лет и в нем, так же как и в «северном», существовала система постоянных дозоров и разъездов. Воины также проживали здесь семьями.[189] Согласно другой информации, на юге были сформированы два ак-ойли: одно атабаями, другое джафарбаями. Они располагались в районе Гюргена, на перевале Гекча. Численность участников достигала 5—6 тысяч человек. Обращает на себя внимание огромная концентрация военной силы на базе ак-ойли. В дальнейшем боевые действия приобрели крупномасштабный характер. Так, в частности, воинам ак-ойли удалось захватить город Кюмет, их набеги отличались огромной разрушительной силой. Атабаи из ак-ойли, заключив союз со своими противниками игдырами и годжуками, вступили в боевые действия с правительственными войсками Ирана.[190] Вследствие своей малочисленности «северный» ак-ойли не мог сравниться с «южным» по масштабам проводимых боевых операций. И если первый ак-ойли был занят главным образом предупреждением нападения и его нейтрализацией, то на юге складывалась иная картина. Здесь оборона сразу стала активной. Частые ответные набеги переросли в мощный военный напор на пограничные территории северных провинций Ирана.

Следует также отметить еще одну функцию, с которой было связано существование ак-ойли, а именно: несение своеобразной дипломатической службы. По словам нашего информанта, ак-ойли атабаев и джафарбаев находились на Гюргене в зоне видимости один от другого. После того, как в каком-либо из кочевий угонялся скот, потерпевший обращался за помощью в свой ак-ойли. Всадники из этого ак-ойли входили в контакт со своими «коллегами» из соседнего ак-ойли, ставили их в известность о совершившемся нападении, а также «передавали с рук на руки» обратившегося за помощью скотовода. Хозяин угнанного скота в сопровождении всадников ак-ойли направлялся в селение, где жили предполагаемые похитители. Делом чести руководителя ак-ойли было найти виновного и

вернуть скот его владельцу. Как правило, у йомутов никогда не возникало трудностей в определении виновного. Подобные дипломатические отношения связывали только атабаев и джафарбаев и не распространялись на другие племена.[191]

Рассмотренный нами материал позволяет прийти к следующему предварительному выводу. В тактике туркмен достаточно четко можно выделить два пласта — более ранний, условно сарматский, о чем, в частности, можно судить при рассмотрении комплекса предметов холодного оружия, который был приспособлен для ведения боя воином-всадником, и более поздний пласт — древнетюркский. На практике вырабатывались наиболее гибкие и жизнеспособные приемы ведения войны. Эта военная система в силу практически неизменного образа жизни кочевника-скотовода, продолжала отвечать поставленным перед ней задачам на протяжении веков. Поэтому военная организация, наследниками которой являются туркмены, раз сложившись, продолжала функционировать вплоть до XX в., вобрав в себя опыт всех народов, участвовавших в формировании туркменского этноса, где сарматский пласт органично сочетался с тюркским.

[1] *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов или Чингис-хан и Тамерлан. СПб.,1875. С.44.

[2] *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (XVI—XX). 1974. С.22.

[3] *Росляков А.А.* Основные черты военной системы азиатских степняков. Туркм. ФАН СССР,1951. № 2. С.15.

[4] *Лессар П.М.* Пески Кара-Кумы // Изв. РГО (СПб.). 1884. Вып.2. С.138.

[5] *Васильев И.С.* Ахал-Текинский оазис. СПб.,1888. С.21.

[6] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. СПб.,1883. С.56.

[7] *Карпов Г.И.* Аламаны // Туркменоведение. 1931. № 6. С.28.

[8] *Маслов А.Н.* Россия в Средней Азии // Исторический вестник. 1885. № 5. С.377.

[9] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1641,л.24.

[10] *Борисов А.Б.* Поход конной группы 8 кавбригады в Кара-Кумскую пустыню в 1927 г. М.,1932. С.20.

[11] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.61.

[12] Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.;Л., 1938. Т.2. С.401.

[13] Там же. С.400.

[14] *Лессар П.М.* Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах // Известия РГО (СПб.). 1884. Вып.1. С.63.

[15] *Разин Е.А.* История военного искусства. М.,1955. С.79.

[16] Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад,1954. С.107.

[17] Россия и Туркмения в XIX в. Ашхабад,1947. С.200.

[18] Материалы по истории... С.398—400; 412—413.

[19] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.10.

[20] Там же, д.1573, л.25.

[21] Там же, д.1642, л.50.

[22] Там же, д.1573, л.29.

[23] *Иванов П.П.* Архив хивинских ханов XIX в. Л.,1940. С.21.

[24] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1573, л.49.

[25] Там же. С.14.

[26] *Борисов А.Б.* Поход конной группы... С.12.

[27] Там же. С.39.

[28] Там же. С.84.

[29] Там же. С.140.

[30] Материалы по истории... С.493.

[31] Россия и Туркмения... С.106.

[32] *Ильенко И.* Закаспийская область. М.,1902. С.18.

[33] Россия и Туркмения... С.199.

[34] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. С.56—58.

[35] *Карпов Г.И.* Указ. соч. С.28.

[36] Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость. М.,1974. С.80.

[37] Россия и Туркмения... С.171.

[38] *Мак-Гохан.* Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875. С.259.

[39] Там же. С.273.

[40] *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. СПб.,1902. С.33—34.

[41] Там же. С.65.

[42] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.9.

[43] *Гер-оглы.* Туркменский героический эпос. М.,1983. С.612.

[44] *Бларамберг И.Ф.* Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана // Записки РГО (СПб.). 1850. Кн.4. С.114; Сельское хозяйство в Закаспийской области // Закаспийское обозрение. 1901. № 51. С.2; *Логофет Д.Н.* На границах Средней Азии. Персидская граница. СПб.,1909. С.166.

[45] Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву // Туркестанские ведомости. 1871. № 45. С.180.

[46] *Андреев А.П.* Туркменский аламан // Исторический вестник (СПб.) 1902. № 7. С.120.

[47] *Абаза К.К.* Указ. соч. С.261.

[48] Там же.

[49] *Гиршфельд* (капитан), *Галкин* (генерал). Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент,1902. С.176.

[50] Гер-оглы... С.671—672.

[51] Туркмены йомудского племени // Военный сборник. СПб.,1872. Т.83. № 1. С.847.
[52] *Иванин М.И.* Указ. соч. С.193.
[53] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.15.
[54] *Иванин М.И.* Указ. соч. С.164—165.
[55] Там же.
[56] Гер-оглы... С.52.
[57] Туркмены йомутского племени... С.86.
[58] Гер-оглы... С.90.
[59] ЦГА ТССР, ф.И-1, оп.2, д.12760, л.5.
[60] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.14.
[61] Там же, д.1573, л.29.
[62] Гер-оглы... С.532.
[63] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1573, л.29.
[64] *Янборисов В.Р.* Конская упряжь в военном деле туркмен // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений 1990—1991. СПб.,1992. С.36.
[65] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.10,13,14.
[66] Там же,л.12.
[67] Там же,л.10.
[68] Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. СПб., 1876. С.58.
[69] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.13.
[70] *Лессар П.М.* Заметки о Закаспийском крае... С.52.
[71] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.17.
[72] Гер-оглы... С.676—677.
[73] Там же. С.684.
[74] Там же. С.429.
[75] Там же. С.599.
[76] Там же. С.653.
[77] Там же. С.704.
[78] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1341,л.2—3.
[79] Там же, д.1517, л.20.
[80] Гер-оглы... С.747.
[81] ЦГА ТССР, ф.И-1, оп.2, д.1642, л.47.
[82] *Филиппов С.Т.* Карательная экспедиция генерала Мадридова // Туркменоведение. 1930. № 6—7. С.19—20.
[83] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1642, л.47.
[84] *Борисов А.Б.* Поход конной группы... С.95.
[85] Там же. С.133.
[86] *Росляков А.А.* Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI—XV веках // УЗ ТГУ. Ашхабад,1962. Вып.21. С.231.
[87] Россия и Туркмения... С.115.
[88] Гер-оглы... С.555.
[89] Россия и Туркмения... С.137.
[90] Там же. С.100.
[91] *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. М.,1868. С.282.

[92] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.12.
[93] *Ильенко И.* Закаспийская область. М.,1902. С.26.
[94] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1573, л.34.
[95] Ахал-Текинская экспедиция генерала Скобелева в 1880—81 гг. из воспоминаний д-ра А.В. Щербака. СПб.,1900. С.63.
[96] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1342, л.7.
[97] Гер-оглы... С.676.
[98] Чолпа // Закаспийское обозрение. 1903. № 5. С.2.
[99] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1573, л.67.
[100] Наши соседи в Средней Азии... С.59; *Бларамберг И.Ф.* Указ. соч. С.116; *Карпов Г.* Указ. соч. С.28.
[101] Наши соседи в Средней Азии... С.59.
[102] *Ильенко И.* Указ. соч. С.28.
[103] Туркменские народные сказки Марыйского района. М.;Л.,1954. С.122.
[104] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1341,л.4.
[105] *Карпов Г.И.* Указ. соч. С.28.
[106] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. С.56—58.
[107] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.46.
[108] Гер-Оглы... С.663.
[109] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.16.
[110] *Андреев А.П.* Указ. соч. С.121—122; *Логофет Д.Н.* Указ. соч. С.105.
[111] *Мак-Гохан.* Указ. соч. С.141.
[112] Там же. С.283; Ахал-Текинская экспедиция... С.151; *Абаза К.К.* Указ. соч. С.290; *Ильенко И.* Указ. соч. С,39.
[113] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1517, л.13.
[114] Там же, л.21
[115] Устная информация Атаева Сердара, сотрудника Института истории им. Батырова.
[116] Материалы по истории... С.398—400.
[117] *Алиханов-Аварский М.* Закаспийские воспоминания 1881—1885 // Вестник Европы (СПб.). 1904. № 9. С.91.
[118] *Филиппов С.Т.* Указ. соч. С.21.
[119] *Ильенко И.* Указ. соч. С.19.
[120] *Абаза К.К.* Указ. соч. С.289.
[121] *Тәҗев А.* Традицион чага оюнлары ве оларын тербиечилик хмиети. Ашгабат,1985. С.48.
[122] Там же. С.54.
[123] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1342,л.4—6.
[124] *Иванин М.И.* Указ. соч. С.165.
[125] *Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н.* Русское оружие XI—XIX вв. М.,1953.
[126] Гер-оглы... С.422,585,608.
[127] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. С.84.
[128] *Виткевич И.В.* Записки о бухарском ханстве. М.,1883. С.92.
[129] *Гиршфельд* (капитан), *Галкин* (генерал). Указ. соч.

[130] *König W.* Die Achal-Teke. Berlin,1962. S.114.

[131] *Нурмухамедов К.* Промысловое хозяйство туркмен в конце XIX—начале XX в. // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX—начала XX в. Ашхабад,1982. С.125.

[132] *Оразов А.* Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в конце XIX—начале XX в. (Историко-этнографический очерк). Ашхабад,1972. С.75.

[133] Туркмены Йомудского племени... С.78.

[134] *Дудин С.М.* Отчеты о поездках в Среднюю Азию (в 1900—1902 гг.) // Архив РЭМ, ф.1, оп.2, д.247, л.31—32.

[135] *Бларамберг И.Ф.* Указ. соч. С.113.

[136] *Ботяков Ю.М., Янборисов В.Р.* Холодное оружие туркмен // Сб. МАЭ. 1989. Т.XLIII. С.54.

[137] Там же.

[138] Туркмены йомудского племени... С.78.

[139] *Ботяков Ю.М., Янборисов В.Р.* Указ. соч. С.56.

[140] Там же.

[141] Туркмены йомудского племени... С.79.

[142] *Ботяков Ю.М., Янборисов В.Р.* Указ. соч. С.58.

[143] Там же.

[144] Там же.

[145] Там же.

[146] *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Л.,1971. Вып.3. С.66.

[147] *Ботяков Ю.М., Янборисов В.Р.* Указ. соч. С.58.

[148] *Ермолов Л.Б.* Эволюция копья // Культурные процессы в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Ереван,1982. С.126.

[149] *Абаза К.К.* Указ. соч. С.196.

[150] Материалы по истории туркмен... С.368.

[151] *Овезов Д.М.* Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад,1976. С.38.

[152] *Самойлович А.Н.* Абду-с-Саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Пг.,1914. С.135.

[153] Ахал-Текинская экспедиция... С.136.

[154] *Демезон П.И.* Записки о Бухарском ханстве. М.,1983. С.72.

[155] *Алиханов-Аварский М.* Мервский оазис и дороги, ведущие к нему // Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад,1954. С.333.

[156] Туркмены йомудского племени... С.78.

[157] *Абаза К.К.* Указ. соч. С.33.

[158] Россия и Туркмения... С.74.

[159] *Росляков А.А.* Основные черты военной системы... С.24.

[160] *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск,1986. С.59.

[161] *Тацит Корнелий.* Анналы. Л.,1969. С.35.

[162] *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.,1971. С.44.

[163] *Росляков А.А.* Основные черты военной системы... С.12.

[164] *Хазанов А.М.* Указ. соч. С.12.

[165] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М.,1967. С.71.

[166] *Заседателева Л.Б.* Указ. соч. С.93—94.

[167] Там же. С.96—97.

[168] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.37.

[169] Россия и Туркмения... С.66.

[170] *Абаза К.К.* Указ. соч. С.211.

[171] Там же. С.285.

[172] Россия и Туркмения... С.134.

[173] *Абаза К.К.* Указ. соч. С.274.

[174] Очерки из истории... С.119.

[175] *Иванин М.И.* Указ. соч. С.160.

[176] *Житков.* Текинско-персидские укрепления // Инженерный журнал. 1883. № 5. С.39.

[177] *Бердыев А.О.* Крепость Кара-Хан-Кала // Памятники Туркменистана. 1988. № 2/46. С.13—15.

[178] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.21.

[179] Там же,л.22.

[180] *Лессар П.М.* Юго-Западная Туркмения // Известия РГО (СПб.). 1885. Т.21. С.47.

[181] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1517,л.11.

[182] Из журнала капитана Г. Тебенева,1741 // Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. («Красный архив»). М., 1939. Т.2. С.216.

[183] Архив МАЭ РАН,ф.К.1,оп.2,д.1573,л.49.

[184] Там же, д.1642, л.21.

[185] Там же, д.1342, л.5.

[186] *Дурдыев М.Б.* Пограничные и военные отряды туркмен Южного Туркменистана в конце XIX—начале XX в. (ак-ойли) // Изв. АН Туркм. ССР. 1970. № 3.

[187] *Толстов С.П.* К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник древней истории. 1938. Т.1(2). С.75.

[188] Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1341, л.28.

[189] Там же,л.20.

[190] Там же,л.21.

[191] Там же, д.1573, л.21, 44.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге мы можем дать следующую характеристику института аламана у туркмен.

При сопоставлении структурных особенностей аламана как организации с охотничьими, промысловыми и производственными артелями можно говорить об их полной идентичности с последними. Выделим наиболее значимые из них, а именно: добровольный характер формирования, предоставление права участия иноплеменникам, наличие широких полномочий для руководителя в период набега или работы с последующей их полной утратой, регламентация раздела добычи — совпадение всех этих признаков позволяет говорить о том, что для местного населения аламан обладал равным с другими временными хозяйственными формированиями статусом. Это позволяет рассматривать аламан как институт, органично вошедший в систему экономических связей туркмен, что предопределило прочные традиции его длительного проведения среди населения.

Говоря об экономической сфере, мы можем совершенно определенно выделить следующий значительный процесс, протекавший в туркменском обществе в середине XIX—начале XX в., в котором институт аламана сыграл свою значительную роль, процесс вторичной номадизации — седентаризации. Представляется правомерным рассматривать большую активность в организации аламана среди тех чомур, образ жизни которых был еще не отделим от скотоводческого уклада и в жизни которых традиции земледелия не нашли еще достаточно большого места. Аламаны совершались вчерашними скотоводами, еще не ставшими земледельцами, с четко проявляющимся стереотипом кочевника. Наличие массы высвобожденных из хозяйственного процесса, лично свободных скотоводов, находящихся в состоянии социальной взвешенности, стало той питательной средой, на основе которой аламан смог приобрести черты широкого

социального явления. Собственно чомур, окончательно утвердившийся в положении земледельца, не представлял собой потенциального участника аламана.

Одной из причин незавершенности процесса оседания на земле у туркмен ко времени включения в состав Российского государства является наличие института аламана, который позволял определенной категории населения из числа разорившихся скотоводов прекращать занятие земледелием и вернуть свой первоначальный статус. Процесс седентаризации в характерных физико-географических условиях Туркмении (отсутствие водных источников, засоление почв и т.д.) сопровождался встречным процессом вторичной номадизации. В этих условиях аламан являлся тем инструментом, с помощью которого был возможен переход от земледелия к скотоводству. Дальнейшее существование скотовода зависело от различных хозяйственных и политических факторов. Не обладая в массе своей необходимой экономической стабильностью, хозяйства вновь разорялись, места их занимали другие, таким образом сам слой чарва оставался в неизменном виде — размер его был обусловлен возможностями экосистемы.

Показательно, что с приходом русских и связанным с этим уменьшением практики аламана в туркменском обществе резко обостряется процесс социальной и имущественной дифференциации. Оседание на землю приобретает черты массового явления. Разоряется и обращается к земледелию большое количество скотоводов, которые уже не в состоянии, как в прошлом, воспользоваться временным источником восполнения естественной убыли скота — аламаном. Мы можем совершенно определенно говорить о том, что процесс окончательного расслоения туркменского общества на номадов и дехкан тормозился из-за сохраняющейся практики проведения набегов.

Военная сфера продолжала оставаться актуальной в жизни общины, что способствовало значительной структурированности туркменского общества по половозрастному принципу. Ориентация мужской молодежи на участие в аламане, как на престижную сферу деятельности, обусловила сохранение в рамках возрастной периодизации рельефных контуров трех возрастных классов — етгинджеков, джагылов и иигитов с закрепленными за ними функциями охраны

племенной территории. Границы этих возрастных классов четко фиксируются проведением соответствующих обрядов посвящения, сохраняющихся в трансформированном виде по настоящее время. Задача охраны племенной территории порождала определенную специфику — относительную оторванность военных отрядов от общины. Наряду с родовыми связями в этих группах возникали свои узкокорпоративные связи, наличие которых обособляло мужскую молодежь от основной массы общинников, что могло проявляться в определенной агрессивности, направленной не только вовне, но и внутрь общины. Эта определенная автономность от общины создавала ситуацию, при которой группы джагылов и иигитов являлись своеобразным буфером, предохранявшим родовые коллективы от крупных столкновений. Возникавшие конфликты локализировались в рамках взаимоотношений подобных молодежных групп.

В XVIII—XIX вв. туркменское общество переживает бурный процесс освоения новых земель, интенсивность которого в немалой степени была обусловлена процессом «пульсации», вызванной экстенсивными формами ведения хозяйства. Освоение земель в рассматриваемый период времени могло осуществляться уже лишь в форме военного захвата, с вытеснением проживающего здесь населения. Эффективным средством для проведения захвата являлся институт аламана, участниками которого становились не только сородичи, но и представители иных родовых и даже племенных формирований. Нередко аламан являлся сугубо частной экспедицией, совершаемой в ряде случаев вопреки решениям племенного совета. Экономически неупроченное положение молодежи в общине, с одной стороны, и военная функция как основная общественная функция представителей этих возрастных группировок — с другой, обусловили обстоятельства,при которых молодежь являлась авангардом во время многочисленных племенных переселений. К концу XIX в. социальный слой «молодежи» представлял собой широкую общественную базу, включавшую в себя слои общества, ограниченные в своих экономических правах. Подобный статус могли иметь и отдельные родовые группы, оторвавшиеся от основного массива и занимавшие на новом месте проживания подчиненное положение новичка. Проживание на пограничных

территориях, выделяемых им в качестве места обитания, было сопряжено с опасностью частых набегов, что выдвигало их на роль военного заслона, ту самую роль, которую традиционно выполняла мужская молодежь в общине.

Военные экспедиции, совершаемые с целью захвата территорий, как правило, не отличались по своему характеру от переселений родовых групп, так как родоплеменная организация продолжала оставаться универсальной формой существования крупных социумов. В результате проведения военных экспедиций происходила постоянная сегментация родоплеменных единств и образование новых родовых подразделений.

Среди проводившихся туркменами набегов из разряда дозволенных адатом особое место принадлежит чапаулу — набегу, совершаемому в качестве возмездия. В условиях Туркмении, где не завершился процесс формирования ханской власти, чапаул имел широкое распространение в качестве регулятора норм обычного права. Наиболее тесно соприкасался с чапаулом обычай кровной мести, осуществление которой отличалось своей регламентированностью. Кровная месть не ограничивалась лишь физическим уничтожением противника,а включала в себя также вооруженное нападение с последующим разграблением. Очень часто причиной карательной акции являлось оскорбление рода или его отдельных представителей. Солидная часть всей совокупности чапаулов, проводившихся на почве оскорбления чести рода, составляли набеги, спровоцированные враждебными действиями, направленными против женщин. Неотомстивший рисковал «потерять лицо», после чего его существование в общине становилось практически невозможным. Оскорбление, наносимое частному лицу, опосредованно обращалось против всей родовой группы, но оно также могло быть нанесено непосредственно всей родовой группе и тогда отмщение становилось особо значимым. Знакомство с эпосом дает основание говорить об определенной роли женщины в системе социально-политических отношений в туркменском традиционном обществе. Во-первых,оскорбление женщины являлось наиболее верным и сильным средством дискредитации противника. Во-вторых, нанесение оскорбления подобным образом могло стать штрафной санкцией по отношению к противнику. Чапаул широко использовался в

политических отношениях между туркменскими племенами. Практически любой совершавшийся набег рассматривался или выдавался его участниками в качестве чапаула. В политической культуре туркмен чапаул широко использовался как средство давления на различных общественных уровнях. Стать жертвой подобной военной акции могли не только представители иных племен, но также и одноплеменники. Наиболее часто чапаул совершался при разрешении конфликтов,возникавших на почве угона скота,что было обычным явлением. Взаимный расчет в немалой степени зависел от того,к сильному или слабому роду относились нападавшая и потерпевшая стороны. В тех случаях, когда родовые старейшины признавали, что урон нанесен противником, обладавшим более низким статусом, чем их собственный,угон рассматривался как нанесение оскорбления. В этой ситуации пострадавшая сторона считала себя вправе применить более жесткие санкции. Широкое бытование чапаула как средства восстановления нарушенного суверенитета, неизбежный субъективизм при определении размеров штрафных санкций приводили к оставлению мест своего обитания не только отдельными семьями, но и целыми родовыми коллективами. Уход из общины в отдаленные или труднодоступные районы был средством спасения от репрессий, но также и важным условием успешного достижения мстителем своей цели. В условиях изоляции от общины, пусть даже временной, единственно возможной формой существования мстителя являлся набег. Постепенно набеги для этой категории лиц становились самоцелью,они занимались ими профессионально и назад в свои селения уже не возвращались. Нередко мстители переставали руководствоваться в своей деятельности нормами обычного права, и в дальнейшем они смыкались с изгоями, изгнанными старейшинами или убежавшими из общины вследствие острого конфликта с обществом. В настоящем случае мы непосредственно имеем дело с набегом, который у туркмен носил название калтаман и являлся акцией, проведение которой не регламентировалось никакими нормами обычного права. По представлениям туркмен, калтаман — это, в первую очередь, образ жизни и практически полная изоляция от родного оба и постоянное занятие набегами. Следует отметить, что калтаман представляется явлением далеко неоднозначным в силу того

обстоятельства, что его участниками были не только изгои. Начиная с 12 лет среди молодежи проводились совместные собрания неженатой молодежи — дингене. Нередки были случаи, когда участники дингене для подготовки совместной трапезы похищали у местного населения овец или домашнюю птицу. При этом кражи совершались главным образом на территории оба, в котором проживали участники дингене. Нападения эти рассматривались окружающими в качестве своеобразной тренировки. Часто набеги молодежи совершались в пределах ближнего радиуса действия, на территории, где проживали представители родственных групп, и служили той же цели. Чапаул являлся освященным адатом средством разрешения межродовых, межличностных споров, что не могло не стать одной из причин его широкого бытования.

В военной тактике туркмен достаточно четко можно выделить два пласта — более ранний, условно сарматский, о чем в частности можно судить при рассмотрении комплекса предметов холодного оружия, который был приспособлен для ведения боя воином-всадником, и более поздний пласт — древнетюркский. На практике вырабатывались наиболее гибкие и жизнеспособные приемы ведения войны. Эта военная система в силу практически неизменного образа жизни кочевника-скотовода продолжала отвечать поставленным перед ней задачам на протяжении веков. Поэтому военная организация, наследниками которой являются туркмены, раз сложившись, продолжала функционировать плоть до XX в., вобрав в себя опыт всех народов, участвовавших в формировании туркменского этноса,где сарматский пласт органично сочетался с тюркским.

К собственно туркменской модели ведения военных действий мы можем отнести те основные принципы формирования аламана и его проведения, которые сложились под влиянием конкретных физико-географических особенностей местности, в которой проживали и вели военные действия туркменские племена. К ним в первую очередь следует отнести такие, которые были связаны с организацией похода и преодолением пустынной местности, а именно: использование сети колодцев, отлично налаженную службу сопровождения, использование лошадей местных пород, имеющих прекрасные качества. Тем не менее, такой фактор, как безводие, оставался

решающим — количество участников редко превышало 30—50 человек. При формировании небольших отрядов отпадала необходимость в привлечении сил всего племени или крупных его подразделений. Чаще всего участниками аламана становились представители небольших соседних родоплеменных групп. Подобная система формирования не могла не влиять на сохранение родоплеменной обособленности, так как война являлась практически единственной сферой, где могли укрепляться межплеменные связи отдельных родоплеменных групп.

Крупномасштабные военные действия ушли с туркменской военной сцены,уступив место операциям,значительно меньшим по размаху. Тем не менее, аламаны, показавшие гораздо большую «живучесть», сохранили в себе основные принципы военного искусства кочевого войска. При благоприятном стечении обстоятельств аламан мог легко «развернуться» в крупную военную операцию. Представляется плодотворным в силу этого дальнейшее изучение туркменского аламана как важнейшего источника для реконструкции военной организации кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

Абаза К.К. Завоевание Туркестана. СПб.,1902.

Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // ТИЭ. 1951. Т.14: Родовое общество. Этнографические материалы и исследования.

Абдуль-гази-Бахадур-хан. Родословная туркмен. Асхабад,1897.

Акатова А.И. Туркменские племена накануне их присоединения к Российской империи // Известия Туркменского филиала АН СССР. 1950. № 6.

Александров В. Поездка капитана В. Копытовского на Мангышлак в 1745 г. // Закаспийское обозрение. 1899. № 15.

Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания 1881—1885 // Вестник Европы (СПб.). 1904. № 9.

Алиханов-Аварский М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему // Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад,1954.

Аму-Дарьинский отдел // Туркестанские ведомости. 1876.

Андреев А.П. Туркменский аламан // Исторический вестник (СПб.). 1902. № 7,10.

А.С. (подпись под статьей). Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885) // Туркестанские ведомости. 1909. № 99.

Ахал-Текинская экспедиция генерала Скобелева в 1880—1881 гг. из воспоминаний д-ра А.В. Щербака. СПб.,1900.

Бабаджанов Р. К вопросу расселения туркмен Тедженского оазиса в конце XIX—начале XX в. // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX—начала XX веков. Ашхабад,1982.

Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа // Сб. Туркмения. Л.,1929. Т.1.

Бахтиаров А. Осколки исчезнувших аланов. Нохур // Туркменоведение. 1930. № 8—9.

Бердыев А.О. Крепость Кара-Хан-Кала // Памятники Туркменистана. 1988. № 2/46.

Березин Л. Кара-Кумская проблема // Туркменоведение. 1931. № 1—2.

Благова Г.Ф. Историческое взаимоотношение слов казак и казах // Этнонимы. М.,1970.

Бларамберг И.Ф. Топографическое и статистическое описание берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Караган // Записки РГО (СПб.). 1850. Кн.4.

Боде К. О туркменских поколениях Ямудах и Гокланах // Записки РГО (СПб.). 1847. Кн. 2.

Боде К. Очерки туркменской земли и юго-восточного прибрежья Каспийского моря // Отечественные записки. 1856. № 7—9.

Борисов А.Б. Поход конной группы 8 кавбригады в Кара-Кумскую пустыню в 1927 г. М.,1932.

Ботяков Ю.М., Янборисов В.Р. Холодное оружие туркмен // Сб. МАЭ. 1989. Т.XLIII. С.54.

Браславский П. Кормовая проблема в Туркмении // Туркменоведение. 1930. № 6—7.

Брегель Ю.Э. Хорезмские туркмены в XIX веке. М.,1961.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.,1867.

Вамбери А. Очерки Средней Азии. М.,1868.

Васильев П.С. Ахал-текинский оазис, его прошлое и настоящее (историко-географические очерки Закаспийской области). СПб., 1888.

Винников Я.Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М.,1969.

Виткевич И.В. Записки о Бухарском ханстве. М.,1883.

Володин А. Трухменская степь и трухменцы // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1908. Вып.XXXVIII.

Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость. М.,1974.

Временное положение об управлении Закаспийским краем // Россия и Туркмения в XIX веке. Ашхабад,1946.

Вяткин В.Л. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов // Известия Среднеазиатского отдела РГО. 1928.

Галкин М. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю // Записки РГО (СПб.). 1867. Кн.1.

Гвилава О.М. Аламаны как социальное явление // Новая и новейшая история стран Ближнего Востока. Тбилиси,1983.

Гер-оглы. Туркменский героический эпос. М.,1983.

Гиренко Н.М. Тенденции этнического развития Уньямвези XIX в. // Этническая история Африки. М.,1977.

Гиренко Н.М. Некоторые замечания в связи с проблемой половозрастной стратификации // СЭ. 1981. № 6.

Гиршфельд (капитан), *Галкин* (генерал). Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент,1902. Ч.2.

Гродеков Н.И. Война в Туркмении. СПб.,1883.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.,1967.

Давлетшин. Народный суд в Закаспийской области // Закаспийское обозрение. 1902. № 51.

Демезон П.И. Записки о Бухарском ханстве. М.,1983.

Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н. Русское оружие XI—XIX в. М.,1953.

Дженксон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л.,1938.

Джикиев А. Туркмены Юго-Восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад,1961.

Джикиев А. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры. Ашхабад,1983.

Джикиев А., Мамедиев Я. Расселение закаспийских туркмен в конце XIX—начале XX века // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX—начала XX века. Ашхабад,1982.

Дудин С.М. Отчеты о поездках в Среднюю Азию (в 1900—1902 гг.) // Архив РЭМ,ф.1,оп.2,д.247.

Дурдыев М.Б. Общественные институты у туркмен Ахала в конце XIX—начале XX в. Автореф. канд. дис. ... М.,1970.

Дурдыев М.Б. Пограничные и военные отряды туркмен южного Туркменистана в конце XIX—начале XX в. (ак-ойли) // Известия АН Туркм. ССР, Вып.3. 1970.

Ермолов Л.Б. Эволюция копья // Культурные процессы в эпоху бронзы раннего железа (тез. докл.). Ереван,1982.

Ефремов Ф. Девятилетнее странствие. М.,1952.

Житков. Текинско-персидские укрепления // Инженерный журнал. 1883. № 5.

Задыхина К.Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество (Труды ИЭ. Нов. сер.). М., 1951.

Заседателева Л.Б. Терские казаки (XVI—XX). 1974.

Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов или Чингис-хан и Тамерлан. СПб.,1975.

Иванов П.П. Казахи и Кокандское ханство // Записки Института востоковедения АН СССР // Вып.VII. М.;Л.,1939.

Иванов П.П. Архив хивинских ханов XIX в. Л.,1940.

Из журнала капитана Г. Тебенева, 1741 г. // Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. («Красный архив»). М., 1939. Т.2.

Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. // («Красный архив»). М.,1939. Т.2.

Из отчета начальника Закаспийской области за 1899 г. // Россия и Туркмения в XIX веке. Ашхабад,1946.

Ильенко И. Закаспийская область. М.,1902.

Йомудский-Хан Н. Астрабад и Гюргенская степь // Средняя Азия. СПб.,1910.

Йомудский Н. Туркмены и революция // Туркменоведение. 1927. № 2—3.

Йомудский Карашхан оглы. Бытовые особенности туркмен Туркменской ССР а равно кавказских и зарубежных туркмен, их племенное и родовое деление // Известия Среднеазиатского комитета по охране памятников старины и искусства. Ташкент,1928. Вып.3.

Йомудский С.Н. О пережитках родового быта скотоводов Западной Туркмении в XIX в. // СЭ. 1962. № 4.

Калиновская К.П. К проблеме возрастных систем //СЭ. 1982. № 1.

Камалов С. Каракалпаки в XVIII в.—60-х годах XIX в. Автореф. дис. 1969.

Карелин Г.С. Обозрение восточных берегов Каспийского моря в отношениях статистическом, топографическом и физическом // Зап. ИРГО (СПб.). 1883. Т.10.

Карпов Г.И. Йомуды // Туркменоведение. 1930. № 7—9.

Карпов Г.И. Аламаны // Туркменоведение. 1931. № 6.

Карпов Г.И. Борьба с басмачеством в Туркмении в период 1920—1924 гг. Ашхабад,1934 (рукопись).

Карпов Г.И. О взаимопомощи, кровной мести и роли родовых аксакалов в этих делах. Ашхабад,1939 (рукопись).

Карпов Г.И. О гостеприимстве у туркмен. Ашхабад, 1939 (рукопись).

Карпов Г.И. О туркменских ханах, сардарах, аксакалах, мирабах, джарчи и др. в Ахале (XIX в.). Ашхабад,1939 (рукопись).

Карпов Г.И. Рассказы стариков текинцев об истории своего племени. Ашхабад,1939 (рукопись).

Карпов Г.И. Туркменское племя Геклен. Ашхабад, 1939 (рукопись).

Карпов Г.И. Фольклорный материал. Ашхабад, 1939. С.18 (рукопись).

Карпов Г.И. К истории туркменских национальных формирований РККА. Ашхабад,1944 (рукопись).

Карпов Г.И. К истории туркмен али-эли (ала-эль) // СЭ. 1947. № 3.

Киргизско-русский словарь. М.,1965.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Л.,1971. Вып.3.

Кондаков В.Ф. К истории животноводства Туркменистана (1914—1945) // Труды Туркменского НИИ животноводства и ветеринарии. Ашхабад,1960. Т.2. С.13.

Копия с записки главнокомандующего Кавказской армией // Россия и Туркмения в XIX веке. Ашхабад,1946.

Костин Г. Из жизни кочевий Мервского округа // Туркменоведение. 1928. № 2.

Куропаткин А. Туркмения и туркмены // Военный сборник. СПб.,1879. № 9,10.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. Т.3.

Лессар П.М. Через Персию в Мерв // Новое время. 1883. № 2750.

Лессар П.М. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах // Изв. РГО (СПб.). 1884. Т.20.

Лессар П.М. Пески Кара-Кумов // Изв. РГО (СПб.). 1884. Т.20.

Лессар П.М. Юго-Западная Туркмения // Изв. РГО. (СПб.). 1885. Т.21.

Лессар Л.П. Мерв и его окрестности // Россия и Туркмения в XIX в. Ашхабад,1946.

Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. СПб.,1909.

Ломакин А. Обычное право туркмен. Ашхабад,1897.

Лукиан Самосатский. Токарис / 29,49.

Маврикий. Тактика и стратегия. СПб.,1903.

Мак-Гохан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875.

Максимович Ф.К. О туркменах-моряках // Туркменоведение. 1930. № 6—7.

Максимович Ф.К. Социально-экономический строй туркмен Закаспийской области накануне присоединения к России. Ашхабад, 1960.

Марков Г.Е. Кочевники Азии. М.,1976.

Марков Г.Е. Социальная структура и общественная организация древних и среднеазиатских кочевников // Скифо-Сарматское культурно-историческое единство. Кемерово,1980.

Маслов А.Н. Россия в Средней Азии // Исторический вестник. 1885. № 5.

Массон В.М. Силуэты Сумбарского района // Туркменоведение. 1931. № 3—4.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.;Л.,1939. Т.1.

Мельницкий (полковник Ген. штаба). Статистические данные о Закаспийской области, по сведениям, собранным в 1886 г. // Сборник географических и статистических материалов по Азии. 1888. XXIX.

Мисюгин В.М., Чернецов С.Б. «История галла» как этноисторический источник // ТИЭ. Африкана. Африканский этнографический сборник. 1978. Т.XI.

Михайлов Ф. Положение женщины, брак и развод у текинцев Закаспийской области // Закаспийское обозрение. 1911. № 1122.

Морозова А.С. К вопросу о рабстве у туркмен в XIX в. // КСИЭ. 1949. Вып.6.

Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. СПб.,1873.

Николаев В.Н. Пастбища Заунгузских Кара-Кумов // Труды НИИ животноводства и ветеринарии. Ашхабад, Т.2.

Н.К. (подпись под статьей). Быт, нравы, обычаи и обычное право туркмен Закаспийской области // Закаспийское обозрение. 1896. № 108.

Нурмухамедов К. Промысловое хозяйство туркмен в конце XIX—начале XX в. // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX—начала XX в. Ашхабад,1982.

Обезбаев С.М. Гони Бек // Туркменоведение. 1927. № 1.

Овезов Д.М. Население Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад,1976.

Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб.,1878.

Оразов А. Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в конце XIX—начале XX в. (Историко-этнографический очерк). Ашхабад,1972.

Оразов А. О земледельческих традициях в долине Сумбара и Чандыра в конце XIX—начале XX в. // Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. Ашхабад,1973.

Оразов А. Этнографические очерки хозяйства туркмен Ахала в XIX—начале XX в. Ашхабад,1985.

Очерки Гиссарского края // Туркменские ведомости. 1876. № 4.

Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад,1954.

Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края // Материалы к характеристике народного хозяйства. СПб.,1911. Ч.1, отд.2.

П.В. (подпись под статьей). Народный суд у туркмен Закаспийской области // Закаспийское обозрение. 1897. № 252.

Пески и флора в Закаспийской области // Закаспийское обозрение. 1896. № 1.

Помощь голодающим кочевникам Мангышлака // Закаспийское обозрение. 1911. № 122.

Попович-Липовац И.Ю. Ахал-текинцы // Русский вестник. 1882. Т.158. № 3.

Попов В.А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности // СЭ. 1982. № 1.

Попов В.А. Ашантийцы в XIX в. М.,1982.

Преображенский П.Ф. Разложение родового строя и феодализационный процесс у туркмен-йомутов // Этнография. М.;Л.,1930.

Протоколы Закаспийского кружка любителей Археологии. Ашхабад,1916. Вып.2.

Разин Е.А. История военного искусства. М.,1955.

Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву // Туркестанские ведомости. 1871. № 45.

Росляков А.А. Аламаны // СЭ. 1955. № 2.

Росляков А.А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI—XV веках // Ашхабад,1962.

Рыболовство в Юго-Восточном побережье Каспийского моря // Закаспийское обозрение. 1900. № 243.

Самойлович А.Н. Абду-с-Саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Пг.,1914.

Сеиди. Зелили. Л.,1984.

Сенджаби М. Туркмены в Персии // Туркменоведение. 1928. № 7—8.

Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Материалы Хорезмской экспедиции. М.,1963. Вып.7.

С.П.В. (подпись под статьей). Бедуины // Закаспийское обозрение. 1897. № 39.

Таиров Я. Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области. СПб.,1904. Т.1—2.

Тацит Корнелий. Анналы. Л.,1969.

Толстов С.П. К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник древней истории. 1938. Т.1(2).

Томановская О.С. Проблема происхождения яка-жага // Труды ИЭ. Африкана. Африканский этнографический сб. Л.,1984. Т.XIV.

Травля зверей в степях у Туркманов // Московские ведомости. 1840. Т.43.

Туманович О. Туркменистан и Туркмены // Материалы к изучению истории и этнографии. Асхабад;Полторацк,1926.

Туркменско-русский словарь. М.,1968.

Туркменский юмор. Ашхабад,1968.

Туркмены-текинцы // Закаспийское обозрение. 1896. № 14.

Туркмены йомудского племени // Военный сборник (СПб.). 1872. Т.83. № 1.

Туркменские народные сказки Марыйского района. М.;Л.,1954.

Узбекско-русский словарь. М.,1959.

Файнберг Л.А. Первобытные отношения эскимосов Гренландии // Разложение родового строя и формирование классового общества. М.,1968.

Филиппов С.Т. Карательная экспедиция генерала Мадридова // Туркменоведение. 1930. № 6—7.

Фрейкин З.Г. Туркменская ССР. М.,1957.

Фром Э. Душа человека. М.,1992.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.,1971.

Хазанов А.М. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. М.,1973.

Халфин Н. Россия и Туркмения в XIX в. Сб. документов (рецензия) // Вопросы истории. 1948. № 10.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск,1986.

Хуммиев Б. Организация скотоводческого хозяйства туркмен в конце XIX—начале XX в. // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX—начала XX в. Ашхабад,1982.

Чолпа // Закаспийское обозрение. 1896. № 11.

Штейнберг Е.Л. Очерки истории Туркмении. М.;Л.,1934.

Язлыев Ч. История и хозяйственное развитие населения Среднего Мургаба. Ашхабад,1985.

Язлыев Ч. Санашиковая (общинная) форма землеводопользования и ее особенности у туркмен (XIX—начало XX в.) // Социально-экономические проблемы Туркменистана в конце XIX—начале XX в. Ашхабад,1985.

Янборисов В.Р. Конская упряжь в военном деле туркмен // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений 1990—1991. СПб.,1992.

König W. Die Achal-Teke. Berlin,1962.

Markov G. Türkmenen der Oaze von Bacharden // Jahrbuch des Museum für Volkskunde zu Leipzig. Berlin,1973. Bd 29.

Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони (Девону луготит турк). Тошкент,1960. Т.1.

Тэжев А. Традицион чага оюнлары ве оларын тербиечилик хмиети. Ашгабад,1985.

Архив МАЭ РАН, ф.К.1, оп.2, д.1341; 1342; 1517; 1573; 1641; 1642.

Архив РЭМ,ф.1,оп.2,д.247.

ЦГА ТССР, ф.И-1, оп.2, д.1642; 4931; 5174; 5269; 8318; 8320; 12760;.

ЦГВИА,ф.400,оп.1,д.59; 371; 850; 852; 1842.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава 1. Аламан и экономические процессы в Туркмении 17
Глава 2. Молодежные формирования в системе аламана 49
Глава 3. Набег в контексте обычно-правовых норм и некоторых традиционных социальных институтов 91
Глава 4. Аламан и традиционное военное искусство туркмен 120
Заключение 176
Литература 183

Юрий Михайлович Ботяков

АЛАМАН: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА НАБЕГА У ТУРКМЕН (СЕРЕДИНА XIX—ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

Научное издание

Утверждено к печати
Ученым советом
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской Академии наук

Редактор, технический редактор, корректор *И.Н. Ионина*
Художник *А.Ю. Харитонова*
Компьютерный набор и верстка *М.П. Онянова*

Подписано к печати 19.12.01. Формат 60 × 84 1/16.
Объем 12 п.л. Тираж 300 экз. Заказ 344.
Лицензия ЛП № 000125 от 1 апреля 1999 г.
http:/www.kunstkamera.ru

Петербургкомстат. 197376. С.-Петербург. ул. Профессора Попова, 39.